Н. Сладков

Земля солнечного огня

SHOUT
SHARE
IT

- Николай Иванович Сладков
  -
  -
  - Весна
  - Лето
  - Осень
  - Зима
  -

Николай Иванович Сладков

Земля солнечного огня

Думают почему-то, что в пустыне — пусто. Но разве я смог бы написать эту книжку, если бы пустыня была пустой?

Все просто уверены, что в пустыне задохнешься от жары и засохнешь, как мумия, от безводья. Но если бы я задохся или засох, как же бы я тогда написал эту книжку?

Все считают, что пустыня кишит ядовитыми тварями: змеями, пауками и скорпионами. Что оттуда не выберешься живым. Но если бы это было так, то не было бы и этой книжки!

А ведь вот она — эта книжка!

Полистайте ее, и вы увидите, что пустыня так же богата жизнью, как поле, как степь, как лес. Есть, конечно, в пустыне и ядовитые змеи и скорпионы. Да только не они ищут там вас, а вам придется их поискать!

Есть и жара, и безводье. Но я в первую свою встречу с пустыней промерз до костей и до нитки промок! Гром гремел, хлестал дождь, и мокрая рубаха липла к продрогшему телу.

И в другие дни случалось по-разному.

Сто раз я там замерзал и сгорал, сто раз промокал и высыхал.

И кожа с носа сползала сто раз. И слепли глаза от блеска солончаков. И трескались губы от раскаленного ветра — афганца. И поту было пролито море. И чаю выпито океан.

А сколько пройдено рассыпчатых километров!

Песок везде: от горизонта до горизонта. Он под ботинками и в ботинках. Он в носках и в отворотах на брюках. Он в карманах, в сумке, за пазухой. Песок в волосах, в ушах и в бровях. Песок царапает глаза, скрипит на зубах, струится по телу.

Но теперь все тяжелое и неприятное ушло само по себе. Осталась радость от встречи с удивительным миром песков. Ну и эта вот книга…

Н. Сладков

Земля солнечного огня

Издательство „Детская литература“ Ленинград
1970

Рисунки Т. Капустиной

Фотографии автора

Пустыня — это желтое и голубое. Голубое вверху — небо. Желтое внизу: впереди, позади, справа, слева — вокруг. Сколько видит глаз и еще дальше — за горизонтом.

Земля, прокаленная солнцем…

Звенящая глина, растрескавшаяся, как торцовая мостовая — *такыр*. Топкое болото, засыпанное белой солью — *солончак*. Сугробы золотого песка — *барханы*.

Скалы, почерневшие от пустынного загара. Камни, лопнувшие от жары. Кусты, похожие на мотки ржавой колючей проволоки. Злые цветы, протыкающие шипами пальцы. Кочки травы, похожие на ежей и дикобразов.

Пустыня — это земля, над которой нестерпимо много неба и солнца.

В пустыне все непривычно и непонятно.

Озерные впадины без воды. Реки, которые никуда не впадают. Проливные дожди, которые высыхают, не долетая до земли. Деревца, под которыми нету тени. Родники, соленая вода которых не утоляет, а разжигает жажду. Даже хорошей погодой там называют не солнечную и сухую, а пасмурную и дождливую. Даже зонтик защищает не от дождя, а от солнца!

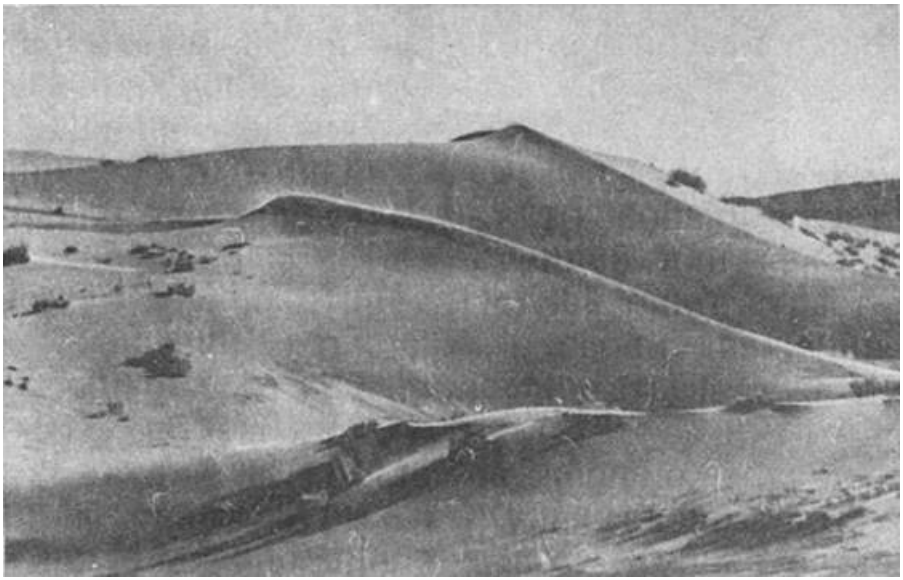
Земля без земли. Текучая река песка, зыбкое море песчаных волн.

Желтый океан

Пустыня как океан: та же необъятность и грандиозность. Синяя необъятность океана и желтая безграничность пустыни. Те же гигантские волны — барханы. Та же на них ветровая рябь. Такие же страшные движутся смерчи.

Ветры хлещут песчинками-брызгами. Птицы торопятся пересечь это желтое море, как торопятся они пересечь и море синее. И, бывает, так же гибнут в желтых волнах, как гибнут и в голубых. Только в волнах пустыни они не тонут, а засыхают…

Голос пустыни



Не видел ничего более величавого, чем караван верблюдов, как мираж плывущий в песках; не слышал ничего более торжественного, чем перезвон его разноголосых колокольчиков. Мерно вышагивают голенастые верблюды, высоко и надменно неся свои птичьи головы с огромными трагическими глазами, притененными изогнутыми ресницами. Звон, бряк и звяк накатываются волной. Накатилась волна, оглушила, захлестнула, вот прокатилась мимо, все дальше, все тише, все мелодичнее звон, — и схлынула за текучий горизонт.

Древний голос пустыни. Непрерывный, как ее бесконечные дороги. Грустный, как посвист ее ветров. Радостный, как журчание воды. Звонкий, как звяк ведер у ее редких колодцев. Заунывный, как крики пустынных птиц. И горький, как солончак…

«На трусливого и собака лает»

Как мне, северянину, понять этот южный край? Как мне, привыкшему к холоду, сырости, вытерпеть сухость и зной? Как мне, выросшему в городской тесноте, оценить распахнутые горизонты? Какими словами обо всем рассказать? О солнечной, как лето, зиме? Об осени, зеленой, как весна? О лете, безжизненном, как зима?

Может, лучше не браться? На юге, наверное, все видится и

чувствуется по-другому. Как это говорят в пустыне: «В незнакомом краю много рытвин и ям».

Но ведь там и так говорят: «Собака лает, а караван идет». Или: «Собака лает, а волк бежит». Чем это не наше: «Собака лает — ветер дует»?

Выходит, что мы хоть и видим разное, но думаем-то так же, как и жители пустыни. Значит, и о чужой земле можно говорить своими словами. Смелей, смелей! Как это по-узбекски: «Кто волков боится — тот в тростник не идет». Как это по-туркменски: «Кто воробьев боится — тот проса не сеет». Как это по-казахски: «Кто боится змею — тот не перешагнет и через веревку». Прямо как и у нас: «Волков бояться — в лес не ходить»!

Смелей, смелей! Как в пустыне говорят: «На трусливого и собака лает!»

Пойдем на бархан

В тайге пугают ребят: «Не ходи в лес — там волк!»

В пустыне пугают ребят: «Не ходи на бархан — там змея!»

У моря пугают ребят: «Не заходи глубоко — там акула!»

А ребята не слушаются и идут. Потому что там и волк, и змея, и акула. И еще много-много чего интересного.

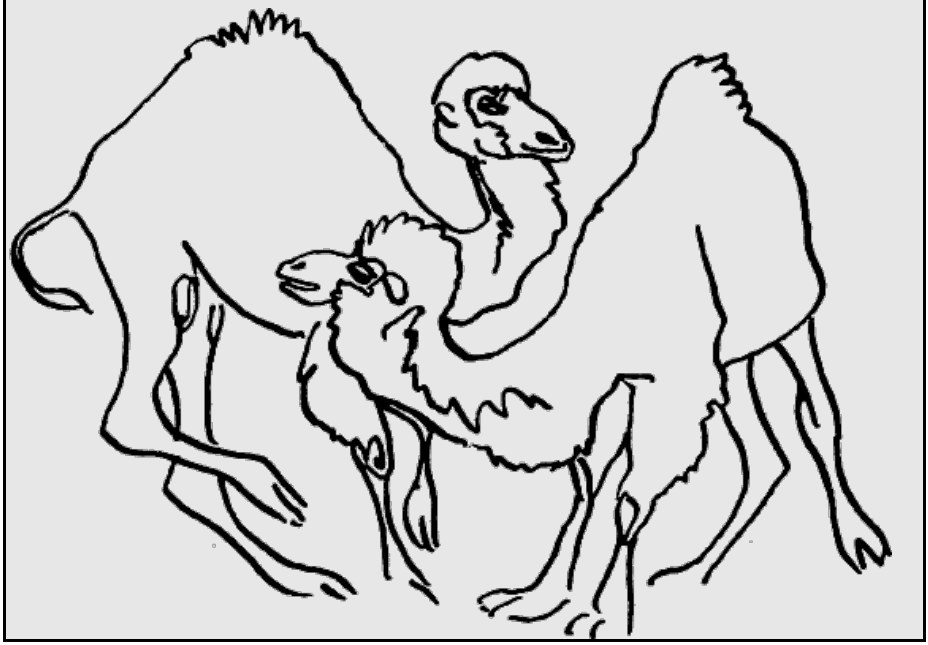
Я вас зову на бархан. Где змея и еще много чего.

Открой эту книгу, как дверь. Пусть пахнёт тебе в лицо жаром раскаленных песков. Смело шагай за порог. Перед тобой Земля солнечного огня. Там живет быстроногая птица *иноходец*, ящерица-*красные уши* и змея, *ходящая боком*. Встретишь там *кабанью птицу*, птицу *обманщика пастуха*, зверька со странным именем *биб-биб* и птицу *чим-чим*.

На песчаном сугробе растет там *джейранья чашка*, на ней сидит ящерица, *проклинающая солнце*, а под ней свернулась змея, *приходящая ночью*.

Чего только не встретишь на этой горячей земле. Смело распахивай дверь и шагай за порог.

Весна



С чего начинать весну? Если, как у нас, с «грачи прилетели», то из пустыни грачи весной… улетают! Если, как у нас, с первых зеленых травинок, то в пустыне они могут появиться и зимой! Если, как у нас, с первых проталин, то проталины могут и вовсе не появиться: снег тут ложится не каждую зиму. Начнем лучше весну по календарю. МАРТ — первый месяц весны.

Весна в пустыне — самое торопливое, самое оживленное время года. Тучи торопятся вылить дожди. Трава торопится зазеленеть, цветы торопятся превратиться в плоды. Пролетные птицы торопятся пролететь, а оседлые — загнездиться. Звери торопятся детенышей вырастить. Черепахи и суслики жиру в запас накопить.

Ночью и днем идет торопливая жизнь — видимая и невидимая. Все торопятся до большой жары кончить свои дела.

День за днем

1 марта. В гнезде орла-беркута на саксауле два яйца. Беркутиха села насиживать.

2 марта. Встречен первый самец агамы. Больше всего за зиму у него похудел… хвост!

3 марта. Большие песчанки «выносят сор из избы» — меняют в своих норках старую зимнюю подстилку.

5 марта. В норе хорька-перевязки появились хорьчата.

6 марта. Валом повалили стаи белобрюхих рябков.

11 марта. Летят дрофы-красотки. Петухи присаживаются на песок и хорохорятся — токуют.

12 марта. По ночам в глухих саксаульниках стал слышен противный вой каракала — пустынной рыси. Вылезли из норок первые тушканчики — видели их следы.

14 марта. Видели первых пролетных птиц садж.

20 марта. Тонкопалый суслик меняет зимнюю телогрейку на летний пиджачок.

21 марта. Пустынный ворон сел высиживать яйца. Торчат из гнезда хвостище и носище.

22 марта. Села высиживать саксаульная сойка.

23 марта. Начались черепашьи бои. Черепахи бегают и сшибаются панцирями.

24 марта. Змеи — кобра, гюрза, стрелка — изредка выползают из нор.

25 марта. Зацвели лиловым кустики астрагала.

27 марта. Зацвели кусты тамариска — розовое с ног до головы!

28 марта. Джейраны и сайгаки обходятся без водопоя — «пьют» свежую травку!

29 марта. Негаданно выпал снег и засыпал гнезда хохлатых жаворонков. Сколько замерзло в них свежих яичек!

„ДЛИННОЕ УХО“

Легко затеряться в струящихся далях пустыни, если бы не Длинное ухо! Не много о пустыне узнаешь, если бы не работало Длинное ухо. У Длинного уха тысячи глаз и ушей.

Кто-то где-то краешком глаза заметил пятнышко на горизонте и уже спешит поделиться со встречным: «У Ак-Булака человек — не знаешь ли кто такой?»

Встречный встречному отвечает: «Прохожий мне говорил, а ему проезжий сказал, что это приезжий издалека. Ходит и что-то записывает. А у тебя новости есть?»

Конечно, о больших новостях можно в газетах прочитать. Там среди сухих песков море сделали, тут в песках сады и бахчи насадили. Прорыли канал, нашли нефть, проложили дорогу — да

мало ли что? Но ведь не о всем из газет узнаешь, не все помещается в них.

— А у тебя новости есть? — спрашивает прохожий.

— Есть, есть! — отвечает проезжий. — Смерч был, и ящерицы с неба падали!

— И у меня новости: крысы в кишлаке дом съели!

— Ой-бой-бой! — удивляется проезжий. — Ну, прощай, веселого тебе пути!

Приезжий у Белого родника — Ак-Булака — и знать ничего не знает, а о нем уже всем вокруг все известно. И про ящериц и крыс вредных все уже знают. Разнесло новости Длинное ухо.

Проезжий дальше на ишачке пылит. Ногами болтает, песни поет. Что слышит, что видит — о том и поет.

«У Ак-Булака приезжий ходит — что-то записывает. Оё-ё-ё-ёй! С неба ящерицы упали, в кишлаке крысы дом съели — о-ё-ё-ёй! А вон на бархане сюзен зацвел, а под барханом черепахи дерутся — о-ё-ё-ёй! Веселей топочи, мой ишак, — новости ждут впереди. Оё-ё-ё-ё-ёй!»

Длинное ухо…

Ты, читатель, мой первый встречный. Тебе я буду рассказывать новости. Какие сам в пустыни узнал и какие от проезжих и прохожих услышал.

Тает снег

«Тает снег, бегут ручьи». Эх, если бы… Конечно, снег и в пустыне тает, да только вот ручьи не бегут. Просто становится снега все меньше и меньше, с каждым днем он все тоньше и тоньше. Белая простыня тлеет и расползается. И однажды снег исчезнет совсем. Был снег белый, стал песок желтый. И никаких луж, никаких ручейков.

Весна в песке

Старый кумли — человек песков — опустился на колени и ладонью разгреб сырой песок. Вот где весна спряталась! Вот они, зеленые ворсинки-росточки свежей травы!

Еще немного, совсем уж теперь немного, и ростки пробьются

и высунутся из песка. Вот-вот весна выйдет наружу.

Туман

Туман, туман, все — как сквозь стекло запотевшее. Палатка засеребрилась, и на ней пальцем можно писать. Ветви серых акаций до песка обвисли — как юбки намокшие. Загустели кусты саксаула, стали матовыми — будто их в ртуть окунули. А стволы заблестели: яркие, пестрые, мокрые.

Седые барханы уходят во мглу. Темные кусты почему-то шевелятся. Все расплывается, все незнакомое, непонятное. Шагаешь по темному сырому песку, а позади остаются светлые сухие следы…

Такыры ожили

Прошли весенние дожди, и на сухих такырах налились озерки. Такыры мгновенно ожили! С южной стороны слетелись на них кулики, утки, чайки, крачки. И откуда только взялись, и как только про воду узнали? Суета, крики, всплески. Сверкание пера и воды.

Жизнь на весеннем такыре буйная, но короткая. Высушит солнце воду — исчезнут птицы. Затвердеет, потрескается земля. Сухие смерчики закружатся по такыру: сухому, мертвому, твердому, как бетон.

События на старом кладбище

Холмики глины — могилы, глиняные стены — дувалы, глиняные надгробия — мазары. И все в трещинах, рытвинах, норах, провалах. Есть где мелкой живности поселиться. Есть где от солнца, от ветра укрыться. Поэтому-то старое, мертвое кладбище в пустыне — самое оживленное место.

12 февраля. Вот уже несколько дней, как раздаются на кладбище по ночам жутковатые голоса. То кто-то вскрикивает громко и резко, то сипло хрипит, как удавленник.

15 марта. Почти в каждой могиле дыра. Сегодня из одной выползала могильная змея. Грелась на солнышке, свернувшись полумесяцем. Голову уложила посредине. А на голове белый

крест… Погрелась и опять заползла в могилу.

20 марта. Сегодня кто-то выглядывал из могилы. Рассмотреть толком не успел: видел только блестящие глаза и блестящие усы.

25 марта. Видел, как в норку под мазаром-надгробием шмыгнула птичка! Птичке-то что под землей делать? Долго стоял, но она так и не вылетела.

30 марта. С кладбища сегодня донесся глухой, замогильный голос: «Худо-тут! Худо-тут!»

Ну, этот-то голос хорошо мне знаком: это прилетел удод — дикий петушок, как его иногда называют. Вот он на мазаре сидит — рыжий хохол веером. Тут где-нибудь и гнездо устроит.

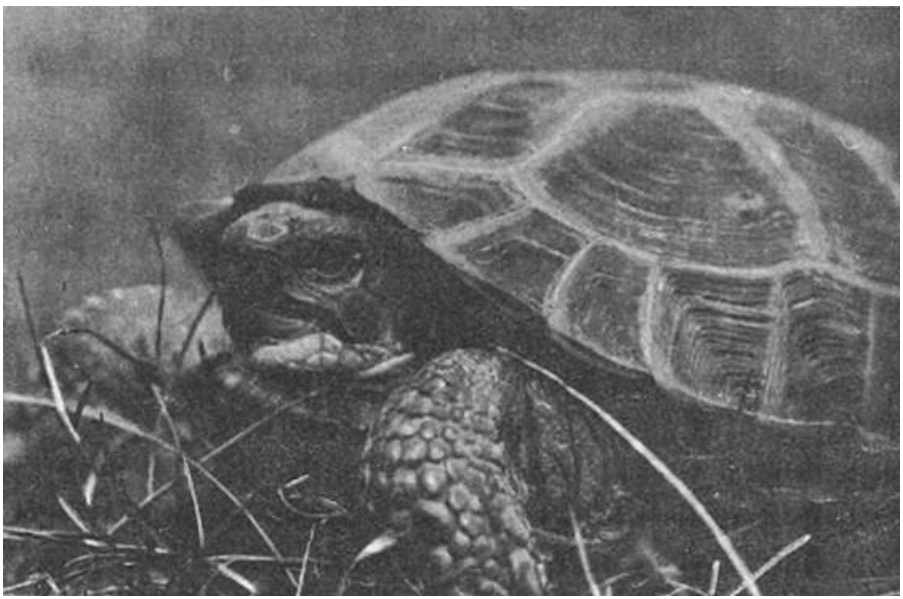
15 апреля. Разгадались и все другие кладбищенские загадки. Птичка могильная — это веселая каменка-плясунья. Гнездо свое она строит в норке, вот и лазает под мазар, место для гнезда

выбирает. Глаза и усы в норе — это суслик. После спячки на белый свет посмотреть вылезал. А змея — эфа. Ее еще называют «крестовкой» — за белый крест на голове. Она тепло почуяла, очнулась от оцепенения. Ну, а крики и хрипы по ночам — это сыч. Это он весенние песни поет. Приглашает сычиху поселиться с ним в этом веселеньком месте.

Черепаха

Черепаха сквозь сон почувствовала сладостное тепло, очнулась и, тупо двигая онемевшими за зиму ногами, выползла из норы. Выползла и легла у входа, медленно и странно моргая то одним, то другим глазом. Тридцатую весну встречает черепаха в пустыне, но никак не может привыкнуть к ослепительному весеннему солнцу.

Панцирь черепахи в ссадинах, трещинах и царапинах — следы нелегкой жизни. Может быть, вот эта царапина от острых зубов корсака. А вот эта трещина, скорее всего, от удара о камень. Как-то орел подхватил ее, поднял высоко в воздух и бросил. Грохнулась черепаха на камни, и надежный панцирь ее треснул.



Черепаха дремала, странно моргая то правым, то левым глазом. Тело ее просило еду: вот уже 200 дней, как черепаха не пила и не ела.

Со всей быстротой, на какую только была способна, черепаха тронулась в путь. Черепаха знала — не напрасно прожила тридцать лет! — что первую траву надо искать в низине. Но перед низиной поднималась глинистая гряда. Вот удивились бы те, кто привык считать черепах безнадежно неуклюжими! Черепаха ловко и смело карабкалась на кручу, цепляясь лапами за выступы и углубления.

А с кручи она легко съехала вниз на своем костяном животе, втянув от страха под панцирь лапы и голову.

Видели вы брюшные щитки черепах? Они отшлифованы, отлакированы, начищены до блеска песком и камнями. Как подошвы походных ботинок самых заядлых путешественников.

Осталось переползти такыр, за ним и трава зеленая — сочная, солоноватая, вкусная.

На такыре, как всегда весной, было немного воды. Вода разжижила глину, превратила ее в серый кисель. Черепаха смело скользнула в кисель и вдруг почувствовала, что увязла. Она задергалась, заворочалась, выдираясь из вязкой жижи. Но силы после зимовки были слабы. Жижа приклеила панцирь, лапам не во что было упереться, они беспомощно разгребают серый кисель.

Долго ворочалась в грязи черепаха. Лапы все двигались и слабели, слабели. А жижа становилась все гуще и вязче. Солнце, то самое солнце, которое только что вернуло ей жизнь, теперь ее убивало. Оно накалило панцирь и превратило жижу в твердый, как камень, асфальт.

Солнце вмуровало, вцементировало черепаху в глину такыра и, задержав, убило.

И ни ссадинки, ни царапинки не оставил на панцире этот коварный враг!

А совсем рядом, до обидного рядом, был твердый берег и зеленели травинки — сочные, вкусные, солоноватые…

Чернотелка

До чего же похож на заводную игрушку этот жук-чернотелка. Прямо чугунный автомобильчик на проволочных спицах. Кто-то когда-то завел его заводным ключиком и ключик в пески забросил. И вот ковыляет чернотелка с тех пор по песку, по-неживому переставляя проволочные лапки.

А то старательно жует разную растительную труху, или зароется в песок и тупо сидит в нем, не шевелясь.

Много ковыляет их по барханам. Это их рубчатые следы, как от заводных автомобильчиков, разрисовывают пески.

Куда ни посмотришь — везде чернотелки, этакие черные лакированные автомобильчики на проволочных ножках-спицах.

Вежливые чернотелки

Жуки-чернотелки на удивление вежливые. Как увидят тебя — так сразу земной поклон. Сразу лбом в песок, а толстый задок кверху. По получасу, бывает, в поклоне стоят — и не пошевельнутся!

Зачем им это нужно — трудно сказать. Только каждого, кто к ним подходит близко, они встречают земным поклоном. Уткнутся лбом в песок и стоят. Бьют челом.

Тушканчики

Тушканчики — диковинные зверьки: тельце мыши, ушки зайца, ноги кенгуру, а хвост — как у льва, с кисточкой.

Все зверьки на четырех ногах бегают, а эти, как птицы, на двух скачут.

Другие зверьки бывают толстоногие, толстокожие, а тушканчики… толстохвостые!

Есть зверьки жирнобрюхие, жирнощекие, а тушканчики… жирнохвостые!

Встречаются зверьки тонконогие, кривоногие, а тушканчики… мохноногие!

Известны зверьки тонкопалые, короткопалые, а тушканчики… гребнепалые!

Все-то у них не как у других. Все по-своему.

Таинственная птичка

Далеко в песках, у заброшенного колодца живет таинственная птичка Чим-чим. Караванщик своими глазами ее видел. Вот такая она. Караванщик задрал нос — это птичка Чим-чим так задирает нос. Караванщик оттопырил локти — это птичка так крылышки оттопыривает; караванщик запрыгал на двух ногах — вот так скачет эта таинственная птичка Чим-чим.

Когда мы добрались, наконец, до заброшенного колодца — все стало ясно. Таинственная птичка Чим-чим — обыкновеннейший воробей! Он скакал у колодца на двух лапках, задирал носик вверх, волочил полураспущенные крылышки и отчаянно выкрикивал: «Чим-чим! Чим-чим!»

Дикая пустыня и… домовый воробей!..

Но чирикал воробей весело и беззаботно. По всему видно, что не плохо устроился.

События в колодце

Колодец в пустыне — местечко укромное и благодатное. Кто мимо бежит — непременно заглянет, кто мимо летит — присядет. Летел орел — в тени посидел. Бежал дикий кот — слазал напиться. Прилетели дикие голуби — местечко в колодце для гнезда высмотрели. Но тут появился сыч — разогнал голубей. Сам стал в колодце жить.

12 марта — облюбовал колодец для гнезда сыч. Стал у колодца кричать по ночам, приседать и кланяться во все стороны.

16 марта — к сычу прилетела сычиха. Понравился ей и

колодец, и отчаянные поклоны сыча. Стали жить вместе.

20 марта — сычиха в колодце, между сучьев обкладки, снесла яичко. Яичко круглое, как пинг-понговый мячик. Лежит без всякой подстилки.

19 апреля — у сычей вылупился первенец — сычонок. Сам словно из ваты, вместо глаз — желтые пуговицы.

15 мая — все сычата выкарабкались из колодца и, словно котята, выпучив глаза, расселись по краю. Все утро вертели головами, следя за осами, прилетающими на водопой. А на день опять залезли в колодец: наверное, у них головы закружились.

В соседнем колодце вывели голубят голуби. Голубята сидят над самой водой, но до воды с гнезда им не дотянуться. А пить на лету голуби не умеют. Вот и приходится беднягам сидя над водой в 15 сантиметрах летать на водопой к арыку за 15 километров!

Саксауловые дрова

Нет для костра дров лучше саксауловых: не коптят, как березовые, не стреляют, как еловые, не шипят, как осиновые.

Загораются от одной спички, никогда не бывают сырыми, всегда горят жарким огнем.

Саксауловые деревья не пилой валят, а трактором с корнем из песка выдирают.

Потому что корень у саксаула больше всего ствола.

И топором саксаул не рубят — топор от него отскакивает. Просто стукнут стволом о камень — и сразу готова охапка дров. Вот такой он крепкий, но хрупкий.

В воду полешко бросишь — полено потонет. Саксаул

тяжелый, как камень.

А в огонь бросишь — вспыхнет, как порох. Лучших дров нигде не найдешь.

Земляная белка

Много-много лет назад жил у меня тонкопалый суслик. Его еще называют земляной белкой. Привезли его из далекой, таинственной для меня пустыни. Я смотрел на него и думал: «Вот эти лапки с длинными пальцами бегали по пескам, вот эти маленькие ушки слышали голоса пустыни, вот эти черные глаза видели желтые барханы».

«По утрам он вылезал из своей норы, поднимался на задние лапки и смотрел в пустынные дали», — думал я.

Суслик был молчалив. Но изредка он тихо свистел. И свист этот был такой тоскливый, такой «пустынный», что у меня сердце сжималось: «Суслик тоскует по своей жаркой родине».

Свист этот я хорошо помню. Как песня жаворонка напоминает нам о поле, а кукование кукушки — о лесе, так свист тонкопалого суслика вдруг раздвигал стены комнаты, и перед глазами возникала пустыня…

И вот теперь я вижу такого же суслика на свободе, на его родине. Тут он оказался очень заметным, похожим издали на рыжего зайчика. Стоило посидеть где-нибудь на холме, и скоро внизу, среди кривых стволов саксаула, на зеленых полянках песчаной осочки, начинало мелькать рыжее тельце. Два-три беличьих прыжка и сусличий столбик, два-три прыжка и столбик. Суслик все время осматривается, он все время настороже.

От норы своей убегает он далеко. И если его не очень пугать, то бежит к ней с оглядкой и остановками. Но если сильно пугнуть, то понесется сломя голову, вскидывая толстый задок и мелькая светлым с черной бахромкой хвостиком. С разгона пробороздит у норы ногами, вздымая клубы пыли, и провалится в нее, дрыгая задними лапами.

Насмотрелся я на сусликов в пустыне досыта. Но ни разу не слышал тут его тоскливого «пустынного» свиста. Наверное, и в самом деле он у меня о родине тосковал.

Упупик

Упупик — это пестрокрылый удод. Вот он семенит по дороге на ножках-коротышках и сует во все щели свой длинный кривой нос. И все время покрикивает: «Упупуп! Упупуп!»

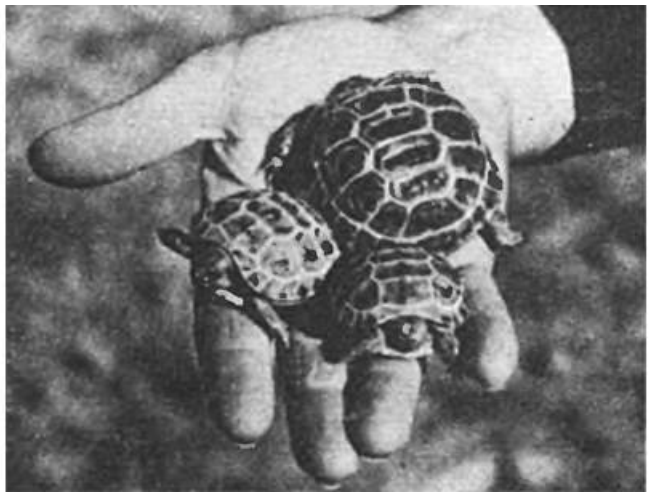
В полете удод — как бабочка-пестрокрылка. А на земле — как цветок-гребешок. Но цветок раскрывается только от солнца, а удодов хохол и от удивления, и от страха, и нетерпения. А то и просто так — для красоты.

Каменный воробей

Назвали воробья «каменным», а он по натуре и добрый, и мягкий. Конечно, как всякий воробей, очень горластый. И на хвосте у него этакая милая каемочка в белый горошек. И на грудке трогательное золотое пятнышко, как золотое сердечко. Правда, жить он больше всего среди камней любит. За то, наверное, каменным и назвали.

Черепашата

Из черепашьих гнезд выползают крохотные, с грецкий орех, черепашата. Панцири на них светлые и совсем еще мягкие. Очень они забавные: этакие шагающие камешки.



Едят и едят — изо всех сил торопятся вырасти. Чтоб скорей стать большими, чтоб скорей панцирь окаменел. Чтобы стать врагам не по зубам, не по когтям, не по клюву.

Пыль из норы

В высоком желтом обрыве нора. Из норы пыль летит. Прямо как дым из трубы! Кто-то здорово там старается. Вот черное крыло из норы высунулось — скребет перьями стенку. Птичья нога показалась: коготки царапают глину. И вдруг вывалилась из норы несуразная птица: четыре крыла, четыре ноги, две головы!

С отчаянным криком в два горла, крутясь и переворачиваясь через две головы, четырехногая птица грохнулась о песок. Стукнулась и развалилась на… двух обыкновенных скворцов!

Два обыкновенных скворца разлетелись в разные стороны. Сели на уступы, стали перышки чистить. Дышат тяжело — устали. Клювы раскрыты, как ножницы.

Почистились, отдышались — и опять оба в нору. И опять из норы пыль столбом! Как дым из трубы.

Сколько раз скворцы клубком вываливались из норы — я и со счета сбился. Вывалятся, вдохнут свежего воздуха — и снова в нору. Там снова сцепятся и опять клубком выкатятся. И чего эта нора так им понравилась?

А того она им понравилась, что жить скворцам негде. В голой степи ни скворечника, ни дуплянки, ни деревца на всю округу. Одна нора земляная. Вот она и нарасхват!

НА ЖЕЛТОЙ ТРОПЕ

В пустыне снег бывает редко и еще реже бывает грязь. Поэтому-то и «белая» и «черная» тропа там короткая.

Зато нет конца-краю тропе «желтой» — песчаной.

Барханы — как распахнутые желтые страницы: сверху донизу они разлинованы ветровым свеем в косую линейку. Пиши кто хочешь, что хочешь, и чем хочешь!

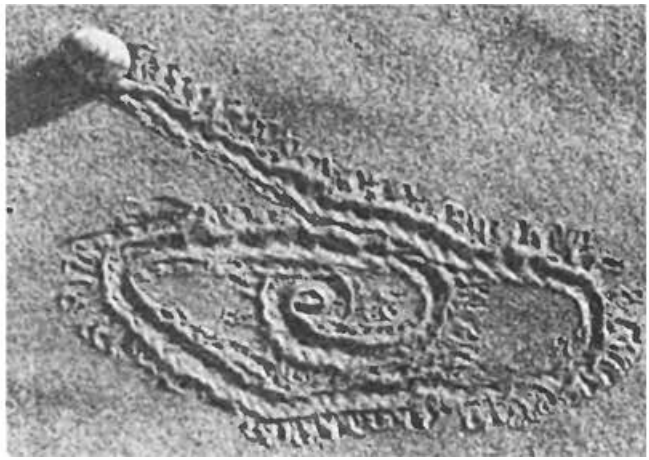
Пишут звери, птицы, змеи и ящерицы. Пишут ногами, крыльями, животом, даже хвостом и носом. Пишут о себе, о доме, о еде, о врагах, и друзьях. Каждый своим почерком, каждый на свой лад. Но всегда только правду, одну голую правду.

Все барханы исписаны и разрисованы. Каждый день ветер начисто стирает написанное. Каждую ночь все пишется заново.

Пишут огромные верблюды и куланы. Пишут крохотные жуки, пауки, мухи.

Все пишут — успевай только читать.

Весной писателями становятся все. Пишут даже во сне — спящие у луж перелетные птицы. Пишут спросонок — очнувшиеся от спячки жуки, ящерицы, змеи и черепахи. По ночам ходят волки, лисы, коты — пишут о своих ночных похождениях. Пишут проходимцы — проходящие через пески джейраны и сайгаки.



Пишут пьющие — горлинки, полозы, куланы, — у родников.

Пишут непьющие — сойки, вараны, тушканчики, — в сухих местах.

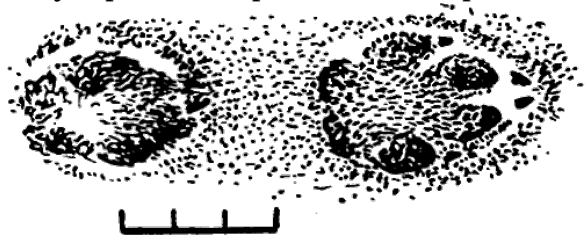
Пишут все обо всем.

Следы редких зверьков

Следы подземного зверька слепушонки. Зверек слепушонка не редкий, но след его на земле встречается редко: не любит слепушонка из-под земли вылезать.

Роется под землей и выталкивает наружу вот такие кучки земли — «барханчики».

А это следы самой хорошенькой землеройки пустыни — пегого путорака. И зверек и следы встречаются редко.

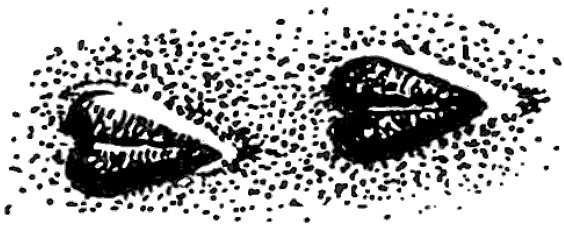


След пустынной лисички корсака. Корсак ростом чуть больше кошки.

Следы газелей и антилоп

Да, да — и у нас водятся газели и антилопы! Это быстрые, как ветер, джейраны и стремительные, как ураган, сайгаки. Следы их можно встретить везде: у рек и озер, на сырых солончаках и такырах и в сухих и летучих, как пепел, песках.

След антилопы сайгака.



След газели джейрана.

День за днем

1 апреля. У степной кошки в норе появились котята.

2 апреля. Тепло просочилось в норы. Из норок высунулись первые суслики и давай свистеть. Сосед соседу свистит: «Свись? Свись? Жив? Жив?» Сосед соседу отвечает: «Свись! Свись! Жив! Жив!» — «Фить-фить? Перезимовал?» — спрашивает сосед. «Фить-фить! Перезимовал!» — отвечает сосед соседу. По всей степи веселая перекличка.

3 апреля. Вдруг заморозок! Нашли окоченевшую ящурку, агаму и круглоголовку — поспешили выползти из норок!

5 апреля. В норе пустынного волка появились волчата.

6 апреля. Облако розовых скворцов с верещанием неслось над землей. Над ними нависла синяя туча. Ледяной град наискосок хлестнул по скворцам. И упало на землю розовое облачко розовых скворцов — всех до единого перебил град.

7 апреля. Впервые из норы вылезли молодые хорьки-перевязки: грелись на солнышке.

8 апреля. Вылупились птенцы у саксаульной сойки.

10 апреля. У барханной кошки родились котята.

12 апреля. Токуют и дерутся дрофы-красотки. У петухов пощипаны хвосты — даже просвечивают!

14 апреля. Стайки саджей распались на пары. Петушки петушатся — кричат и подлетывают.

15 апреля. Пустынные и саксаульные воробьи сели высиживать.

16 апреля. Зазолотились высокие столбики заразихи.

18 апреля. Шипит и свистит песчаная вьюга. На земле вихрь засыпал гнездо хохлатого жаворонка вместе с яичками. Столкнул с гнезда орленка, заломил ему крылья, покатил по земле, забил песком рот и глаза.

19 апреля. Первая весенняя радуга! Летом в пустыне ее не увидишь.

20 апреля. Шакалиха в глубокой норе родила шакалят.

21 апреля. Сегодня видели танцующих кобр. Стояли друг против друга, распустив капюшоны, раскачивались и свивались, словно в вальсе, толкали друг друга головками.

22 апреля. В гнезде пустынного жаворонка первое яичко.

24 апреля. Выскочили из гнезда и разбежались в разные стороны птенцы саксаульной сойки.

25 апреля. Несет и зарывает в песок яички сетчатая ящурка.

26 апреля. В логове кота-манула котята. У куланихи сынок-куланенок.

27 апреля. Гиены роют гнездовую нору. Камни из норы выносят в зубах.

30 апреля. У пустынного филина филинята.

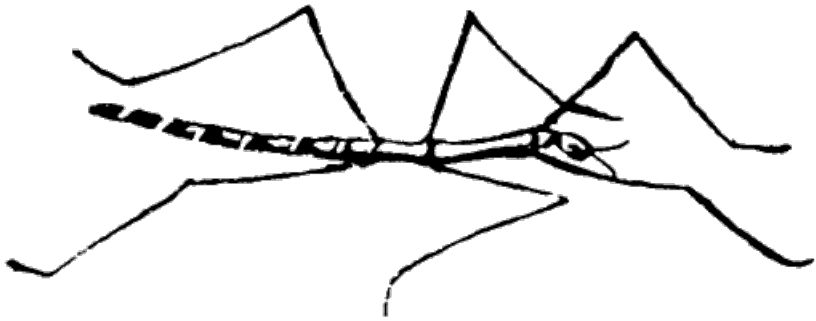
То и не то

Со стороны в дикой полынковой пустыне, как на обычном поле: камни, кустики, бугорки, норки. И даже жаворонок над головой.

Только сидишь вот на камне, а под камнем-то фаланга и скорпион, в норке под бугорком паук каракурт — черная смерть. Тронешь куст, а под ним затрясет хвостом и зашипит щитомордник — брат гремучей змеи. И жаворонок над головой не наш полевой, а степной диковатый каландра.

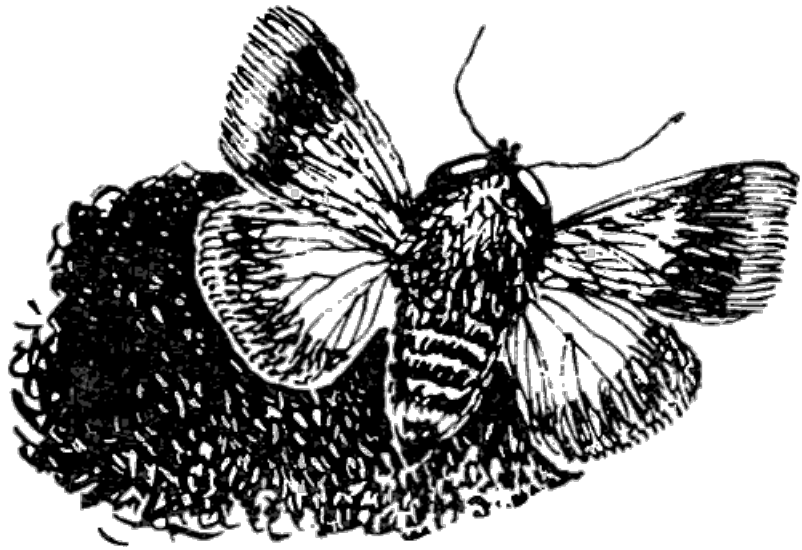
Нахальные жильцы

Только поставишь палатку, а в ней уже непрошеные жильцы и гости! Днем залетела большущая саранча. Ее схватили, хотели выкинуть, а она шипами пальцы порезала до крови. Вечером пришагал палочник. Насекомое странное, необычное, неуклюжее — какой-то карандаш на паучьих ножках! Шагающий карандаш снес желтые яички на спальный мешок и невозмутимо зашагал к выходу, покачиваясь, как на рессорах.



В видоискателе фотоаппарата поселился крохотный паучок и уже сплел паутинку. А на объектив какой-то насекомыш прилепил кругленькие яички.

На рубахе, которая сохла, — два белых кокона. Под банкой консервной собрались маленькие — с муравья! — богомолы.



Ночью, трепеща крылышками, бегала по палатке мохнатая и глазастая, как сова, ночная бабочка. А в углу кто-то всю ночь шуршал бумагой, утром догадались: ежик заходил. Утащил газету и носки — гнездо, наверное, выстилать!

В резиновое ведерко залезла фаланга, под стельку кеда — клешнятый скорпион.

Бойкие наши жильцы ретиво обживают палатку. Того и гляди хозяев выживут!

Рассвет

Три часа ночи — звездно и холодно. Сколько ни вслушиваюсь — ничего не слышу, сколько ни вглядываюсь — одни мутно-темные пятна кустов на мутно-светлом песке. Пишу, освещая бумагу фонариком: по строчкам бойко бегает, трепеща крылышками, ночная бабочка.

4 часа 55 мин. — со стороны развалин донесся унылый крик: «Куу-ы! Куу-ы!» Скорее всего это сыч: тот, про которого говорят, что он беду накликает. И вдруг в темноте загорланил… петух! До чего ж странно слышать этот домашний крик в самом сердце пустыни! За петухом надрывно, давясь и задыхаясь, завопил-заорал «восточный петух» — ишак. Кончил орать так, будто бы совсем из сил выбился: вот последний раз выдохнет и издохнет.

5 час. 45 мин. Заметно посветлело, хотя все еще одноцветное. В черном саксаульнике робко застрекотали пролетные малые мухоловки. Тишины уже нет: то петух, то ишак, то собака, то сыч. То маленькие рыжегрудые мухоловки.

5 час. 50 мин. — резко вскрикнула майна — индийский скворец. Она живет под крышей сарая. И пошла петь-свистеть!

6 час. 02 мин. — заворковала на крыше изящная горлинка: «Ууууур-гур, гур!» Совсем светло. Ежусь от утреннего холодка. Гулко чирикают воробьи.

6 час. 11 мин. — резко прокричал и звонко пробарабанил на сухом саксауле белокрылый пустынный дятел.

6 час. 49 мин. — глухо, как из-под земли, затутукал удод. Над барханами поднялось солнце. Жуки-чернотелки стали выползать из песка задом вперед. В пустыню пришел новый день. Напрасно ночью пугал сыч: ничего плохого не произошло.

Черная бабочка

Маленькая бархатно-черная бабочка порхает над желтым барханом. Я слежу за ней и все время путаюсь: где сама бабочка, а где ее черная тень? Так и кажется, что две одинаковых бабочки, как привязанные, носятся над песком. Не потому ли эти темные бабочки так смело залетают в барханы: там у врагов их глаза то разбегаются, то в глазах двоится!

Зайцы-садовники

Зайцы-песчаники работают не покладая лап! На барханах копают лунки. Сотни лунок — вдоль и поперек склона. Задумали зайцы пустыню озеленить: готовят копанки для саженцев и цветов.

Я уж было и впрямь поверил в удивительных зайцев-садовников, но у каждой лунки увидел огрызки.

Оказалось, зайцы выкапывают из песка себе на обед сочные луковички тюльпанов. Нет, не цветоводы они, а цветоеды!

Бездомный домовой сыч

Ни города, ни деревни, ни единого дома на добрую сотню километров; одна кошара заброшенная — загон для овец. А живут на кошаре… городские и деревенские ласточки, воробьи деревенские и городские! И даже сыч домовой. И за что их, бездомных, только так называют!

На огонек

В мохнатых ночных саксаулах пронзительно яркое пятнышко. Там стоит световая ловушка. Голубой свет кварцевой лампы бьет в белый экран. И вот среди тьмы кромешной таинственное сияние. Оно манит к себе все живое.

Саксаулы протянули к свету мохнатые ветки. Разная мелюзга лезет на свет. По всему экрану бьются живые тени: круглые, изогнутые, угловатые.

С гудением вываливаются из черноты грузные жуки-скарабеи. С лету плюхаются на экран так, что он ходуном ходит. Шлепаются на песок, тяжело в нем ворочаются, ползают какими-то заколдованными кругами, роют в песке норы.

Приковыляли жуки-чернотелки, уткнулись головами в песок и замерли. Прилетели майские жуки, вцепились в экран и, кажется, задремали. Пришагал из темноты большущий жук-блябс: сейчас же сделал стойку на голове, нацелил «хвост» в небо.

Шустрые бабочки налетели, забегали суетливо по экрану вверх-вниз. Крылышки блестят и трепещут; осыпается с них, посверкивая, пыльца.

Прилетели сверчки черные — усатые и глазатые.

Бегают по экрану поджарые наездники, барабанят по нему усами, как барабанными палочками. Копошатся в складках ленивые толстые мошки.

Прилетел бешеный бражник, стал тыкаться лбом в экран, словно бодаться.

Пищит уныло комар, ядовито звенят москиты. Налетели толстые бабочки-совки: растерянно бегают по экрану и зябко вздрагивают крылышками. Села нежно-зеленая златоглазка: такая нежная, что насквозь просвечивает, такая златоглазка — глаза как два огонька горят. С шумом продрался сквозь ветви разбуженный

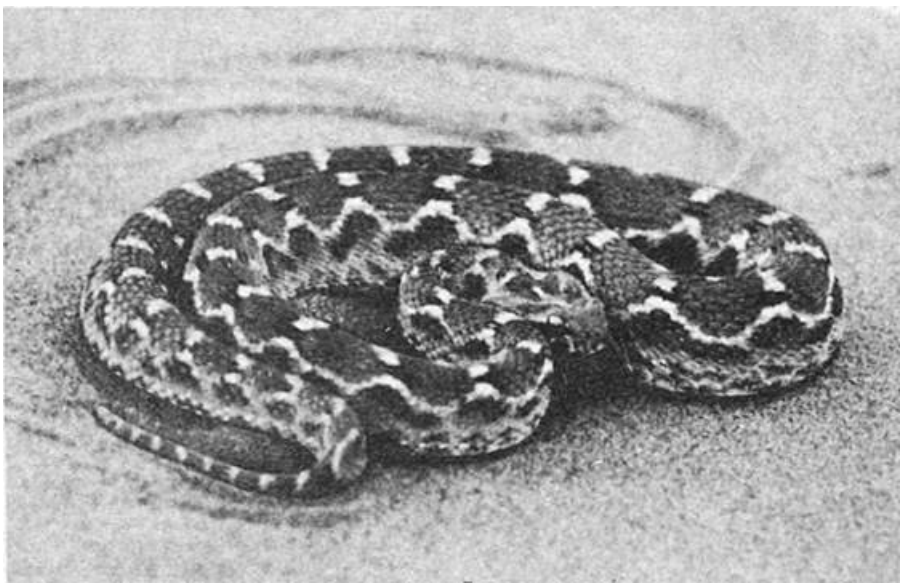
саранчук. Прилетал на расхлябанных крылышках муравьиный лев — маленькая серенькая стрекозка.

Живая воронка из насекомышей завивается над светом. Сверху ныряют в нее изворотливые летучие мыши — только крылышки мельтешат. Серые гекконы на серых ветвях хватают пролетающих мух. Пучеглазые жабы на песке хватают ночных бабочек. А из черного леса пустыни летят, ползут, скачут все новые и новые жуки, бабочки, мухи и комары.

Свисают вокруг серебристые, будто заиндевелые, ветви. Лица у всех у нас в этом свете голубые и серые. Даже красные губы и обгоревшие на солнце носы стали в этом призрачном свете лиловыми.

На поклон к эфе

Хожу на поклон к эфе. Неделю назад увидел ее у старой норы песчанки и теперь хожу сюда каждый день. Подхожу, наклоняюсь, смотрю. Эфа лежит, свернувшись калачиком, положив голову на изгибы тела. Отогревается после зимы. Похоже, что ей нужно сейчас только солнце: ничего другого она и знать не желает.



Я хожу вокруг — эфа не обращает внимания. Я говорю, хлопаю в ладоши — эфа не шевелится.

Коричневое тело ее разрисовано черным и белым: готовый

узор для ковра! Я, кажется, даже видел где-то такие ковры. Наклоняюсь и разглядываю ее в упор. На маленькой голове у нее белый крест. Знаменитый белый узор, похожий и на крест и на стремительный силуэт белой птицы.

Я начинаю привыкать к эфе. Ничего страшного: просто тупая медлительная рептилия. Но однажды я трогаю ее хворостинкой: «медлительная» эфа распрямляется, как тугая пружина, и мгновенно исчезает в норе. Ого! Не зря у ней на голове узор летящей птицы! Что, если она с такой же быстротой кинулась бы мне в ноги? Пожалуй, надо поосторожней: ведь в каждом зубе эфы по смертельной дозе яда.

Таинственные бугорки

Странные бугорки попадаются под ноги в сыпучих песках. Будто кто-то разложил по барханам круглые камешки и присыпал сверху песком.

Я пнул ногой такой бугорок, а под ним не камень, а… гриб! Растет и круглой шляпкой вспучивает песок. В заблуждение вводит.

Полосатик

Каждое утро встречаю в песках жука-полосатика. Как зебра: в черных и белых полосках. И всегда такой деловитый и занятой. То что-то ищет, то что-то ест. А если бежит — то уж сразу видно, что знает куда. Тронешь — он заскрипит недовольно, но покорно подожмёт лапки и надолго съежится и замрет: «Ну проходи, проходи — чего от дел отвлекаешь?»

Пустыня ночью

На горячие барханы опустилась прохладная ночь. Черная земля и небо цвета призрачной глубины океана. И тишина такая, какая бывает, наверное, только на океанском дне.

Но вдруг крик громкий, тоскливый и жутковатый слышится совсем рядом. Голос унылый, протяжный, какой-то пустынный. Он так и манит к себе.

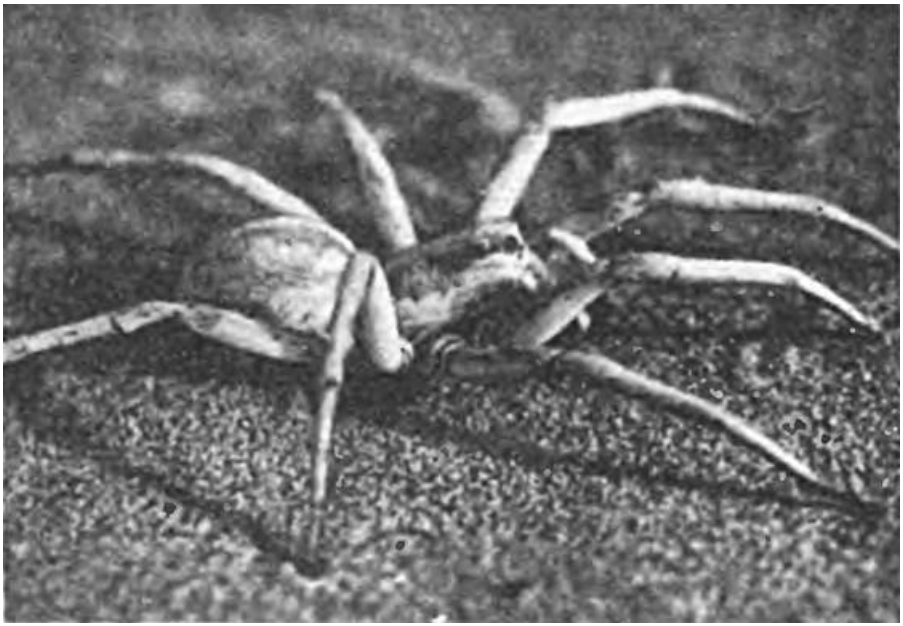
Беру в руки фонарь и шагаю на крик. Крик опять летит над черной пустыней — но уже чуть подальше. Я иду и иду, а голос, не удаляясь и не приближаясь, звучит впереди. И все манит и манит в ночную пустыню, подальше от дорог, от костра, от людей.

Я один среди ночи и тишины. Под ногами похрустывает щебень. А таинственный голос все зовет и зовет… Это, авдотка — странный пустынный кулик с большими золотыми глазами. Весь день он лежит неподвижно, сливаясь с песком и сорняками.

А спустится ночь — авдотка просыпается, начинает бегать, летать и кричать. И голос его, таинственный и унылый, тревожит пустынную ночь.

Небо в россыпи ярких звезд. Я включаю фонарь — звезды и на земле!

Вот зеленые, как изумруды, это глаза паука-тарантула. Не пожалела природа на тарантула глаз! Спереди два — как фары, под ними четыре — подфарники, еще сверху два — надфарники.



А вот звезды красные, как рубины. Это глаза ящерицы-геккона. Стоит он на тоненьких ножках и виляет хвостиком, как собачка. Чешуйки на нем крупные, как на рыбке. А хвостик покачивается и что-то шепчет-шепчет: это чешуйки хвоста трутся друг о друга и тихонько стрекочут. Геккончик испуганно смотрит и удивленно протирает глаза свои красные… языком!

Под кустом два тускло-розовых глаза. Там заяц-песчаник лежит. Вот глаза приподнялись и покатили, поскакали, как по ступенькам.

Как два летучие светляка, плывут над кустами глаза голубые. Голубые с зеленым огнем. Это идут джейраны.

А вот неверные, разноцветные: то красноватые, то вдруг зеленые. Там хищный барханный кот. Посветил глазами, поиграл красками и вдруг погасил их, как выключил. Значит, пригнулся и неслышно уполз.

Я тоже выключаю фонарь, и сразу же гаснут земные звезды. Зато звезды над головой становятся ярче. Щебень сухо похрустывает под ногой. Авдотка все зовет и зовет, а я все иду и иду…

В деревне песчанок

В деревне песчанок переполох: важное событие — прохожий идет! Я иду, и на меня глазеют со всех сторон. Из темных норок-окошек, из темных норок-дверей. Иные в испуге вытянулись на цыпочках, в отчаянии сцепив в кулачки розовые крысиные пальчики, и прижали кулачки к груди.

А кто, сгорая от любопытства, пялит выпученные глаза, поворачивая за мной усатую мордочку и старательно почесывая пятерней под мышкой. И у всех рты разинуты от страха и удивления. И все пересвистываются — переговариваются, обсуждают что и к чему. И у каждого хвост торчком, как акварельная кисточка.

И только суслик — их сосед — невозмутим и равнодушен. Он возвышается на бугорке посредине деревни как монумент. Толстые щеки самодовольно лежат на круглых плечах, жирные лапки благочестиво сложены на животе. И косые глаза его смотрят вдаль презрительно и равнодушно.

Ночные голоса

Впереди у горизонта темнеет рощица, справа видны скалы-останцы, слева блестит озерко, а позади — солончак. Все хорошо видно, и днем в таком месте не заблудишься. Но опустилась ночь, и все сразу исчезло. Теперь садись и жди утра. Так мы и сделали. Сидим, ждем. Темнота, тишина. Где право, где лево? Где скалы, где озеро? Не видно, куда идти.

Но вдруг, с первым ночным ветерком, пахнуло на нас пряным запахом лоха и долетел далекий свист соловьев. Значит, роща в той стороне, только теперь она стала от нас слева! Что, если пойти к ней сейчас, наставив нос на запах и навострив ухо на соловьев? А здорово бы вот так, не видя, отыскать ночью далекую рощу по соловьиному свисту!

Но раз роща слева, то солончак должен быть справа. Поворачиваю ухо вправо, прикладываю к уху ладонь. Далеко-далеко стрекочут сверчки. Так и есть, там солончак: сверчки любят селиться у солончаков!

Впереди глухо ухнул филин. Филины в пустыне живут только на скалах. Значит, скалы-останцы впереди. А позади? А позади чуть слышен гогот гусей: кто-то всполошил перелетную стаю на озере. Значит, озеро позади.

И вот опять, как и днем, известно где что. Только днем было видно, а сейчас, ночью, — слышно. Можно смело идти, не заблудишься — знай держи ухо востро.

Но идти неохота. До того хорошо сидеть на теплом песке и слушать голоса ночи. И соловьи, и гуси, и филин, и сверчки — и всё сразу! Не часто бывает в пустыне такая роскошь.

Поджаренная злость

Раз услыхал я в песках странное шуршание и потрескивание. Вот так на раскаленной сковороде сало шкварчит. Но не торопитесь в гости на угощение. Это стрекочет ночная змея эфа. Она слышит шаги и предупреждает: проходи мимо! А замешкался — «сало на сковородке» зашкварчит громче и злее. «Эфа поджаривает злость», — говорят ловцы змей. И когда злость у нее поджарится и накалится, станет эфа тыкать головой в вашу сторону, стараясь клюнуть в ногу.

Глоток тумана

Сырой туман наплыл на саксаулы. Сучки и ветки покрылись сизым налетом — как холодное стекло от дыхания. Потом налет обособился — бисеринками. Бисеринки взбухают, коснувшись друг друга, сливаются, как капельки ртути, и вот уже скользят по сучкам серебристые змейки, глотая на ходу друг друга и раздуваясь.

На всех сучках повисли блистающие созвездья. У самого носа агамы набухла звезда с горошину. В ней мир вверх ногами: небо внизу, пески сверху. Агама долго смотрела на дрожащую от страха каплю, потом раскрыла сухие губы и проглотила

перевернутый мир.

Геккон строит баню

Чуть припечет весеннее солнце — все скорей торопятся согреть окоченевшее тело. Вылезают из щелей насекомыши, выползают из норок ящерицы. Кто рассаживается, кто распластывается — и все дремлют.

Сцинковый геккон тоже окоченел, ему тоже очень хочется на солнышке погреться, да никак нельзя: кожа у него очень уж нежная. Сейчас же от жаркого солнца пересохнет и сморщится. Из-за своей нежной кожи он летом и дня не видит: по ночам только из норки выходит. А на день зарывается глубоко в приятный мокрый песок.

Сейчас весной весь песок мокрый, но совсем не приятный — холодный. И получается для геккона безвыходное положение: вылезешь на солнце — засохнешь, не вылезешь — закоченеешь.

Безвыходное, так безвыходное! И вот роет геккон себе особую норку — без выхода. У самой поверхности песка устраивает удобную лежанку. Сверху сквозь тонкий песчаный потолок солнце не жжет, а приятно греет; и снизу из норы не холодком тянет, а приятной сыростью. Прямо как в бане на третьей полке: и жарко, и парком поддает!

Ящуркин нос

Чутьистая сетчатая ящурка нос не по ветру держит, а по песку. Ползает не спеша и все время тычется в песок носом. Два-три шажка — и уткнется, еще пять-шесть шажков — и опять носом в землю. И вдруг начинает копать. По самые плечи зароется и вытащит из песка гусеницу. Встряхнет ее хорошенько, проглотит, оближется и опять ползет и вынюхивает. Прямо как собака охотничья!

И ни разу не видел, чтобы напрасно копала. Вот нос, так нос — сквозь землю чует!

Свирепый скарит

Жужелица-скарит гналась за чернотелкой. Неуклюжая чернотелка ковыляла во всю прыть. А жужелица, как привязанная, ни на шаг не отставая, бежала за ней, выставив хищную челюсть, словно крабью зазубренную клешню. Чуя смерть за спиной, чернотелка в страхе скрипела: «Джии, джии!» Страшно и жутко было слышать крики жука.

Жужелица-скарит никого не боится. Тронь ее пальцем — щипнет, посади в банку с другими жуками — оставит от них ножки да рожки. Брось на песок — она не удирать кинется, а бросится прямо тебе в ноги! И будет гнаться, куда бы ты от нее ни попятился.

Но это уже не от свирепости, это от страха. Больше всего на свете жужелица боится света и солнца. Жужелица ищет тень. Ночной хищник спешит спрятаться в темноту. А самая ближняя тень для нее — твоя. И гоняется она не за тобой, а за твоей тенью.

Змея, которая стоит

Кобра не укусит исподтишка. Если идешь и не видишь ее, она сама о себе предупредит: вскинет черную голову над землей — «встанет на хвост», как говорят змееловы. Засверкает круглыми птичьими глазками, развернет чешуйчатый капюшон, зашипит и зафыркает, как сердитая кошка. «Видишь, — я ззdесь! Лучшше ужж ухходи!».

За такое своевременное предупреждение ловцы змей

называют кобру благородной змеей.

Странный лес

Во всяких лесах бывал: сосновых, еловых, березовых. В лиственных, хвойных, смешанных. Но впервые вхожу в лес пустыни — саксауловый лес.

Деревца похожи на раскидистые кусты. Стволы мутно-серые, гладкие, словно старые кости. Иные кручены-перекручены, будто удавы, умершие в корчах и окаменевшие. Иные как пугало-ведьмы с костлявыми растопыренными руками, седыми космами на ветру.

Все тут непривычно для глаза. Лес не зеленый, а какой-то серо-оливковый. Тень под деревьями зыбкая, полупрозрачная, ненадежная. Вот такая бывает, наверное, под крыльями стрекозы. Да и как же быть тени надежной, если на деревьях нет… листьев! Вместо листьев зеленые веточки, словно тоненькие хвощинки.

Лес без шороха листьев…

Под каждым деревом голое глинистое пятно. Как ломоть сыра, все оно в норках-дырках. В них живут подземные крысы-песчанки.

Между деревьями жиденькая песчаная осочка. Плодики на ней — словно поджаренные воздушные пончики. Их очень любят газели пустыни — джейраны. Когда они схватывают их губами, «пончики» лопаются с треском. И кажется, что джейраны жуют пистоны.

Я вслушиваюсь в звуки странного леса. Шумят саксаулы, как сосны: ветер в них шипит и глухо посвистывает, словно сипит сквозь сжатые зубы. Но и от ветра нету прохлады: под саксаулами еще жарче, чем на барханах.

С треском перелетают поверху саранчуки — большие, как птички. Хватаются с лету цапучими лапками и потом долго качаются, шевеля оливковые ветки. А понизу шныряют пичужки — вертлявые скотоцерки. Они словно мыши шуршат в кустах, помахивая черными торчащими вверх хвостиками.

А вот и знакомый голос — где-то синица поет. Синица-то синица, да не наша знакомая — желтогрудая, а пустынная — серая. Знакомый стукоток — дятел стучит. Дятел-то дятел, да тоже не наш, а белокрылый пустынный! Знаком и топоток — поскакал заяц! Но не русак, не беляк, а пустынный заяц-песчаник.

Змея тут живет — эфа. Жители пустыни называют ее «ходящая боком». Залетает птица пустыни Чир-чире. Забегает ящерица — красные уши. А у нор песчанок греется на солнце огромная ящерица-варан.

Незнакомые деревья, неизвестные птицы, невиданные звери. Неслыханные звуки, непривычные запахи.

Странно шумит на ветру странный лес. Лес, в котором летом не укрыться от солнца. В котором осенью осыпаются… ветки! В котором зимой вырастают… грибы!

А весной он сверху донизу усыпан крохотными желтыми цветочками — словно мелким пшеном.

Лес без прохлады, без тени, без листьев. Лес таинственный и молчаливый.

События в саксаульнике

15 апреля. Чуть не под каждым кустом пролетные щеголихи-варакушки.

На их холодной родине еще снег. Но и на жарком юге они как у себя дома: носик вверх, хвостик торчком. И нарядные — в синих передничках, рыжих галстучках.

Мы бросаем землячкам залетевших в палатку бабочек. Они их ловко хватают и благодарно качают хвостиками.

Саксаулы голые и седые, как клубы серебристого дыма. Цветет ревень, разложив на песке огромные — в лист газеты! — зеленые листья. Зажелтели кустики эфедры. А тамариски стоят багровые с ног и до головы.

16 апреля. По утрам барабанят белокрылые пустынные дятлы, а по вечерам кричат пучеглазые пустынные сычи. Днем из кишлака доносится чириканье испанских воробьев и звонкие свисты индийских скворцов майн.

17 апреля. Пустынные вьюрки свили в серых ветвях серое гнездышко. Скоро вьюрчиха отложит в него серо-седые яички.

Стали высовываться из норок молоденькие песчаночки. Они до того доверчивы, что иногда их можно даже погладить!

Осыпаются цветы с кустиков астрагала. Черные жуки под кустами старательно жуют лиловые лепестки.

Вылетели бабочки-репейницы. Но в песках репейника нет, и вот эти простушки садятся на роскошные эремурусы, астрагалы, кандымы и тамариски.

Птицы летят над саксаульниками на север. Пролетели без остановки рыжие пустельги и белые аисты. А горихвостки-лысушки и черные каменки опустились закусить и отдохнуть. А пролетные соловьи даже запели!

19 апреля. Сколько сегодня первых событий! В гнезде пустынного вьюрка первое яичко. Закраснели первые маки. Забелели первые маленькие ромашки и зазолотились столбики красавицы заразихи.

Днем свистела первая птичка-чечевичка, первая вертишейка хватала длинным язычком шустрых муравьев-фаэтончиков. Вечером сверчал первый сверчок и урчал первый козодой.

24 апреля. Схлынула волна голубогрудых варакушек. Поднялись в человеческий рост зеленые дудки ферулы. Засеребрились первые листики на песчаной акации.

25 апреля. Зацвели зеленые кусты кандыма: кто в белую, кто в розовую крапинку. Поплыли над сухими песками свежие запахи их крохотных цветов. На кустах первые черноголовые чеканы, а над кустами первые золотистые щурки.

26 апреля. Появился разбойник — пустынный жулан. Схватил пеночку, убил и заклинил в развилку сучка.

30 апреля. Зацвела серебристая песчаная акация, и зацвел серебристый лох.

Пряным запахом потянуло от его крохотных желтых цветочков. Стал зеленеть серый саксауловый лес. А кандымы уже осыпают свои белые и розовые цветочки.

2 мая. Жухнет и желтеет травка. Ветер гонит по песку желтые шарики осочки. А на эремурусах уже белые шарики с семенами. Лопнули и запылили грибы-пыхтуны.

4 мая. К лужице слетаются горлинки, пустынные вьюрки и воробьи, чечевицы, майны, серые мухоловки. Пьют не скопом, а в порядке птичьей очереди: кто слабее — тот и в хвосте!

Впервые высунулся из норы варан. И в первый раз прокуковала кукушка.

7 мая. Большие песчаные тараканы, похожие на маленьких черепашек, несут в норках яйца. Воробьи и тушканчики срывают с акации зеленые горошины-галлы, набитые личинками.

9 мая. Сколько всяческих вдруг! Откуда-то вдруг прилетели розовые скворцы, расселись по саксаулам и защебетали. Вдруг просвистела золотая иволга! Вдруг пропела весничка! А им всем пора бы уже на севере быть!

Опали лепестки маков. Кончилась весна. Пришло лето.

Песчаная акация

Песчаная акация издали — как серебряный фонтан из сухого песка! Ствол — струя главная, плакучие ветви — опадающие струи, серебристые листья и фиолетовые цветы — как брызги и блестки.

Тут и там из голого песка бьют серебряные фонтаны и ветер качает листья-брызги и вправо, и влево. И шумят, и журчат листья словно вода.

Сенокос

В разгаре сенокос! Старые песчанки отбегают далеко от нор и стригут траву зубами. Настригут, затолкают ручонками в рот целый пучок — и тащат к норе.

Суета: мелькают в зеленой осочке светлые зверьки. В зубах веники, снопики, букеты. Одна несет букетик красных маков. У другой в зубах букет желтых ромашек.

Траву и цветы раскладывают у нор сушиться. Но тут из нор высовываются глазастые усатые мордочки: это молоденькие песчаночки. Они усаживаются на задние лапки и начинают зубрить сочную травку. А самые шустрые бегут навстречу старикам и объедают травинки прямо у тех изо рта.

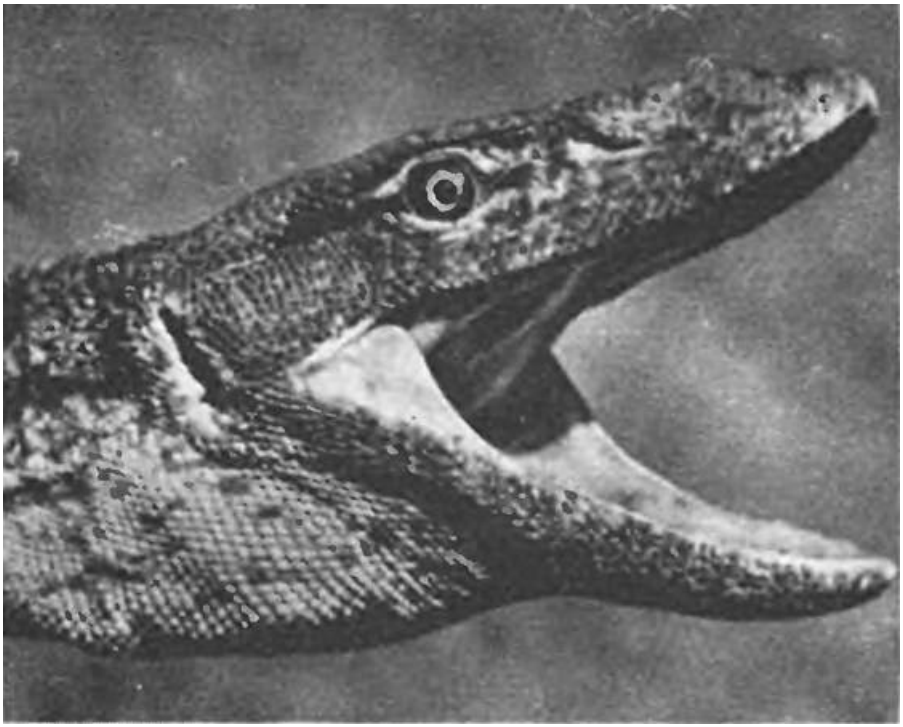
Сенокос в полном разгаре. Старые косят и носят. А молодые — опробывают.

Вороний зонт

Когда во́роны гнездо строили, воробьи сидели сложа крылышки. А только строить кончили — воробьи тут как тут! Тоже за дело взялись. Под самым вороновым гнездом, как под огромным зонтом, спрятали свои гнездышки. Пусть жара, пусть пекло вокруг, пусть свирепствует солнце — под вороновым зонтом у них тень и прохлада. Так по всей пустыне вороны строят для воробьев зонтики.

А ему нипочем

Черепаха прячется от врагов в своем щитке, как в каменной крепости. Еж всю жизнь словно за забором из колючей проволоки живет. Змея живет за частоколом ядовитых зубов-кинжалов. А скорпион всем грозит ядовитым ятаганом-жалом. Жить бы им да не тужить!



Но ящер варан всем им жизнь портит. Глотает черепашек, словно карамельки. Хватает ежей, как печеньице. Хапает скорпионов и змей. Нипочем ему их крепости и заборы, частоколы и ятаганы.

За орлиной спиной

Огромное гнездище орлов напичкано воробьиными гнездышками, словно погремушка горохом. И шум от такого гнезда ну словно от погремушки: трескотня, чириканье, драки.

Разные хищники давно на этих воробьев зубы точат, да боятся орлов, далеко стороной обходят гнездо, хоть и вкусно из него пахнет. Никому неохота из-за воробьев связываться с орлами.

Живут воробьи в орлином доме припеваючи и никого не боятся, ни от кого не таятся. За орлиной спиной — как за каменной стеной. Галдят в полное свое удовольствие.

У бараньей норы

Под кустиком эфедры темнеет нора. Вчера из нее впервые за эту весну высунулся варан. Он увидел меня и медленно упятился в темноту.

Сегодня я у норы с утра. Хочется разузнать, как варан выходит из норы после своей зимней спячки — все-таки полгода без просыпу спал!

Сижу поодаль в жиденькой тени саксаула и не спускаю с норы глаз.

Вот что-то в ней засветлело. Высунулся нос, потом плоская голова, внимательный золотой глаз. Медленно, тягуче-медленно — по сантиметру в минуту! — стал выползать из норы варан.

Ноги мои совсем затекли, спина замлела, жжет раскаленный песок, а варан не торопится. Не сводит с меня своего золотого настороженного глаза. То язык длинный высунет — словно дразнится, то широко раскроет темное ухо — прислушивается. Как-никак, а полгода ничего не видел и ничего не слыхал!

Слышно ему: серая синица поет по-весеннему. Видно ему: песчанки, как часовые, у норок стоят: лапки «по швам», усы лихо блестят, глаза навыкат.

Вот, наконец, варан весь из норы выполз. Сладко зевнул во всю свою щучью пасть — неужто еще не отоспался? — и тут же блаженно распластался на горячем песке.

Лежит наслаждается, я сижу — поджариваюсь.

В зеленой осочке желтый суслик мелькает: прыг-скок и столбиком, прыг-скок и столбиком. Пляшет жаворонок хохлатый: кружится, топчется, крылышки оттопырил — словно руки в бока! Того и гляди в присядку пойдет!

А солнце все выше, а песок все горячей. Суслик весело прыгает. Жаворонок весело пляшет. Варан сладко дремлет. Один я мучаюсь, как на раскаленной сковороде сижу!

Оса угощает варана

Варан за ночь прозяб в норе, онемел — скорее на солнце! Выполз и распластался у входа. Животом на горячий песок, спину под жаркое солнце: сладостное тепло разлилось по холодному телу.

Никому невиден варан: тело его как валик песка, полосы на спине — тени от веток, желтый глаз — камешек. А сам он все вокруг видит, все замечает.

Вот черная песчаная оса села у самого носа: волоком притащила большую полосатую гусеницу. Бросила гусеницу, забегала по песку, разыскивая свою норку. Варан чуть приоткрыл губы и гусеницу проглотил! Оса растерянно покружилась и за другой улетела. Вторую приволокла — он и вторую съел.

Долго бы еще оса по глупости варана кормила, да только гусеницы для него не еда! От них только аппетит разыгрался.

Вот-то, наверно, удивилась оса, когда вдруг «песок» рядом зашевелился и вместе с «тенями» и блестящими «камешками» зашагал в кусты!

Булак

Булак — это ключ, родник. Где бы он ни пробился в пустыне, его сразу заметишь: яркое веселое зеленое пятнышко среди скучного желтого или серого.

А вблизи это рощица. Шумливые, как осины, туранги, плакучая, как ива, джида. Кусты розового тамариска и розового чингила.

В кустах свистит соловей, на джиде горланят испанские воробьи, на туранге воркует горлинка. А в родничке верещат и плещутся розовые скворцы.

Журчит, посверкивая, вода. Лопочут, поблескивая, зеленые листья. Прохлада и тень. Зундят большие рыжие комары. Крохотный обитаемый островок среди безбрежного песчаного океана.

Мусорщицы

Майны в кишлаке собирают утиль. Настоящие мусорщицы — только мешка не хватает! Тащат в гнезда клоки войлока, пучки ниток, лоскуты тряпок. Вату, сено, окурки. Обрывки газет, ленточки целлофана, папиросные пачки, выброшенные конверты. Даже садятся на верблюдов и щиплют шерсть. Даже набрасываются на кур и выщипывают у них перья!

Пушистый дом

Замесили глину с навозом, сделали саманные кирпичи. Из сырых кирпичей построили дом. Вставили двери и окна, оставили дом сохнуть. Стоит сырой дом — сохнет.

Солнце дом прогревает. Ветер дом обдувает.

Не успел дом просохнуть — весь травою оброс. От крыши до самой завалинки. Весь зеленый стал и мохнатый. Как газон, поставленный на ребро. На стенах хоть сено коси или цветы собирай. А на крыше коз пасти можно. Вот сколько в навозе и глине было разных семян! И все они проросли.

Подсадили на крышу козу — она всю траву на крыше объела. А на стенах трава и сама высохла. Солнце ее иссушило, ветер развеял. И стал дом как дом: сухой, крепкий, серый. И теперь один только я вспоминаю, каким он был недавно зелененьким и пушистым. Да еще, наверное, коза…

Живой фонтан

Из щели дряхлого домика вдруг забил темный фонтан! Мириады летучих термитов ринулись из щели вверх и затолклись столбом выше крыши и дерева. Шорох и блеск их слюдяных крылышек словно плеск и сверканье струй.

Первыми опомнились от удивления майны: они нырнули в живой фонтан, трепеща пёстрыми крылышками и щёлкая

клювами. За майнами слетелись воробьи, сбежались куры и даже вкрадчиво пришла кошка.

Новоселье

Семья сычей переехала на новую квартиру. Надоело сычу и сычихе ютиться в тесном дупле и терпеть неудобства. Перебрались в большой дом — обрыв с норами. И заняли в нем квартиру со всеми удобствами. Нора-столовая — раз, нора-спальня — два, нора-детская — три, да еще нора-кладовка!

В детской сычиха высиживает яйца, в столовую сычи залетают перекусить, в спальне сыч дремлет после обеда. В кладовой сычи хранят излишки: мышей, воробьев, ящерок.

Сразу напротив сычиного дома магазин без продавца. Это тоже обрыв с норками, а в норках живут воробьи. Сычи прилетают и самообслуживаются: выбирают себе воробьев по вкусу.

Между обрывами — родничок. Можно горло промочить после обеда или выкупаться.

Сычи не наахаются на новую квартиру. Только и слышно в овраге их: ах! ах! ах! Я было сунулся заглянуть в нору, но сыч как даст мне подзатыльник! Хорошо, что на голове шапка была — так и закувыркалась. Вот и приходи к таким на новоселье!

Палка на счастье

Кто-то воткнул в песок палку — и, не думая, осчастливил каменку-плясуна! До этой палки была ему жизнь не в жизнь. Все вокруг плоско — ни камешка, ни кустика, ни бугорка. Ни себя показать, ни на других с высоты посмотреть. Да и песни с земли всего на три шага слышно.

И вдруг привалило счастье: палку в землю воткнули! Все теперь по-другому. Все стало веселей.

И солнце плясун встречает на палке хоть чуть, но пораньше, чем на земле, а провожает — чуть позже. Поет и приплясывает от зари до зари. Поет даже в огненный полдень: ведь наверху, на ветерке, не так жарко. Издали теперь замечает он нахального суслика, который так и норовит забраться в его норку-гнездо. С лёту повисает над сусличей головой, жужжа крылышками, как оса. А если это не помогает, садится прямо на сусличий горб и мчится на нем, долбя носом в затылок или теребя нахала за уши. Надрав суслику уши, он снова усаживается на палку, поет победную песню и отплясывает победный танец.

И всем теперь видно и слышно победителя издалека.

Суслики обходят его стороной, соседи-плясуны — облетают.

Вот до чего счастливой оказалась простая палка!

Рот с ушами

На гребне бархана, вытянувшись на кривых ножках, стоит головастая ящерица. Хвост скручен кренделем, как у дворняжки. Вот она увидала меня и завиляла хвостом по-собачьи. Я подумал, что она мне обрадовалась, подошел ближе, но она стала сердито хвост скручивать и раскручивать. Но я не испугался, и тогда она вдруг прыгнула мне навстречу, фыркнула и так разинула рот — вот сейчас зальется сердитым собачьим лаем и тявканьем! Ну и рот — не до ушей, а… с ушами! В углах красной пасти

растопыренные красные уши! Я так и попятился: рот с ушами — кому жутко не станет!

Сиворакша

Называют ее так и сяк. За сизый цвет — сивкой. За то, что на ворону похожа — сизоворонкой. За голос трескучий и резкий — рррак! рррак! — ракшей. За голос и цвет сиворакшей. И все имена как на подбор.

Яркий крик

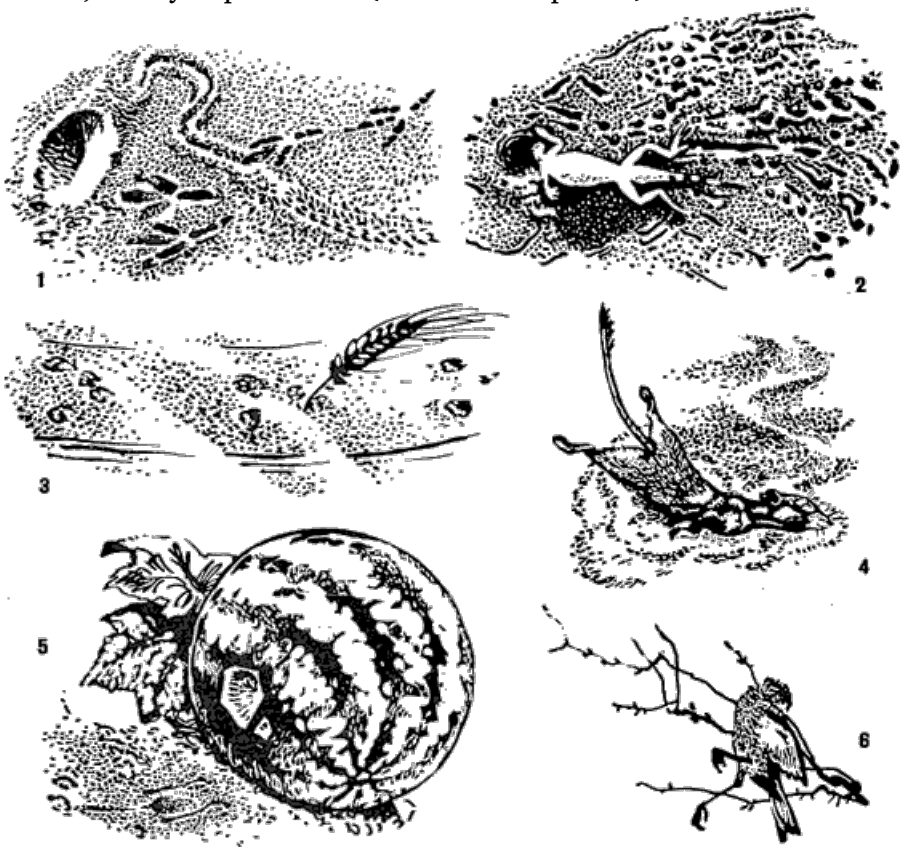
Дрофа-красотка взлетает, как вскрикивает: вдруг замельтешит яркое, пестрое, броское! Вот и говорят, что у красотки «кричащий цвет». А у журавля-красавки — «яркий голос». Громкий, звонкий — издалека слышно. Крикнет — словно сверкнет.

НА ЖЕЛТОЙ ТРОПЕ

На месте преступления

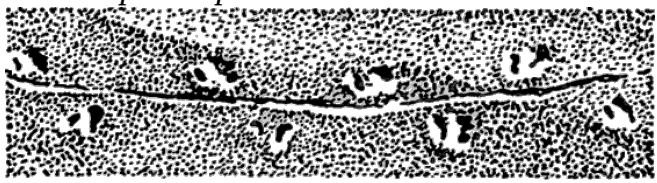
Неизвестно кем и когда было совершено преступление. Труп обнаружили на рассвете. Убийца на месте преступления оставил отпечатки своих пальцев.

И вот натуралист, словно сыщик, вооружившись лупой, распутывает следы. Попробуйте и вы по этим рисункам с натуры понять, что тут произошло (ответы на стр. 233).



Следы ящериц

Следы серого варана.



Следы степной агамы.

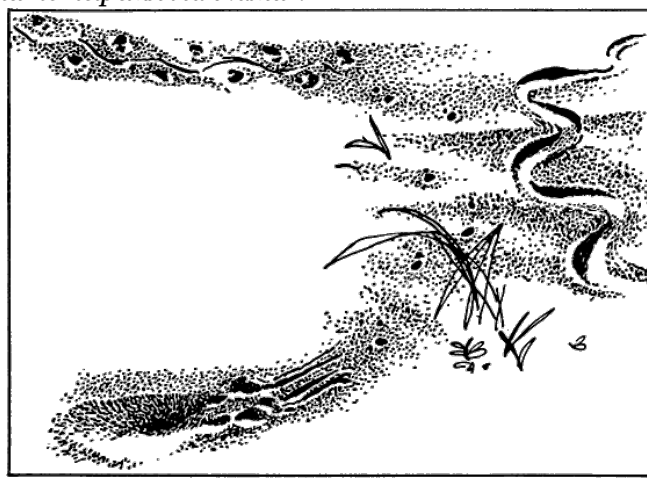
След сетчатой ящурки.

След ушастой круглоголовки.

След сцинкового геккона.

Записи песчаной круглоголовки

«Сперва я ползла спокойно, но вдруг увидала удава, испугалась и понеслась. Потом с разбегу затормозила всеми четырьмя лапками».



«И поскорей утонула в песке».

Самый короткий след

Есть следы — тянутся на километры, а есть

коротенькие — на сантиметры. Самый короткий след, наверное, у пустынного козодоя. С лету присядет на песок — и тут же взлетит.

Короток и след пролетной кукушки: два-три прыжка — и конец.

С днем рождения!

20 апреля. В дуплышке саксаула у пустынной синицы вылупились птенцы. Я хотел заглянуть, с днем рождения поздравить, а в дупле что-то как зашуршит да как фыркнет! Я так и отшатнулся.

Но оказалось, это не змея, а мама-синица. Она всех так встречает, кто нос в дупло без спроса сует. Закачает головкой, клювик разинет да как пугнет — «кхха»! Тут, пожалуй, и сама змея испугается.

30 апреля. У пустынной лисички корсака в норе… 16 корсачат! Сама корсачиха удивляется: откуда их столько?

Тычутся мокрыми носами в теплый живот, поскуливают — есть просят.

Нет у корсаков покоя ни днем, ни ночью: ну-ка прокорми этакую ораву! Все хватают подряд: жуков, кобылок, сусликов, птичек. Даже колючих ежей, даже мохнатых фаланг, даже ядовитых змей и скорпионов!

2 мая. У хохлатых жаворонков вылупились птенчики — весом по три копейки. Родители не нарадуются на детей своих драгоценных. И с каждым днем они им все милей и дороже. Да, да — дороже!

На второй день каждый птенец весил уже по пятаку, на

четвертый — по два пятака, а на шестой — по четыре. На десятый день каждый стал в пять пятаков, а на пятнадцатый — в семь. Тяжелее — дороже отца с мамой!

За две недели ровно в двенадцать раз «вздорожали»!

День за днем

1 мая. Агама выкопала в песке норку-гнездо и снесла в него десяток яиц.

2 мая. Встретили первых молоденьких варанчиков — выползли из зимнего гнезда.

3 мая. У сайги двойня: сынок и дочка. Тонконогие, толстоносые. Лежат и не пошевелятся.

6 мая. В логове у гиен появились полосатые гиенята. Ползают в норе, скулят и повизгивают.

7 мая. У джейранихи два джейраненка. Спокойно лежат на песке, а джейраниха от беспокойства места себе не находит.

8 мая. Тонкопалый суслик вскарабкался на куст кандыма объедать его красные мохнатые семена. И так намусорил — весь песок под кустом от семян покраснел!

10 мая. Фламинго на соленом озере снесли яйца в свои глиняные гнезда-кочки.

14 мая. В норе у рыси-каракала появились рысята.

15 мая. По воздуху на сверкающих паутинках, как на шелковых коврах-самолетах, летят ядовитые паучки каракурты. Летят воздушные кораблики, сидят на них черные пираты.

16 мая. В щели обрыва вылупились птенчики пустынного снегиря.

19 мая. Вылупились птенцы у дрофы-красотки. Пищат.

20 мая. У тонкопалого суслика родились суслята: слепые, беспомощные.

21 мая. Самочка чернобрюхого рябка снесла яичко и сразу на него села: как бы не спеклось на солнце!

22 мая. Вылупились птенчики у саджи.

24 мая. Вылетели из гнезда воробьята пустынного воробья.

25 мая. В норе лысого барсука-медоеда появились медоедики. Пока сосут молоко.

26 мая. Чуть свет вышли мы в степь по грибы, а все равно опоздали. Грибы кто-то собрал! Кто-то шустрый нас обскакал!

Обскакали нас… черепахи! Черепахи, оказывается, тоже по грибы вышли. Найдут степной гриб и огрызут у него белую шляпку.

Смотрим по сторонам в сильный бинокль, тут и там грибы белеют, а рядом, как булыжники, черепахи лежат, грибы жуют. Вот тебе и неповоротливые!

28 мая. Черепахи роют в песке ямки и несут в них яйца.

29 мая. Вылетели из гнезда воробьята саксаульного воробья.

30 мая. Вылезли из дупла дятлята пустынного белокрылого дятла. Прицепились к саксаулу и с удивлением озираются.

„ДЛИННОЕ УХО“

Красные дали

Вдруг покраснели дали! Яркие красные полосы у самых гор — непонятные и неожиданные. Будто красная заря из-за гор пролилась к их подножию. Будто кто-то толстым красным карандашом отчеркнул синие горы от желтых песков.

Нет, конечно же, не заря. И не россыпи алых камней. Не далекий степной пожар. Может, радуга по горизонту: желтое, красное, синее? Или зыбкий мираж, обманывающий и манящий?

Глухо топочут копыта коней, плюхая в пухлую пыль. Все уже полоса желтых песков, все пуще синева дальних гор, все шире, все ярче, все ближе, все необузданней красная полоса. Ближе и ближе радуга из песка, синих гор и… красных маков!

Маки, живые маки! Их видимо-невидимо. Они обступают со всех сторон, как разливы красной реки. Они трепещут и взблескивают, словно рябь на воде. Они стелются на ветру, как пламя невиданного пожара.

От них рябит в глазах и кружится голова.

По сторонам вздымаются красные от маков холмы — волны багряного моря. Волны накатываются в посвистах ветра, на

гребнях вскипают брызги огненных лепестков.

Вот-вот волны захлестнут, опрокинут, и мы утонем в буйном неистовстве красного цвета!

Земля под ногами горит от цветов. Полыхают красные дали. Степные луни, словно чайки, скользят над красными волнами. Седые их крылья просвечивают розоватым. Красные жуки на маках жуют красные лепестки. Сонные верблюды сгибают длинные шеи, и в черных выпуклых их глазах мечутся огненные зигзаги.

Порозовели белые облака. Даже синее небо подернулось розовой дымкой. Стоим растерянные и восхищенные. Цветы и цветы — без конца и без края! Неистовое буйство красного цвета. Кипучая лава цветов.

В степь по… грибы!

Везде по грибы ходят в лес, тут — в степь голую. У нас к грибам ведут тихие лесные тропинки, а тут — широкие степные дороги. Тропинки наши натоптаны, дороги степные — накатаны. Наш грибник в одиночку пешком шагает, степной грибник — компанией на машине едет.

Пахнет в степи не листьями вялыми — горькой полынью. Вспугиваешь не рябчиков, а бульдуруков.

Не заяц за кустами проскачет, а проползет в камнях черепаха. А с дороги свернешь — не в лужу оступишься, а в прорытую песчанками нору.

Идешь — не под ноги смотришь, а по сторонам. И не осенний дятел над тобою стучит, а жаворонки весенние заливаются.

Потому что грибы в степи не осенью собирают, как у нас, а… весной.

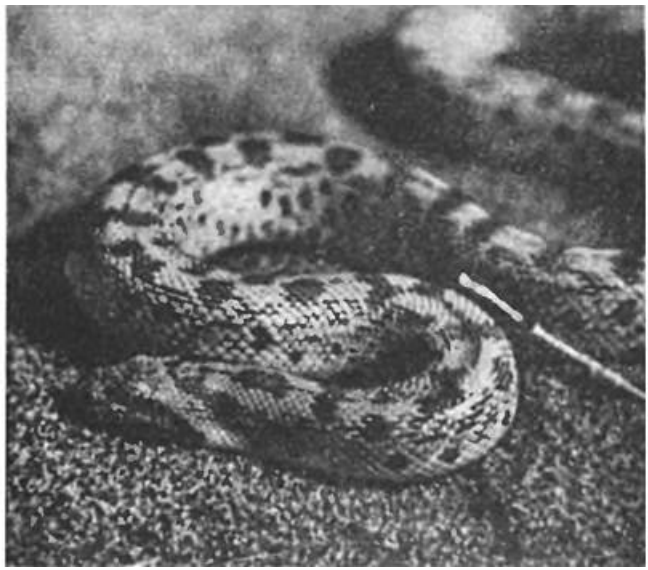
Ящеричный град

По мрачному синему горизонту, задрав голову в облака, медленно полз, покачиваясь и изгибаясь, черный змей-смерч.

Вот он просунул голову в щель между синими тучами и не спеша втянулся в облачную щель, как в нору, виляя над пустыней черным хвостом.

А через час с неба дождем посыпался песок, и, как градины, стали шлепаться маленькие ящерицы-круглоголовки.

Задремавшего было пастуха кто-то неожиданно вытянул кнутом по спине. Он спросонок вскочил, заругался — думал, друзья дурачатся. А это песчаный удав ему с неба на спину свалился.



Черепаший пир

Пролетел над пустыней вихрь — повалил толстые ферулы. Ферула — это «дудка», высотой с человека, толщиной в руку. Стебель у нее сочный, матовый. Даже пальцем на нем, как на потном стекле, можно писать.

Такая сочность для пустыни диковина. И потому про упавшие ферулы сразу пронюхали черепахи.

Жадно вгрызаются в сочную зелень, передними лапами упираются, отдирают куски. Друг на друга шипят сердито и даже щитками толкаются: все-то сухое вокруг, а тут сочность такая!

Кукушка на песке

Непривычно видеть дятла на земле, кулика на дереве, а утку в дупле. Но совсем уж глазам не веришь, когда на голом бархане видишь… кукушку. Жительница леса и — в… голой пустыне! Любительница прохладных вершин на… раскаленном песке. Но это она: серое платьице, полосатая тельняшка. Взлетела на ферулу, как на родную березу. И закуковала. Пески, голые пески вокруг, а над песками голос лесной кукушки…

Многоквартирное дерево

В кряжистой старой туранге целое общежитие. Ствол туранги в морщинах весь — как из толстых канатов свит. И сверху донизу в нем дупла-окошки.

В среднем дупле галки живут — еду птенцам полными подклювными мешками таскают. Верхнее дупло парочка голубков заняла: эти то целуются, то воркуют. В нижнем дупле — в первом этаже общежития — поселились франты удоды. Гоняются, «утутукают», веером разворачивают хохлы.

На самой вершине — на чердаке! — черный коршун сложил гнездо: темнеет охапка хвороста. А в этой охапке воробьи устроились. Коршун помалкивает, а воробьи галдят на чем свет стоит!

В подвале, у самого корня, в щели геккон живет. Ночью он на коре мух ловит, днем в щели сидит.

Шумит на ветру туранга. Сколько она на своем веку разных жильцов перевидала, скольким дала укрытие…

Змеи на рельсах

(Рассказ обходчика)

Идешь ночью в обход и побаиваешься. Пески ночью остывают, и змеи сползаются из пустыни к насыпи, греются на теплых рельсах. Потому и хожу я с сильным фонарем, чтоб не наступить на какую-нибудь.

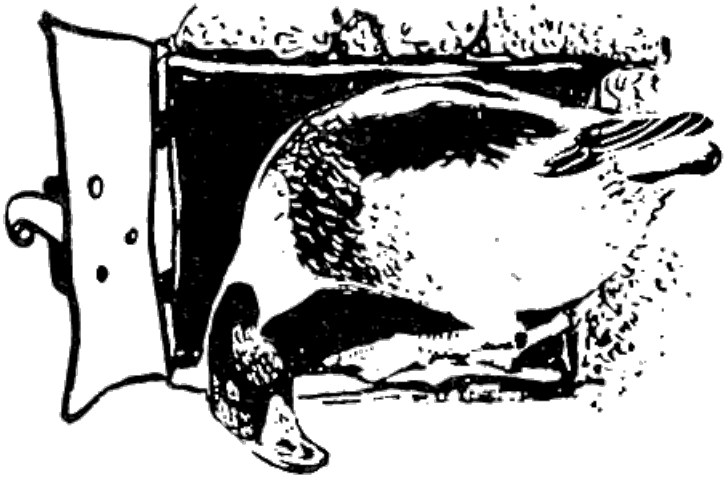
Больше всего змеи любят класть на теплые рельсы свои головы. Понятное дело, если я пройду — только всех распугаю, а вот если впереди меня поезд пройдет или дрезина пробежит — тут уж змеям достанется. Сколько потом приходится мертвых с насыпи сбрасывать!

Домик под рельсами

Пришла из города весть: под трамвайными рельсами нашли логово ядовитого каракурта! Сидит он в своей норе и ничего не боится: ни топота ног, ни шуршания шин, ни грохота трамвайных колес. Сам весь измазался в мазуте, а на грязной паутине у него висят трамвайные билеты, окурки и спички.

Утка в печке

Утка-пеганка, жительница соленых озер, любит гнездиться в обрывистых берегах. Да не везде в пустыне есть обрывы и норы. Вот еще работа на ее утиную голову! Ничего не нашла лучше, облюбовала заброшенное зимовье — старые сарайчики из сухой глины. Долго бродила вразвалку из сарая в сарай, тихо покрякивала-поругивалась, совала свой красный нос во все щели. И, наконец, поселилась в… печке!



Земляной сыч

Раскапывали ребята нору песчанки. Хотели разузнать, куда песчанки прячут сено. Какой такой у них сеновал? Разрыли до тупичка-сеновала, а там сыч! Вжался в угол, клювом кривым щелкает и таращит свои круглые, как два желтых лимона, глаза. А уж головастый — прямо одна голова на двух лапах! И странный какой-то: на спине и голове вместо перьев колючки, словно у дикобраза…

Пока ахали, разглядывая сыча, он опомнился, косолапо побежал и нырк в соседнюю нору! Подземный какой-то… Гнездо устроил под землей и охотится, наверное, под землей. Потому на спине и иглы вместо перьев. Перья его до белых стержней о стенки норы потерлись.

Никогда наперед не знаешь, что может случиться: искали песчанкин сеновал, нашли сыча-дикобраза!

В лисьей норе

Угораздило утят вылупиться в… лисьей норе! Не они в том виноваты: это отчаянные родители их, рыжие утки-огари, лисью нору для своего гнезда облюбовали. Поселились утки с лисой под одной крышей.

Рыжая хозяйка в главной норе, рыжие жильцы в отнорке. Там и вылупились утята — чуть ли не у самого лисьего носа! Ой, чем-то все это кончится?

А кончилось тем, что запугала утка лису чуть не до смерти! Сунула как-то лиса нос свой в утиный отнорок, а утка как шею по-змеиному вытянет, как ею заизвивает, как по-змеиному зашипит, как глазами из темноты по-змеиному засверкает — у лисы от страха и хвост дыбом!

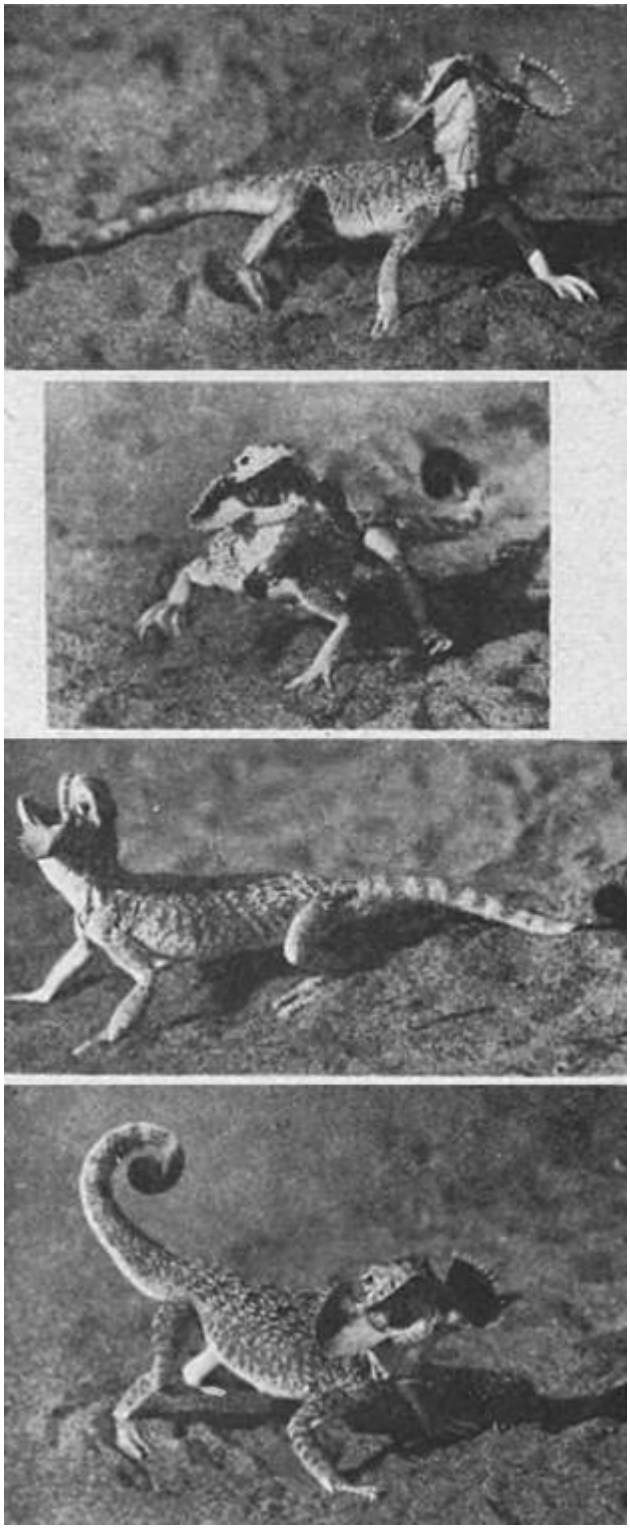
С тех пор мимо отнорка ползет — нос свой в него не сует, а только с ужасом косится. А утята ей из-под утки носы плоские показывают.

Скоро вывела утка своих утят из норы, повела на чистую воду. Лапкам утячьим на камешках с непривычки колко — но от матери не отстают. Бугор на пути крутой — все до одного вскарабкались. Обрыв к воде высоченный, а они смело за уткой — шлеп! шлеп! шлеп! — вниз! Кто в воду, кто на песок, а кто и на камни. Ничего: глазами поморгали, носами ушибленными потрясли, лапки поцарапанные почесали — и в воду. Тут, на чистой воде, и справили свой день рождения. А где же еще его им справлять: не в норе же у рыжей лисицы!

Не подходи!

Когда у тебя нет острых когтей и длинных клыков, а каждый

тебя норовит обидеть, бери на испуг! Так всегда делает ушастая круглоголовка. Как разинет пасть до ушей, как развернет веером свои красные «уши», как зафыркает, как запрыгает! Разойдись, не подходи! Ух, какая я страшная! Вот схвачу, укушу, проглочу!



А что ей, бедняге, делать? Пляшет воинственный танец, а у самой хвост от страха трясется.

Лес розово-серебристый

Нам привычны леса зеленые. Темно-зеленые хвойные и светло-зеленые лиственные. А этот лес был розово-серебристый, ни на что привычное не похожий. Бывают такие леса в пустыне, но только там, где есть вода.

Седые раскидистые деревья издали кажутся заиндевелыми, покрытыми сизым инеем. Под ними — нежно-розовые кусты. Они как копны розового пуха. Кажется, дунь — и все улетит!

А какая у этого леса опушка! Понизу розовая полоса, над ней полоса седая, а над всем этим розово-седым яркое синее небо.

Седые деревья — это деревья джиды. Еще их называют серебристым лохом. Похожи они на нашу плакучую иву: ветви обвисли густыми прядями, листья узкие, длинные, как серые рыбки. Между листьями желтенькие цветочки. Их очень много, но они такие крохотные, что почти незаметны. Зато запах их слышен издали.

Запах совсем особый: кто хоть раз вдохнул его — никогда не забудет. А вспомнит запах — вспомнит и лес…

Розовые кусты, похожие на копны пуха, это кусты тамариска. Кусты розовые с ног до головы: от стволиков до кончиков веток. И хочется сравнивать то с розовым инеем, то с розовым пухом, то с розовой пеной из розовых пузырьков. Пчелы гудят в нагретых ветвях, хлопочут в них, копошатся — варят розовое варенье.

У невиданного леса неслыханное название — тугай. Не бор, не тайга, не дубрава, не роща, а таинственное — тугай…

Тугай пропитан жаркими красками юга. Яркие бабочки, яркие птицы, яркие цветы и травы.

На солнечные тропинки из тенистых зарослей выходят по утрам фазаны. Перо их багрово вспыхивает и переливается. Это живые жар-птицы: когда они взлетают, кажется — вспыхивает фейерверк!

На сухих серых сучках любят сидеть щурки. Птицы совершенно тропические: грудки лазоревые, горлышки желтые, спинки золотистые. И красные — как рубины! — глаза. Когда они носятся над кустами розовых тамарисков — у всех в глазах рябит.

Голубые сизоворонки кричат резкими трескучими голосами. Желтые овсянки, похожие на канареек, поют старательно, задирая клювики в небо. Удоды порхают словно огромные пестрые бабочки. И воробьи тут не наши серенькие обыкновенные, а испанские черногрудые: очень яркие, очень пестрые, страшно горластые.

Вечера в тугаях тихие, настороженные. Но вдруг в тишине отчаянно закричит фазан и захлопает быстрыми крыльями. Значит, лиса или кот дикий вспугнули его с земли.

Вдруг услышишь сердитый звериный рев. Но рев никого не пугает: это косуля ревет. У безобиднейшего существа почему-то голос страшного зверя.

Шелест тростника, дробный топот копыт: на полянку вымахнули кабаны. Тихо перехрюкиваются-переговариваются.

Звонко и хлестко свистит соловей — как кнутом щелкает. Желтая луна показалась за черными перекрученными стволами. Ночь. Пахнет цветущей джидой. Незабываемый запах. Незабываемый лес.

26 мая. Спим под москитными сетками в розовых кустах тамариска. Всю ночь над головой свистят соловьи. Один уселся прямо против луны: видно, как у него подскакивает язычок в раскрытом клювике и как дрожит встопорщенное горлышко.

27 мая. Обрыв у речушки весь в дырах, словно стена дома в окошках. И кто только из окошек не выглядывает! Воробьи в красноватых беретиках и белых шарфиках. Носатые галки в серых косынках. Крикливые сизоворонки в синих жилетках. Щурки-франтихи в расписных шалях. Суетливый кривоносый удод. Задумчивый голубой зимородок. И все своими разноцветными глазами на меня смотрят: белыми, черными, карими, красными, голубыми. С чем я пришел: с добром или злом?

28 мая. Вечером над водой загудело темное облако. Облако то сплющивалось в лепешку, то вытягивалось столбом, то закручивалось штопором. Гудение нарастало, накатывалось, переходило в вой. Казалось, вот-вот облако не выдержит и взорвется!

Это свадьба маленьких стрекозок подёнок.

Они гудели и ныли, как гигантский пчелиный рой, как телеграфные провода в бурю.

Когда облако спустилось — все, словно тополевым пухом, покрылось серыми крылатыми насекомыми: деревья, кусты, трава. Они набились нам в волосы, в уши, глаза, за ворот, за пазуху, даже в карманы.

Мы сметаем их веником у палатки — намели целую горку!

29 мая. Через мелкие перекаты ручья пробиваются вверх золотые сазаны. Где мелко, они на боку ползут, цепляясь плавниками и хлеща бешеными хвостами. Брызги, всплески, в голубом вспыхивает золотое. Содранные чешуи, как бронзовые копейки, покачиваясь, опускаются на дно. И в воде тянутся струйки крови…

30 мая. На поляне посеян горох. Повадились воровать горох зайцы. Выйдешь из леса, а они, как испуганные мальчишки, шасть в разные стороны! А иные, самые хитрые, ложатся и затаиваются. Один хитрец сегодня прилег, спрятался, а уши свои длинные забыл на спину уложить — так и торчат из гороха!

31 мая. Шагаю по лесному тоннелю: пол у тоннеля из желтого песка, стены из бледно-розового чингиля, а потолок — из серебристого лоха. Незнакомые шустрые зверьки перескакивают вдруг тропинку — один за другим! Какие-то взъерошенные, всклокоченные, очумелые. А за ними выходит… свинья!

Поджарая, длинномордая, хвост как малярная кисточка. Повернула ко мне узкое тощее рыло, посмотрела косыми глазами, пошевелила мохнатым лопухом-ухом, сказала «уфф!» — и исчезла. Мало она похожа на дворовую хавронью. А поросята совсем зверьки дикие.

1 июня. Кто только по лесной дорожке не ходит! На твердых копытцах косуля прошла. Удод натоптал и носом дырочек натыкал. Тут слизни ползали — оставили за собой слюдяные полоски. Там заяц проскакал легким скоком. Фазан крестиков наследил. Вкрадчиво прошел дикий кот. Следки его аккуратные, словно ягодки-малинки выдавлены. Змея наелозила извилин. Жук-навозник шар прокатил: будто тяжелая многоножка пробежала. А поверх всех мои следы — рубчатые и большие.

Наводнение в тугае

Получил письмо: «В розовом лесу наводнение, река вдруг вышла из берега. Бродил по лесу в высоких резиновых сапогах. Деревья и кусты по колено в воде, везде плавают сухие ветки, палки, сучки. На наклонном дереве сидел, как белка, заяц-песчаник, а на спине у зайца спасался большой черный жук. На сухом бугорке металась вымокшая лисица, вода затопила ее нору. А на пеньке, как на плотике, сгрудились плюшевые фазанята. Они не очень-то унывают и бодро клюют спасающихся на пеньке муравьев.

Фазанов-стариков вода выгнала из травяных зарослей, и они сидят на деревьях, как куры на насесте.

Фазанят я положил в шапку и отнес на сухое место: они раскатились от меня словно горох. Но прилетела фазанка-мать и быстро созвала их к себе под крылья. Я не стал им мешать и вышел из леса на затопленную опушку. Тут на крошечном травяном островке собралась целая дюжина перепелов. Они бегали и кричали отчаянно: „Вот так-так! Вот так-так!“».

Лисий концерт

Второе письмо: «Диковинное событие наблюдал в серебряном лесу. Посредине поляны лежала лиса, справа от нее сидели три

сороки, а слева стоял фазан. Лиса игриво ерзала на спине, виляла хвостом и болтала в воздухе лапами, будто отмахивалась от комаров. Сороки возбужденно скакали и отчаянно стрекотали, а фазан даже поднимался на цыпочки, вытягивал к лисе шею и гнусаво выкрикивал свое „цок-цок“.

Удивленные птицы подходили к лисе все ближе и ближе. И лиса, ерзая и извиваясь, подкатывалась к птицам тоже все ближе и ближе. И когда до птиц стало хвостом достать, лиса вдруг крутнулась и кинулась к ближней сороке. Но сороке удалось увернуться, она взлетела с отчаянным криком и… тут же опустилась на землю! А лиса опять повалилась на спину, стала кататься и вилять хвостом. Теперь она незаметно перекатывалась к фазану. Вот до него три прыжка, вот два, вот один. А фазан все поднимается на цыпочки и тянет ей навстречу любопытный свой нос. Прыжок, лопот крыльев, отчаянный крик. Фазану тоже

удалось увернуться, он высоко взлетел и… опять опустился на землю!

Что за странная игра в пятнашки!

И лиса снова катается на спине, виляет хвостом и развлекает зрителей. И зрители снова потихоньку подвигаются ближе и ближе.

Не знаю, чем бы кончилось это лесное представление, но тут на шум прилетела еще сорока, увидела меня за кустом, затарахтела особым голосом. Лиса сразу же вскочила и ускакала, сороки с криками разлетелись, а фазан молча шмыгнул в кусты».

Заячий сон

Под кустом тамариска, в холодке и тени, лежит заяц. Ушки на спине, пухлый подбородочек на лапках.

Заяц дремлет, притенив ореховые глаза своими длинными-предлинными, чуть изогнутыми ресницами.

От меня до зайца — ногой достать. Он проспал мой подход. Я разглядываю заспавшегося растяпу. На боках у него войлок — еще линяет. На ухе клещ налился. Лапы и хвост в грязи.

И вдруг усы у зайца зашевелились, носик смешно зашмыгал, изогнутые ресницы медленно приподнялись.

Я замер. Но заяц почуял недоброе. Ушки взлетели торчком, лапки задние напряглись, как два взведенных курка. А глаза полезли на лоб!

Прекрасные, ореховые с золотой искоркой, заячьи глаза вздулись, как надувные детские шарики! Заяц стал похож на сову. Глаза налились темным страхом, они прямо разбухли от ужаса:

вот-вот лопнут и, как две набрякшие слезы, перельются через край и капнут в траву!

Я не дышал. Я не моргал. Так я перепугался за зайца.

А заяц вдруг успокоился. Расслабился и опустился на землю. Поерзал, угнездился и… задремал! И посветлевшие глаза его снова осенили ресницы. Так и казалось, что он сейчас пробормочет: «Уф! И примерещится же такое…»

Меня, неподвижного, он просто принял за пень!

Шаг за шагом я стал отходить от уснувшего зайца. Пятился, пятился — и ушел. То-то удивится косой, когда снова проснется! Только что пень торчал перед носом и вдруг куда-то исчез!

Пыльные зайцы

Пролегли сквозь тугай белые, запудренные пылью тропинки. Тенями они разрисованы и следами заячьими расписаны. А вот и сам писатель навстречу катит!

Меня увидел — как вверх подскочит! А со спины пыль столбом — словно заяц взорвался. По тропинке помчал — пыль с боков волнами! Весь в пыли от лап до ушей. Ну и неряха!

Каждое утро встречал я таких пыльных зайцев. До того пропыленные-запорошенные, что хоть на сучок их вешай и палкой пыль выколачивай.

А знаете, что оказалось? Зайцы нарочно в пыли катаются! Порхаются в пыли словно куры.

Как-то иду и вижу: заяц в пыли катается, ногами длинными взбрыкивает. На одном боку ерзал, ерзал — на другой перекатился. Потом лапы вверх — на спине ерзать стал.

Накатался, наерзался, надрыгался — как встряхнется! Будто гриб-пыхтун лопнул: пыль клубом! По тропинке понесся — словно смерч пыльевой завихрился. Вот до чего извозился.

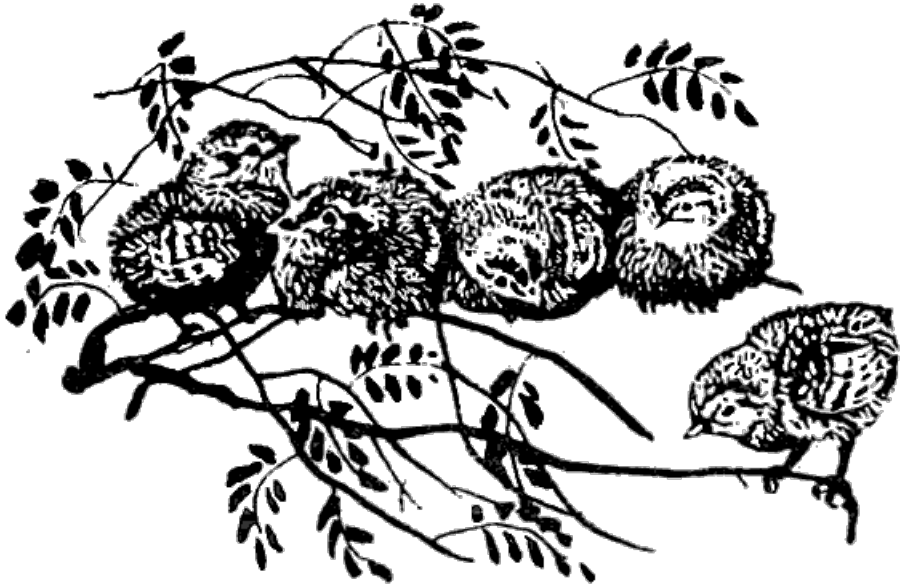
Каждое утро выходят они из сырого леса на сухие тропинки. Ложатся мокрыми животами на теплую пыль. И начинают у них от этого линялые животы чесаться. Вот зайцы и дрыгаются, и катаются. И до того выкатаются в пыли, что даже лисицы, на них глядя, наверно, чихают и кашляют.

Предсказатели

В гнезде у фазанки появились фазанята. Было десять яиц, стало десять цыплят. Пушистых, как одуванчики. И у каждого одуванчика клювик и ножки. Клювиками одуванчики начали что-то клевать, а на ножках бегать.

Скоро отросли у фазанят крылышки, начали они порхать и стали «поршками». По вечерам они вспархивали вслед за фазанкой на дерево — повыше от лисьих зубов. Так и сидели всю ночь на сучке рядом — как бусы на нитке. Я каждый вечер подтаивался к этим живым бусам, чтобы только посмотреть на них.

Но однажды вижу: фазанята уселись рядком на сучке, а фазанка еще внизу. Волнуется, квохчет — зовет фазанят вниз.



— Внизу же лисы! — испугался я.

Но фазанята послушно спорхнули вниз, фазанка сразу увела их в колючие кусты. И только они там притихли, как заметались по небу желтые зарницы, загремел гром и тяжелые капли-картечины ударили по листьям. Вот бы досталось фазанятам, если бы фазанка вовремя не спрятала их! А в кустах им сейчас и тепло и сухо. Да и лисы не страшны — они сами от ливня в норы попрятались.

Фазанка с поршками сухие, а я до костей мокрый. Но зато теперь уже знаю: если с вечера фазаны на сучке бусами сидят — сухая и тихая будет ночь. А если в кустах прячутся — быть и дождю и ветру!

Речка в пустыне — голубая ниточка. Тугай по берегам — всего лишь зеленая бахромочка. А дальше справа и слева — пески, пески и пески…

Пугливый сверчок

Ночью поет в пустыне сверчок. Так поет — даже спать неохота! Как колокольчик звенит. Лежишь на спине и слушаешь, слушаешь…

Сколько глаз видит — все звезды и звезды, сколько слышит ухо — все сверчковые колокольчики. И тут и там. И у самого

горизонта. А может, это и не сверчки, может, это звезды ночные звенят?

Может, и звезды: ни разу я сверчков не видал! Услышать их просто, а разглядеть — невозможно. И не потому, что ночью, а потому, что удивительно они чутки и пугливы. Как ни осторожничай — все равно услышат и замолчат. Я сердился, ругался, смеялся — но ничего поделать не мог. Подбираешься чуть дыша — слышат. Заслоняешься кустом тамариска — видят. Стоишь, не дышишь, не падает от тебя даже лунная тень — а сверчок не пошевелится и не пикнет. Уж такая вокруг тишина, что слышишь, как твое сердце стучит.

Сердце стучит… А может, сверчок слышит сердце?

Так и не удалось мне увидеть певца. Знаю о нем понаслышке. Все могу: прятаться, тихо ходить, подолгу не шевелиться. Но сердце остановить не умею и поделать с ним ничего не могу: чем ближе тайна — тем громче стучит. А сверчок чуткий, наверное, слышит. И сразу же перестает петь.

Хомяк работает головой

Повезло хомяку — наткнулся на гнездо дрофы-красотки. Лежат прямо на земле два большущих яйца — ну словно два бочонка с медом. Забирай и пируй!

Только вот лапками никак яйцо не обхватить — выскальзывает. И за щеку такое не затолкать — еще и рот раздерешь. А бросить, конечно, нельзя — жалко.

Возился хомяк, возился, ерзал, сопел, пыхтел — ничего не получается. Тогда уперся в яйцо лбом — и покатил его к себе в нору! Раз дело не по зубам, не по лапам — головой надо работать!

Джейранчик

Волка ноги кормят. А вот джейрана ноги спасают.

Джейраны — быстрые газели — живут в сухих южных степях. Много у джейранов врагов: и человек, и волк, и даже орел. А спасенье одно — ноги.

Вихрем носятся джейраны по степи. Кажется, что это не звери бегут, а птицы летят. Только пыль завивается из-под крепких копыт! Тут уж и волка ноги не прокормят!

Нет у джейраньей степи ни конца, ни края. На своих на двоих не скоро ее прошагаешь. Но я еду верхом.

Еду, посвистываю. И вдруг — стоп! Коняшка под ноги глазом косит. У копыт его кротовина — кучка желтой сухой земли, а конь ноздри раздул, ушами прядет — и ни с места.

Вгляделся я: да это совсем не кротовина, это джейранчик! Прижался к земле, замер и дышать перестал.

Джейранчик крошечный, с зайца. Он недавно родился. Лобик у него крутой и вместо рожек — пупырышки. А ножки тонкие-тонкие и длинные-длинные. Ненадежные ножки. И щуплый — ребрышки на боках проступают. Одна надежда на шкурку-невидимку. А шкурка и впрямь невидимка: не отличишь от степной земли. Тут и орлиный глаз обманется. Но человек не птица, его на кротовине не проведешь.

Соскочил я с коня и протянул к джейранчику руку. А он как вскочит на тонкие ножки, как вытаращит на меня черные глазенки, как ударит копытцем в землю — пыль фонтаном! И — ходу. Я за ним. Куда там! Как птица летит.

— Ах так! — рассердился я. — На своих на двоих не догоню — на четырех лошадиных настигну!

Вскочил на коняшку, стиснул ему каблуками бока. Взвился конек, замоталась по ветру конская грива, захлестала меня по лицу. Вмиг догнал я джейранчика. А он — бух! — и с ног! Запал, затаился. И глаза закрыл: глаза-то у него большие, блестящие — очень заметные. И опять стал как кротовина.

Перегнулся я с коня, тянусь, — нет, не достать!

Соскочил с коня — джейранчик бежать!

Я на коня — джейранчик на землю!

Подъеду к нему, ловчусь, — нет, не дотянуться! Коняшка боится на него наступить и близко не подходит. А соскочу — он ходу.

Не видно конца нашей гонке: бегом не догнать, с коня не достать.

Смотрю я на джейранчика сверху и дивлюсь: мал, а хитер! Видно, у джейранов спасение-то не в одних только ногах. И голова что-нибудь да стоит. Даже если на этой голове вместо рожек еще только пупырышки.

Да не век же мне над ним торчать! Взбодрил я каблуками коняшку — и потрусили мы своей дорогой. Еду, посвистываю. А что мне осталось делать?

Разбойничье логово

Ядовитый паук каракурт устроил логово в норке песчанки. Стены норы как шелком оплел паутиной. Во все стороны протянул сторожевые паутинные нити. Сам у входа засел. Смотрит в восемь глаз, восемь ног держит на сигнальных нитях. Словно натянул вожжи.

Кто бы ни прополз мимо, кто бы ни скакнул рядом — хоть одну паутинку, а заденет. Черный разбойник тут как тут: сразу обольет липкой гадостью и вонзит в тело ядовитые крючья.

Охотничий дом паука — настоящий разбойничий замок. Висят на стенах панцири высосанных жуков — как железные латы рыцарей. По углам валяются головы фаланг и кузнечиков с выпученными глазами — словно стальные шлемы. Белеют мумии запеленатых в паутину мокриц — как старые бурдюки с вином. А посредине сам разбойник каракурт сидит. Лапами перебирает нити сигнальные — словно вожжи подергивает. В восемь глаз смотрит. Новую жертву ждет.

Ущелье каменных козлов

Бывают в пустыне и горы: не высокие, не сухие, каменистые. Только в редких ущельях струится там вода и зеленеют кусты. И только в них теплится жизнь.

Нас в ущелье заманила вода. Она билась среди мертвых раскаленных камней, как живая прохладная жилка. Мы грохнулись на колени, окунули головы в воду и стали пить, фыркая и захлебываясь: в пустыне быстро узнаешь цену воде!

Чем глубже в ущелье, тем скалы угрюмей и выше. Скалы черные от загара. Блестящие, как литое стекло. Вычернило их солнце, отполировали песком ветры. Голубое небо отражается в черных скалах, и они отливают синью, как вороново крыло.

Тут и там на черных стенах светлые пятна. Это срывались от подземных толчков глыбы. Пятен много: землетрясения здесь не диковина. Глыбы огромные: землетрясения здесь не шуточные.

Между черных граненых скал дробные лиловые осыпи. Тени там резки, камни горячи, а звуки гулки.

В мире камней живут «каменные» птицы: каменный поползень, каменная куропатка, пестрый каменный дрозд, даже каменный воробей!

Каменный поползень гнездо строит из глины, замешанной на слюне. Гнездо раз в триста тяжелей самой птички. И крепкое оно, как камень. Поползень строит свой дом надолго. Сверху полирует слизью от гусениц. Вмазывает в глину яркие перышки и блестящих жуков — украшает.

Каменные дрозды веселыми рыжими пятнышками светятся на

мрачных скалах. И звонкие их голоса смягчают суровость каменных глыб.

По-деревенски, словно в курятнике, квохчут кеклики — каменные куропатки. Странные птицы: в камнях живут, в камнях кормятся, в камнях детей растят.

Ну, а каменные воробьи такие же горластые, как и их городские сородичи.

Когда-то тут жили и древние люди.

Везде на скалах рисунки. И там, и тут: целые картинные галереи! Больше всего выбито и выцарапано козлов: рогатых, бородатых, важных. А вот бараны архары с толстыми, круто закрученными рогами. Олени маралы: значит, и они тут раньше водились.

Я разглядываю мастерскую древнего живописца. Вот на этом камне он, наверное, сидел у стены. Свет падал отсюда, как и теперь, тысячу лет спустя… Тишина окружала его. И тысячи лет назад она была такой же, как и сейчас. И солнце пекло. И лениво — вот так же! — жужжали мухи. Из того ручья он пил, черпая воду ладонями. И капли скатывались с бороды…

Его сородичи после тяжелой охоты блаженно лежали в тени, сонно отмахиваясь от мух. Просыпаясь, подсмеивались, наверное, над чудаком, упорно царапающим скалу.

А художник скоблил и скоблил. Взбудораженный, переполненный виденным, узнанным, понятым. Первый историк и живописец древних жителей пустыни. Счастливый уже одним тем, что никто ему не мешает царапать.

Я вглядываюсь в рисунки на скалах: они напоминают мне что-то очень знакомое. Ну да, конечно: вот так же рисуют теперь ребята углем и мелом на стенах, заборах, панелях! По правилу: «Точка, точка, запятая, минус — рожица кривая».

А сегодня по этим простым рисункам мы узнаем жизнь наших дальних предков. Узнаем, каким оружием они сражались, на

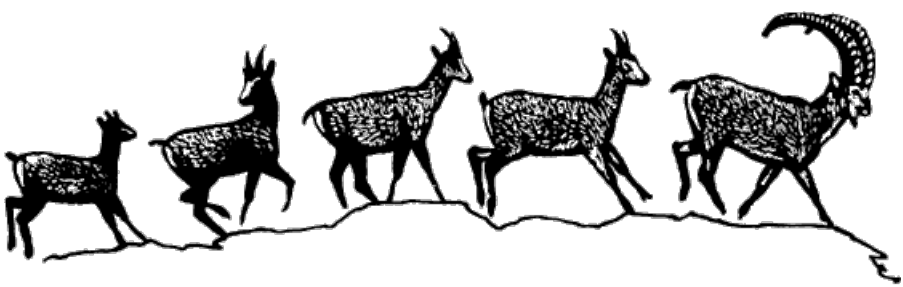
каких музыкальных инструментах играли. Как охотились, как танцевали. Каких зверей приручали, а каких упорно преследовали.

Есть на скалах рисунки непонятных зверей и чудовищ. Наверное, тогда художники очень боялись чего-то страшного и непонятного.

А есть рисунки и смешные. Баран с собачьим хвостом, верблюд с козлиными рогами, козел с верблюжьим горбом. Древние охотники, прекрасно знавшие звериную стать, наверное, со смеху покатывались, глядя на этих смешных уродцев. Так же, как теперь смеются ребята над стишками-перевертышами: «Курочки закрякали, утки закудахтали».

Я перехожу от камня к камню, от скалы к скале — как от витрины к витрине музея. Время многое уже стерло. Многое — потускнело и потемнело под огненным солнцем пустыни. Жесткие ветры затерли штрихи. Но я с уважением глажу шероховатые камни. Я с завистью думаю о художнике, рисунки которого пережили века…

Спим мы в крохотной палаточке, втиснутой между упавшими глыбами. Ветер надувает ее как воздушный шарик. Камни давят под ребра.



Тихо плещет ручей, скребутся о палатку жесткие, колючие кусты, пустынный козодой уныло и тягуче трещит. Со звоном катятся сверху плитки щебенки: кто-то и ночью ходит по скалам…

Утром мы покидаем каменное ущелье.

Со всех сторон смотрят на нас дикие козлы — теки: мертвые, изваянные из камня, и живые, застывшие как каменные изваяния.

События в ущелье каменных козлов

23 мая. Поставили у ручья палатку и стали смотреть, кто тут живет? В прохладном ручье под горячей скалой живет уж черный с золотыми «ушами». Высунулся из воды и смотрит на нас. На нос ему муха села, по голой шее мохнатая гусеница ползает, а ему не до них: на нас уставился.

В сумерках лениво, как куры в курятнике, заквохтали в камнях кеклики. Таинственно заурчал невидимый козодой. Запиликал тихонько сверчок. А высоко, по зубчатому гребню черной скалы, идут не спеша две диких козы, за ними подскакивают два козленка. По другому гребню шагает козел: то закинет голову и почешет рогами спину, то замотает бородой и рожищами, отгоняя назойливых мух.

А где-то сейчас невидимо и неслышно выползают из-под нагретых камней ночные фаланги, скорпионы и змеи.

24 мая. Утром опять на скалах стоят козы. Смотрят на нас сверху вниз. У них там наверху уже солнце, а у нас внизу еще сумерки.

Тихо бормочет ручей, пахнет мятой, в колючих кустах свежо по-утреннему, птицы поют, над кустами порхают бабочки.

Горная ласточка у воды набила полный рот грязи — где-то на скале гнездо лепит. Сизый голубь на выступе кружится в вальсе. Порхает пестрый удод. Мирное утро в мирном ущелье.

И вдруг за скалой глухие хрипы и стоны! Выметнулась оттуда нелепая, большущая, какая-то вся мягкая и рыхлая птица. Пролетела неслышно и села на камень. Ласточки кидаются на нее, а она только пригибает голову да зыркает по сторонам оранжевыми глазищами. Филин!

Впереди за вторым поворотом опять гул и гром! Там на скале гнездо воронов. Два вороненка топчутся по краю гнезда, разинув от жары клювы и свесив крылья. Время от времени они во всю глотку орут, и гулкое эхо гудит в скалах. Со скуки они пытаются схватить воробьев, которые нахально чирикают и скачут по краям их гнезда.

25 мая. Играем с вороненком у гнезда в прятки: я высунусь из-за камня — он спрячется, я спрячусь — он выглядывает. Сперва высовывается черный носище, потом розовые углы рта, и, наконец, мутноватый и глуповатый голубой глаз. Глаз смотрит на меня и моргает. Может быть, даже подмигивает.

26 мая. Из горлышка глиняного гнезда-кувшина впервые высунул любопытный нос поползенок. От удивления и восторга он разинул рот и перья на затылке у него встали дыбом. Но тут мимо гнезда синий дрозд пролетел, и поползенок отшатнулся в страхе — будто захлопнул форточку.

27 мая. Шагаю по дну ущелья, хрустя высохшими серыми

дудками, скрежеща разноцветным щебнем. В черных угрюмых скалах уныло свистит синий дрозд. И вдруг голосок совсем незнакомый — слабый, дрожащий, птичий! — слышится из навала камней. Крохотный рыжий козленочек скачет с камня на камень! Слабенький, трогательный, с запавшими пахами и жалкими ребрышками. И в то же время бойкий, лобастенький, на толстеньких крепких ножках, на упругих цепких копытцах.

Козы старой не видно, но уж наверное где-нибудь из-за камня выглядывает ее настороженный золотой глаз.

Козленок спрятался в тень черной глыбы. Я сижу от него совсем рядом. Очень интересно разглядывать дикого звереныша вот так близко. И больше всего мне хочется протянуть руку и погладить его волнистую шелковистую шерстку.

Они знали!

Днем в пустыне творилось что-то непонятное. Вараны при встрече не прятались, как всегда, в норы, а убегали за барханы. Чаще чем всегда попадались почему-то на глаза змеи. Встречались даже ночные. Песчанки и суслики почему-то очень неохотно ныряли в свои норки. А день был обычный: тихий,

спокойный, как вчера и позавчера.

Но вдруг земля дрогнула, куст саксаула качнулся без ветра, с барханов потекли вниз лавины песка. Мертвая вокруг тишина, а земля под ногами ходуном ходит. Землетрясение!

Страшного ничего не случилось. Земля повздрагивала, поколыхалась и успокоилась. Но все норки и норы, конечно, наглухо забил и засыпал песок. Этого-то и боялись все норники. Они давно ощутили толчки и загодя вылезли из своих нор. Кому охота быть засыпанным, придавленным и погребенным!

Живой ураган

В лиловой дали зажелтело облачко пыли. Потом облачко растеклось вширь и ввысь. Словно в тишине накатывался ураган.

Облако пыли ширится и растет.

В ужасе промчались два зайца. Стелясь по земле и оглядываясь, пробежала лисица. Проскакал дикий испуганный кот. Так вот звери спасаются от пожара.

Выскочили из нор и заметались песчанки. Вылез из норы варан и, виляя всем телом, побежал на бархан. Выползла из трещины эфа. Так часто бывает перед землетрясением.

Слышен далекий гул. А если приложить ухо к земле, то гул совсем уже рядом. Но это не огонь, не вода, не землетрясение. Слышен глухой и упругий топот тысяч копыт. Это мчится стадо сайгаков.

В страхе взлетели птицы. А вокруг зарябили-зарябили, как дробные волны, серые спины. Стадо неслось как ураган, и дымом пожара клубилась над стадом пыль.

Пыль, тяжелый топот, грозное фырканье, резкое хрюканье. Звери выбили копытами жалкую травку; всю землю превратили в толоку. Ревущая живая волна прокатилась мимо и схлынула к горизонту.

И только потом, когда совсем стих вдали топот и осела желтая пыль, мы пошли по следам. И нашли на них затоптанных зайцев, раздавленных змей, ящериц и черепах. И даже самих же сайгаков.

Геккон со свистулькой

До чего хорош этот сцинковый геккон! Большеглазый, упругенький, разрисованный — словно резиновая игрушка. И если его легонько с боков сдавливать — он начнет тихо попискивать. Не простая, значит, резиновая игрушка, а еще и со свистулькой!

События на крыше

15 апреля. На рыжих глинобитных домиках зазеленели… крыши! На плоских крышах, как на весенних полянках, загустела зеленая травка. Замохнатились травкой трубы, ограды-дувалы, глиняные печки посреди дворов. Проросла даже куча старых кирпичей из самана.

20 апреля. На крыше расцвели два красных тюльпана! До того яркие — смотреть больно!

22 апреля. Зажелтели ромашки без лепестков — одни желтые пуговки. Вся крыша зазолотилась.

10 мая. Крыша засеребрилась — загустели на ней пучки седой полыни. Воробьи срывают полынь и суют в свои гнезда под застрехой: горькая полынь, оказывается, выгоняет из гнезд всех птичьих блох.

11 мая. На крышу пустили пастись двух черных курчавых ягнят. Но они больше лежат, греются на солнце и высматривают с высоты свою маму-овцу.

15 мая. Трава на крыше пожелтела — давно нет дождей. Хозяева сушат на крыше сено: сложили две копны, как два купола.

5 июля. Вылетели из-под застрех воробьята. Трава на крыше засохла, истлела, и ее смёл и раздул ветер. Крыша снова рыжая и мертвая, как такыр. Торчат только два стожка сена.

Такыр

Похож такыр на старую торцовую мостовую. И на кафельный пол в ванной комнате, и на сплющенные гигантские соты. На старый растрескавшийся асфальт. И на паркет из глиняных плиток.

Серый он весь, унылый — ни кустика. Плоский, пустой — до горизонта.

Сухой — весь потрескался.

Крепкий — под ногами звенит.

Блестящий — глаза режет.

Злые смерчики по нему завиваются. Да скачут бездомные перекати-поле.

События на такыре

20 марта. Такыр залили вешние воды: целое озеро! Живая вода оживила мертвый такыр. Все вмиг изменилось. На воде плещутся и крячут пролетные утки. На берегах бегают и свистят кулики. Вместо пустынности — оживление, вместо тишины — гвалт.

1 мая. Вода на такыре высохла, такыр превратился в болото густой липкой грязи. Утки улетели, но кое-где бродят еще длинноногие кулики. Им-то, длинноногим, грязь нипочем. А вот заползла на такыр глупая черепаха и увязла, забежала ящерка — влипла, шлепнулся жук — и присох.

Осторожные звери стороной теперь обходят опасный такыр.

5 мая. По краям такыра нарастает сухая корочка заберегов.

Будто кто берега глиняными плиточками мостит. Пролетные кулики-камнешарки дружно подсовывают под плитки длинные свои носы, словно ломики и — раз, два — взяли! — разом плитку переворачивают. А под ней в сырой глине червяки, личинки, пауки и жуки. Не напрасно камнешарки под плитами шарят, суют носы во все щели…

20 мая. Засох такыр, растрескался такыр и зазвенел. Стал опять как поле, закатанное асфальтом. Тут и там темнеют на нем панцири высохших черепах и жуков. А живого не видно и не слышно.

НА ЖЕЛТОЙ ТРОПЕ

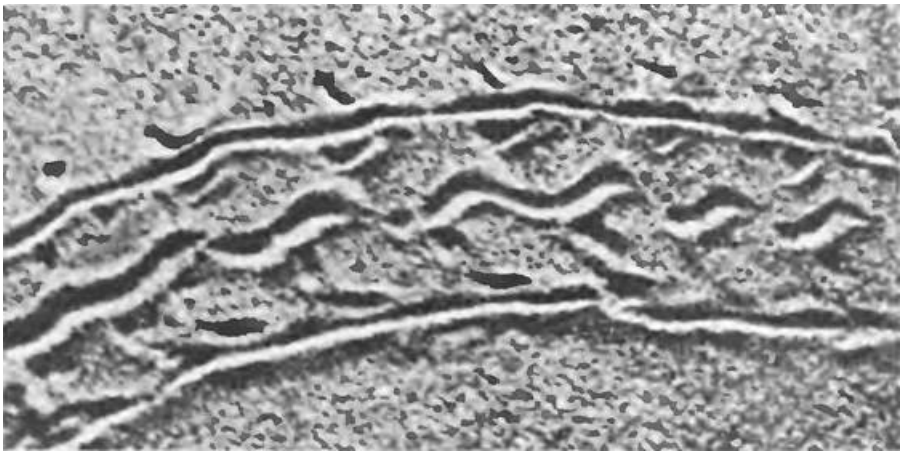
Перепуганный жук

Ну и труслив этот жук-каспика!

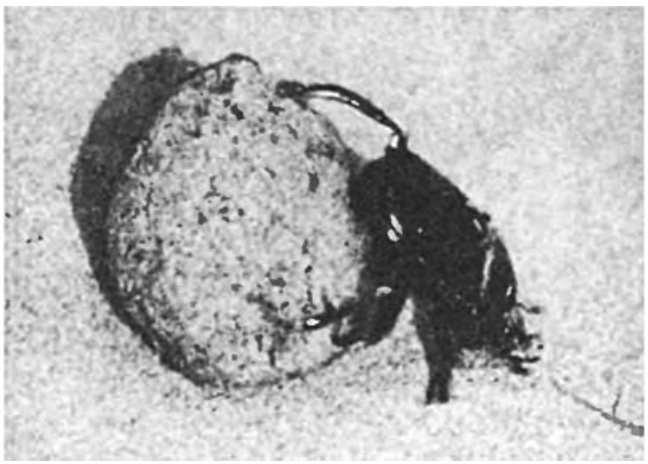
Чуть пальцем тронь — а у него от страха все шесть ног сразу подогнутся. Упадет на песок и лежит словно мертвый.

Когда просто ползет — оставляет вот такой след.

А как услышит шаги — перетрусит сразу, засуетится, побежит, волоча брюшко. Прямо приседает от страха! И след перепуганного жука вот такой.



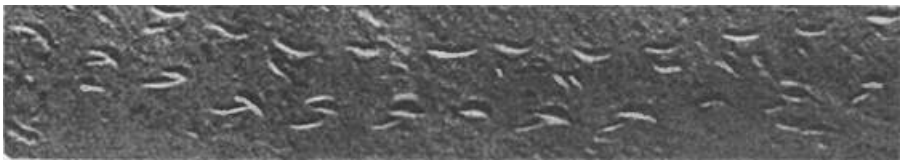
Скарабей катит шар



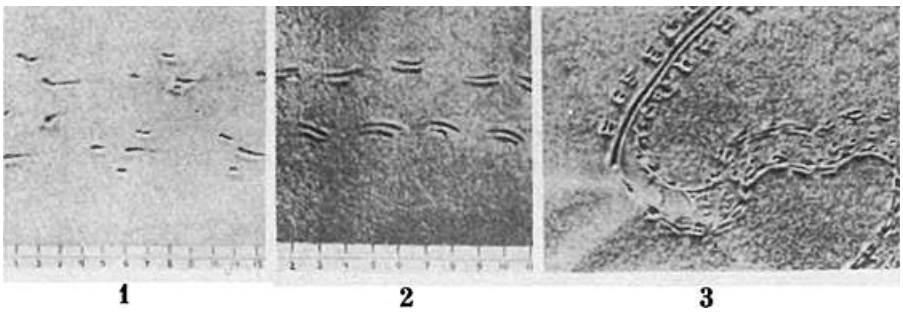
Вот торопится, вот уж старается! Под горку шар придерживает, в горку подталкивает. Суетится, волнуется, падает. И остается на песке или пыли вот такой странный след.

В конце следа — бугорок. Под бугорком норка, а в норе сам скарабей с шаром навоза.

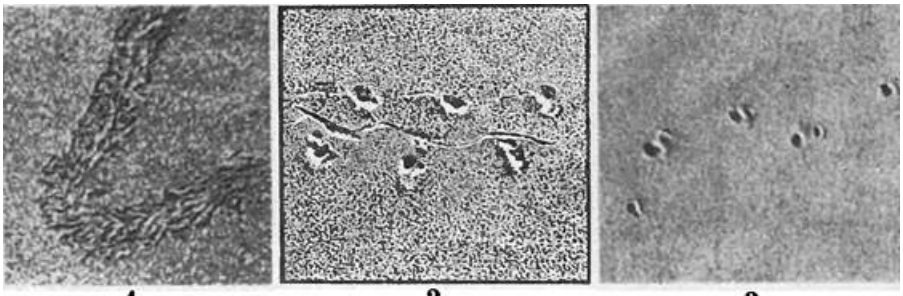
А если скарабей без шара бежал — то остается на песке вот такой след.



Следы разные

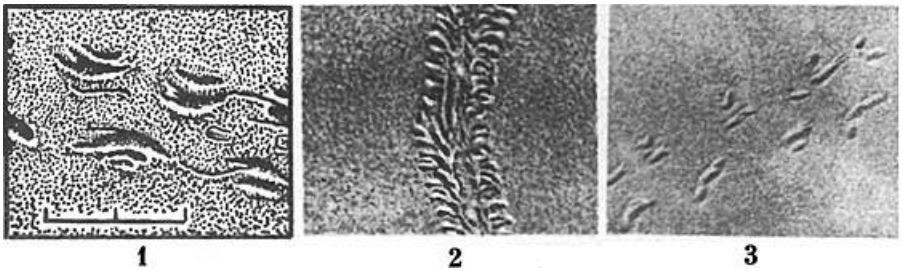


1. След песчаного тарантула. 2. След фаланги. 3. След скорпиона с поднятым и опущенным хвостом.



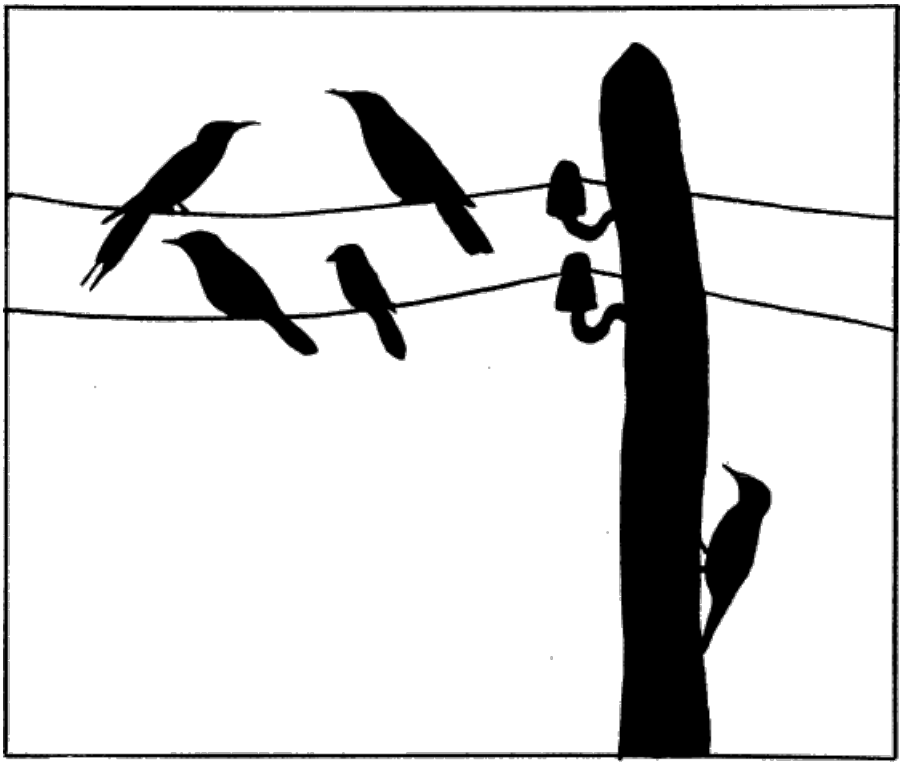
1. След ночной бабочки. 2. След ушастой круглоголовки на тихом 3. и быстром бегу.

Следы жуков



1. След жука-носорога. 2. След майского жука. 3. След жужелицы Маннергейма.

Силуэты на проводах



На проводах сидят щурка, сизоворонка, майна, пустынный сорокопут-жулан, а на столбе — пустынный белокрылый дятел.

С днем рождения!

11 мая. Едва успел к радостному событию: у пустынных вьюрков вылупились птенцы! Папа-вьюрок над гнездом песни распевает. Мама на гнезде — прикрывает малышей телом от солнца. А я под гнездом — сгораю от жары и любопытства.

Вьюрок меня заметил и улетел. Я подумал, что он струсил, а он, вижу, обратно летит. Воду в клюве принес. Самочку напоил и птенцам дал по капельке! Сел на сучок и снова песни запел.

17 мая. Наконец-то и у орлов-змееядов вылупился орленок!

Еще три дня назад он пробил в яйце дырочку, а потом два дня свистел в нее — все никак не мог выкарабкаться. Наконец яйцо

треснуло и первенец из него выбрался: белый, как клок ваты.

Змееядиха в честь такого события выбросила из гнезда всю порыжелую и высохшую подстилку и настелила свежих серебристых листиков лоха. А змееяд приволок угощение — большущую змею.

Но первенец лежал неподвижно, слабо разевал клювик и смотрел на всех мутными голубыми глазами, и к змее не притронулся.

Много пройдет дней, много переловят орлы змей и ящериц, пока из этого беспомощного орленка вырастет настоящий орел-змееяд.

28 мая. На самом видном месте, в старом следе верблюда, лежали два круглых камешка. Никто на них и внимания не обращал: мало ли вокруг в песках разных камешков и следов?

А сегодня из «камешков» вылупились рыжие козодойчики. Теперь в старом верблюжьем следе два словно комочка сухой глины лежат. И опять на них никто внимания не обращает: мало ли вокруг разных следов и всяких комочков!

НЕВИДИМКИ ПЕСКОВ

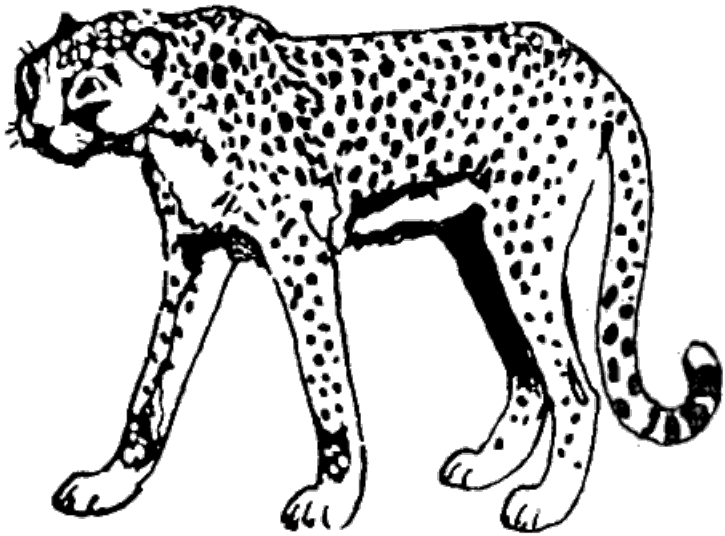
Иногда вдруг покажется, что все вокруг давно узнано, все взвешено и измерено. Все вставлено в книги: кто где живет, кто как живет и чем дышит. Сколько жилок на крыле стрекозы, сколько иголок на спине дикобраза, сколько ворсинок на усах жука. И тебе, выходит, ничего не осталось: открывать нечего и узнавать нечего.

И вдруг — «образ жизни неизвестен»! Написано черным по белому! А это значит, что живет на нашей земле существо, о котором никто ничего толком не знает. Никто и ничего! Животное-невидимка! Вот оно — дело для рук, для ног и для головы.

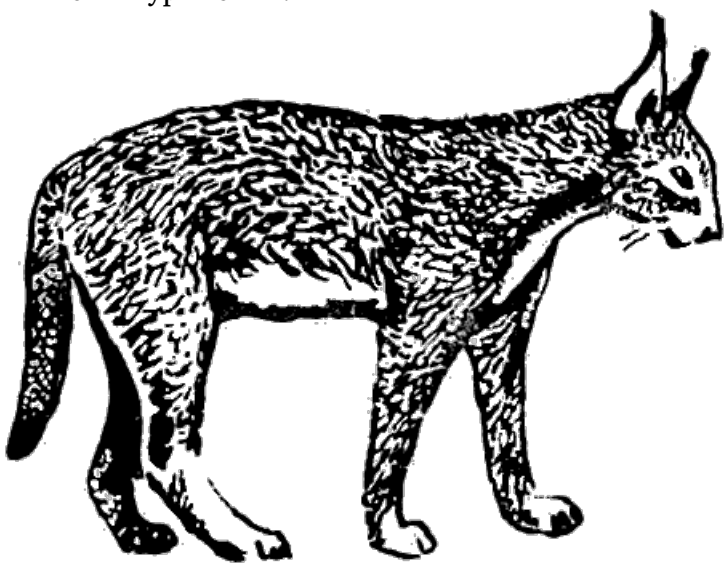
ГЕПАРД. «Везде очень редок, биология изучена слабо». Так пишут о гепарде ученые-натуралисты.

У нас гепард живет только в Туркмении. Он очень похож на леопарда, но ноги у него стройные и высокие. И потому эта кошка бегает быстрее любой собаки. Это самый быстрый зверь на земле: он догоняет даже быстрых как ветер джейранов. В старину

охотники приручали гепардов для охоты на антилоп и газелей. Он легко догонял и ловил зайцев. Гепард такой редкий зверь, что встреча только его следов уже большая удача. А встреча с ним — целое событие.



КАРАКАЛ. Про него пишут: «Редкий зверь, почти не изученный». Каракал — рысь пустыни. Такие же, как у рыси, у него кисточки на ушах, такие же баки на щеках, только нет пятен на теле: весь он однотонно-песочного цвета. Мало кому удалось его видеть. Зверь очень скрытный и осторожный. Логово свое делает в норах. Охотится в пустыне за птицами, зайцами и джейранами. Умеет ловить птиц на лету, подскакивая высоко в воздух. Живет в Туркмении.



БАРХАННЫЙ КОТ. «Сведения по биологии очень скудные».

Барханный кот — житель песков. И логово роет в песке, и охотится в песках, и сам песчаного цвета. Ростом с домашнюю кошку. Встречали его во всех наших пустынях, но везде он очень редок. Если что узнаете о нем — сообщите.

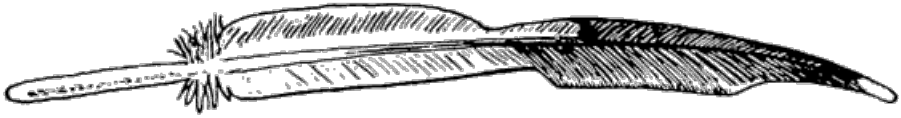
МЕДОЕД. «Зверь очень редкий и почти не изученный». Даже неизвестно, почему его медоедом назвали: какой уж там мед среди песков и камней! Похож он на нашего барсука, толстый и коротконогий. Его и называют еще — лысый барсук. Но, говорят, может на деревья взбираться, что нашему барсуку не под силу. Может, когда-нибудь увидели его в дупле, подумали, что он там улей нашел, да и назвали медоедом? Кто его знает… А достоверных наблюдений над ним почти нет.

ПОЛОСАТАЯ ГИЕНА. «Зверь скрытный, редкий, малоизученный». Гиена — зверь сильный, коварный, но и трусливый. Живет у нас в Закавказье и на юге Туркмении. Любит пустынные предгорья. В последние годы встреча гиены — редкое событие. О жизни ее у нас почти ничего не известно. Одни говорят, что основная еда ее — падаль, другие утверждают, что она ворует в селениях домашних животных и даже уносит детей.

Кто чего может?

МОХНОНОГИЙ ТУШКАНЧИК может подскочить вверх на метр и схватить лапками пролетающего жука.

СТРЕПЕТ может свистеть… крылом! В крыле у него особое «поющее» перышко, которое при взлете громко свистит.



ПУСТЫННЫЙ КОЗОДОЙ умеет пить воду из луж на лету.

ТУШКАНЧИКИ умеют «закупориваться». Утром они залезают в свой дом-норку и закрывают за собой «дверь» — затыкают вход изнутри земляной пробкой.

Темнота от земли и до неба. А впереди огонек — яркий и трепетный. Что это? Ночная звезда или костер пастуха? Освещенная дверца юрты или оконца в палатке геолога? Свеча на степной могиле или глаз филина на столбе?

Черное небо над черной землей. И одинокий огонек посредине, трепетный и манящий.

Путника, завернувшего на огонек, принято встречать в пустыне зеленым чаем, румяными лепешками и диковинными рассказами…

Воришка

«В поселке, где я живу, у меня дом и сарай под одной крышей. Раз слышу ночью: что-то корова за стенкой дергается и топочет. Что, думаю, с ней такое? Корова у меня спокойная, уж не заболела ли?

Взял фонарь, прихожу, смотрю — вроде бы все в порядке. Но вдруг вижу: на задней ноге у коровы шишка какая-то. Поднес

фонарь — тушкан прицепился!

Длинным хвостом за коровью ногу обвился, передними лапками на сосок давит и молоко слизывает! Ну корова, конечно, и дергается.

Схватил я хворостину, да куда там! Как порскнул — будто его и не было!»

Змеиная хитрость

«У змеи голова маленькая, а хитрость в голове большая. Без ног, без крыльев, а даже птиц ловит! Ты только послушай, как она это делает. Я сам видел. Растет у нас на старом арыке большая тута. Это дерево такое толстое. А в нем дупло. Иду я мимо и вижу: мельтешит что-то в дупле. То ли муха вьется, то ли червячок ползет. Я и разобрать не успел, как тут птичка какая-то серенькая порх к дуплу за червячком! А из дупла навстречу ей змеиная башка — гюрза проклятая! — ужалила птичку и бросила. Птичка кувырком с дерева, закричала, забилась, развела крылышками и околела. А гюрза опять в дупло спряталась, язык из дупла высовывает и других птичек приманивает. Вот так за день набьет их сколько ей надо, а ночью выползет — чтоб живые птицы ее не увидели, змеиную хитрость ее не разгадали! — и наестся так, что еле назад в дупло влезет. Ты гюрз видел, знаешь их, они толще моей руки. Это потому, что очень хитрые, едят до отвала».

ЖИВЫЕ ЦЕПОЧКИ

Костер

Сидим у костра и от усталости клюем носом. А из темноты на огонь костра ползут жуки, летят бабочки, мухи. Сами летят и других за собой тянут. Приползла фаланга — мохнатая, взъерошенная! — мух хватать. Прилетела летучая мышь — это за бабочками. Подбежала ночная птица авдотка — за жуками. Метнулся над костром сыч; ему все гоже: и жук, и бабочка, и летучая мышь. И только подземный зверек слепушонка

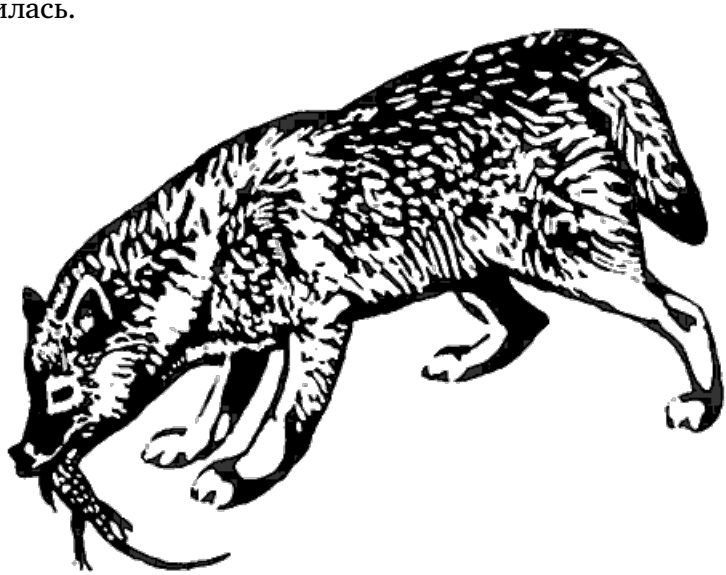
неизвестно зачем приковылял. Но тоже, наверное, не просто так.

Мы у костра носом клюем, и птицы вокруг костра нашего носами клюют — только по-настоящему.

Дорога

Пустынна днем степная дорога. Солнце так накаляет асфальт, что асфальт начинает течь. И тогда все живое сторонится раскаленной дороги. Но ночью, когда прохладно, на теплую дорогу слетаются ночные насекомые, сползают ночные змеи и ящерицы — погреться. А за ними спешат ежи, тушканчики, козодой — закусить.

Ночью проносятся по дорогам машины, и их бешеные колеса давят и любителей тепла, и любителей легкой закуски. Но чуть свет появляются у остывших дорог быстроногие и быстрокрылые уборщики: лисы, шакалы, орлы, коршуны, стервятники. Они торопятся убрать мертвых и покалеченных, пока дорога снова не накалилась.



Охота

Охота на змей

Интереснее всего змей ловить весной, когда они выползают из зимних нор и подолгу лежат на солнце. Весной можно наткнуться на целое змеиное лежбище: ведь к месту зимовки змеи сползлись осенью со всех сторон.

На лов надо выходить утром. Змеи любят нежиться в лучах утреннего солнца, по утрам они принимают солнечные ванны.

Бесполезно выходить на лов в непогоду: в дождь, холод и ветер змеи прячутся в норы.

Итак, весна, утро, на безоблачном небе солнце. Ловец змей идет на охоту. В руках у него рогулька, за спиной рюкзак, за голенищем сапога длинный пинцет. Ловец внимательно смотрит под ноги. Вот на песке тонкий извилистый след — будто протащили веревку. По гребешкам сдвинутого песка на извивах следа он определяет, в какую сторону проползла змея, по рисунку извивов — какая это змея.

Извивы крутые, след от тела широкий — конечно же, это удавчик. Тут стоит поторопиться, может, удавчик не успел еще закопаться в песок? Так и есть: вот он в конце следа! Толстый, ленивый, слегка обомлевший от утренней свежести.

Разговор с ним короткий: рукой за шею — под пальцами сразу же вздуваются упругие мускулы, и гибкое тело резиновым жгутом опоясывает руку! — и в мешочек.

Еще след змеи: извивы стремительней, вольней, легче. Тут пронеслась змея-стрелка. Ее тоже можно по следу вытропить, но поймать ее трудно: стрелка стремительна и увертлива. Да и высмотреть ее в серых кустиках не легко. Зато уж если увидел — смело хватай хоть за голову, хоть за хвост: стрелка никогда не кусает. А если вдруг и укусит, то беды от этого никакой. Тонкая гибкая стрелка оплетает руку словно шпагатом — еле ее в мешок затолкнешь.

У норки под кустом саксаула какой-то пестрый комочек. Дремлет на солнце небольшая красивая змейка. Не нужно ее ни выслеживать, ни гоняться: нагнись и бери. Но голой рукой ее не возьмешь! Это знаменитая эфа. От ее укуса гибнут даже верблюды. Ловцы змей называют ее «крестовкой» — за белый крест на голове. А жители пустыни зовут «змея, ходящая боком». Это единственная наша змея, которая ползает не головой вперед, а… боком!

Эфа знает силу своего яда и ни на что не обращает внимания. Быстрый тычок рогулькой, и змея прижата к земле. Свободная рука выхватывает пинцет из-за голенища, пинцетом змею за шею — и в мешок.

Каждое ясное утро выходит ловец змей на лов. И каждое новое утро не бывает похоже на прошлое: встречи всегда новые, приключения неожиданны. Вчера под камнем нашел странных змеек длиной с карандаш — это подземные слепозмейки. Сегодня у тростников поймал большеглазого полоза — змеищу в три с половиной метра! А завтра, может, придется сразиться с гюрзой — самой большой и самой свирепой ядовитой змеей.

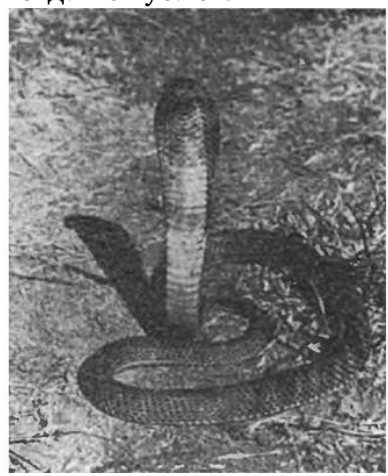
Охота на змей опасна и увлекательна. Змеи нужны зоопаркам и лабораториям. А из змеиного яда готовят много нужных лекарств. Один грамм змеиного яда в десятки раз дороже грамма золота.

Опасно для жизни

Будь осторожен: пустыня наказывает неосторожных и невнимательных.

КОБРА. Кобру нашей пустыни называют «слепой коброй», потому что у нее нет на капюшоне, как у ее знаменитой родственницы из Индии, рисунка очков. Но все остальное у нее есть: и острые зубы, и страшный яд. Яд ее в темноте слегка светится. В злости и ярости, когда

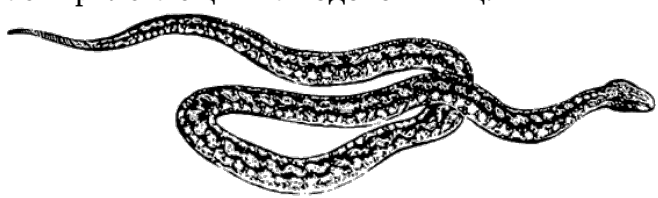
кобра шипит и фыркает, яд этот может выбрызгиваться сквозь губы вместе со струйками воздуха. И беда, если он попадет в глаз или на поврежденную кожу… Встречаясь, кобры дерутся — бьют носом противника по голове. Но никогда не кусают.



За один укус кобра может впрыснуть до пяти смертельных доз. Один грамм сухого яда может убить 66 человек, 62 лошади, 100 собак, 100 кроликов, 2500 голубей, 4166 морских свинок, 9533 крысы, 332 200 мышей!

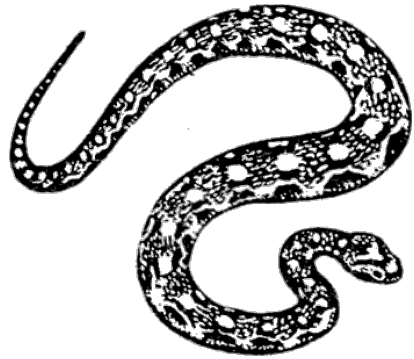
После долгой голодовки кобра становится ядовитей в три раза, а после линьки — в десять. Молодые кобрята ядовиты уже на второй день после рождения.

ГЮРЗА. Гюрза — толстая большая змея с головой, похожей на жабу. Она ядовита, как кобра. Ползает она ночью и часто заползает в дома и сараи. Днем неподвижна, ленива, и ее очень трудно заметить в камнях или в траве. От укуса гюрзы часто гибнут лошади, быки и верблюды. Летом прячется у родников и хватает прилетающих на водопой птиц.



ЭФА. Красавица эфа похожа на ленточку, отрезанную от пестрого ковра. А на голове у нее белый силуэт летящего сокола. Глаза золотые и лаковый красный язык. Она, как и гюрза, ползает ночью. За один

укус эфа впрыскивает две смертельные дозы. Голубь от укуса гибнет через минуту, курица за полторы, а собака через четыре часа. Эфа так злобна, что, бывает, кусает даже свою же тень!



ЩИТОМОРДНИК. Щитомордник — родственник страшных гремучих змей. У него нет на конце хвоста-погремушки, но, когда он рассержен, хвост его злобно дрожит: будь на нем погремушки, как у гремучей змеи, они бы громко гремели. Встречаются иногда щитомордники красного цвета.

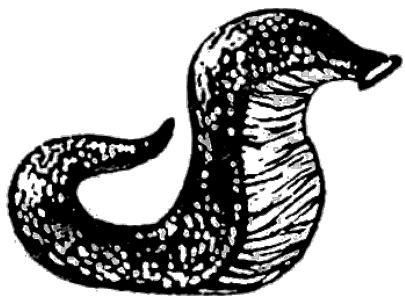
От укуса щитомордника гибнут овцы, лошади и коровы. А бывает, и не только они.

ПАУК КАРАКУРТ. Каракурт — это значит «черный паук». Он живет в земляных норках. Яд каракурта в пятнадцать раз сильнее яда гремучей змеи. Счастье, что при укусе он впрыскивает его очень мало. И все же однажды из 173 укушенных верблюдов погибло 87, из 218 лошадей — 36, из 11 коров — погибло 4.

Паучиха втрое крупнее паука и в 160 раз ядовитее его. Интересно, что огромный верблюд и крошечный кузнечик погибают после укуса почти что за одно время.

Будь осторожен в местах, где норки грызунов заплетены паутиной. Не ночуй в таких местах без надежного полога. А если все же не уберегся — прижги укус спичкой. Только сразу, не мешкая и не труся. Вспышка спички обезвредит яд в ранке.

ПИЯВКА. Не пей сырую воду! В некоторых водоемах живут особые пиявки, которые сплываются «на волну». Они могут незаметно проскочить в горло и там присосаться. Человек может от этого задохнуться. Особенно страдают от этих пиявок лошади, коровы и овцы.



Змея и скорпион

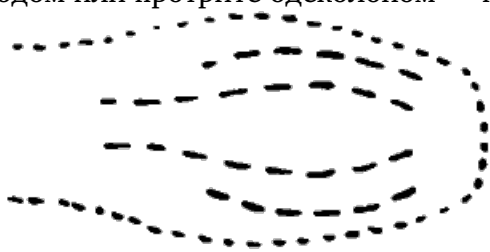
Говорят: «Змея ужалила», «скорпион укусил». А на самом-то деле наоборот: кусает змея, а скорпион жалит. У скорпиона на конце гибкого членистого хвоста ядовитый шип — жало. Он задирает хвост к голове — будто курок взводит! — и только тронь — спускает ядовитый курок, и вонзит шип-жало в руку. Впрыснет яд в кожу — ужалит.

А змея кусает зубами. Широко разевает пасть, выбрасывает вперед голову, выставляя ядовитые зубы, и колет ими, как копьями. Зубы вонзаются в тело, скуловые мышцы давят на мешочки с ядом. И яд по тоненькому канальчику в зубе впрыскивается в рану. А чтобы впрыскивался без помех — змея дергает головку назад, чтобы между зубами и телом получился зазор…

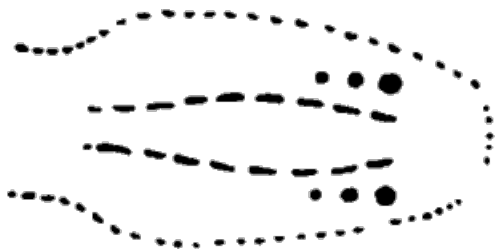
Следы змеиных зубов

На месте змеиного укуса остаются следы. Ловцу змей очень важно в этих следах разобраться. Ведь по ним сразу можно узнать, даже не видя змеи, ядовита она или нет?

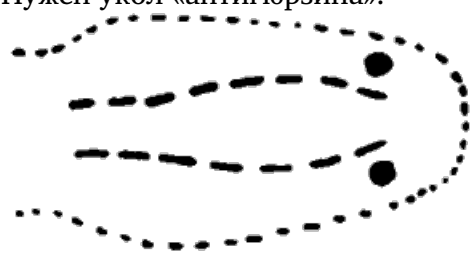
Ночью тебя укусила змея, что тебе делать? Если в месте укуса острая невыносимая боль — тут раздумывать нечего: укусила ядовитая тварь. Надо делать укол «антигюрзина». Но если и нет резкой боли — это еще не значит, что все обошлось: самая ядовитая наша змея — кобра — кусает почти безболезненно. Нужно сразу осмотреть место укуса. Если окажется, что следы от зубов похожи на ровную красную татуировку из двух скобок — то все хорошо. Это укус безвредной змеи — ужа или полоза. Смажьте укус йодом или протрите одеколоном — и вся недолга́.



А если укус в виде двух скобок и двух-трех проколов впереди их — беда! Это укус кобры. Тут уж йод не поможет, нужен укол «антикобрина».

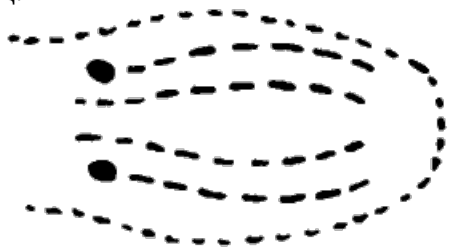


Страшен и такой след укуса — две скобочки и две точки впереди, как от клыков. Это укус гюрзы, гадюки или щитомордника. Нужен укол «антигюрзина».



Не путайте след от укуса гюрзы со следами укуса не опасной для человека кошачьей змеи. Тоже две скобки и тоже два прокола, но не впереди, а позади! Если бы могла укусить человека стрела-змея, — она тоже оставила бы такой же след. И у нее ядовитые зубы находятся у самой глотки. И ядовиты они только для

кобылок и ящериц.



Будь осторожен!

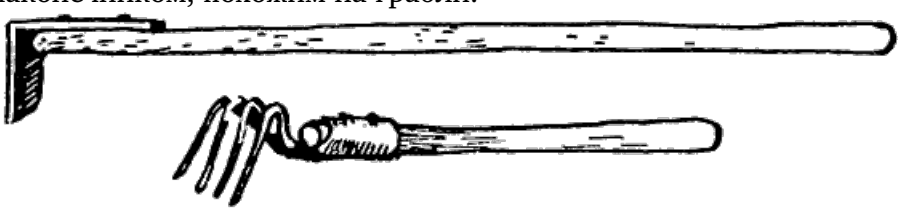
Змеи очень любят кусать неловких, трусливых, неосторожных.

Укусить может даже отрубленная змеиная голова. Известны случаи, когда вдруг оживали «заспиртованные» змеи. Или сам ловец, взяв убитую змею за голову, оцарапывал пальцы о зубы, проткнувшие ее нижнюю челюсть.

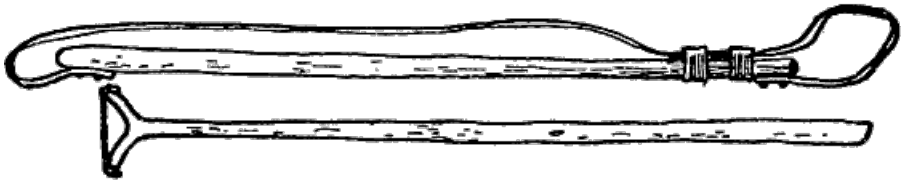
Будь осторожен!

Оружие змеелова

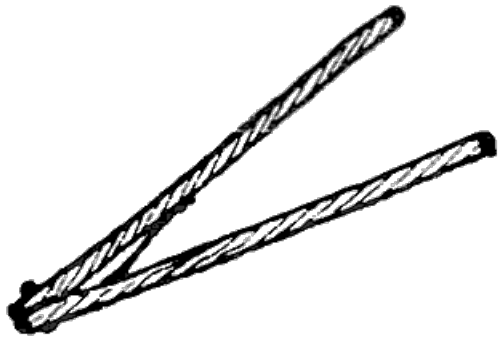
У ловца змей, как и у каждого охотника, свое особое оружие. Для переворачивания камней, дернины, комьев земли и валежин есть у него палка с железным наконечником, похожая на кочергу. Некоторые ловцы «кочерге» предпочитают «грабельки» — палку с наконечником, похожим на грабли.



Для ловли медлительных змей пользуются палкой с кожаной петлей на конце. Петлю надевают змее на шею и затягивают. При ловле быстрых и изворотливых змей, удобнее действовать палкой-рогулькой. На конец рогульки укрепляют резину: так надежнее можно змею прижать и не повредить.

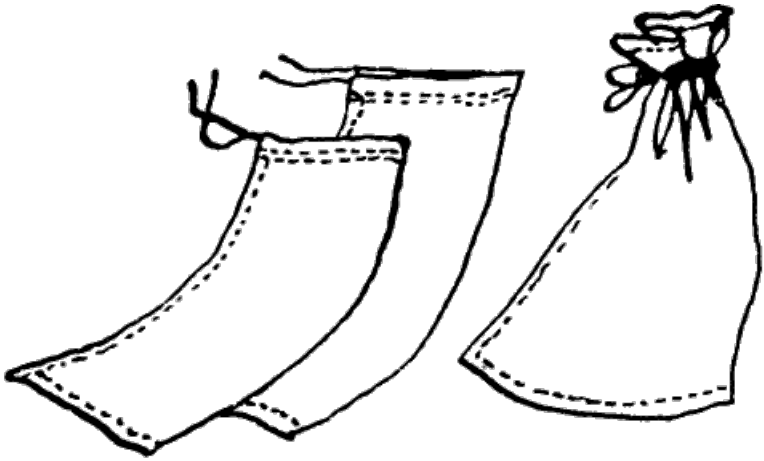


Но мало змею просто придавить, нужно еще ее в мешок посадить. Для этого нужен длинный пинцет. Чтобы он всегда был под рукой, носят его за голенищем.



Многие прижатую змею берут просто рукой. Берут, конечно, за шею сразу позади головы, чтобы змея не могла вывернуться и укусить.

Все ловцы носят в рюкзаке запас холщовых мешочков с двойными швами. В эти мешочки сажают пойманных змей. Мешочек затягивается веревкой подобно кисету и надежно завязывается.



Страшные случаи на змеиной охоте

(Рассказы ловцов змей)

В апреле выехали мы на лов степных гадюк. Гадюки только что стали выползать из зимних укрытий. Днем они отогревались на солнце, а на ночь снова прятались в норы: ночи были еще очень холодные. Такие холодные, что мы даже в спальных мешках никак не могли согреться и до утра, свернувшись калачиком, стучали зубами. Утром вставали невыспавшиеся, разбитые, не отдохнувшие. И я скоро до того вымотался, что стал дремать на ходу.

Тогда я решил сделать себе день отдыха и забрался в спальный мешок сразу после обеда. Решил досыта отоспаться и отогреться.

Пригретый вечерним солнышком, я мгновенно уснул. Проснулся уже утром. И тут почувствовал, что рядом со мной в мешке кто-то шевелится! Я сразу понял, кто это. Я даже догадался, как змея очутилась в мешке. Вечером, когда стало прохладно, она случайно наткнулась на мой теплый мешок и заползла в него, желая только согреться. Еще хорошо, что ночью я спал как убитый и не придавил гадину: укуса бы тогда не миновать.

Но, пожалуй, и сейчас его не минуешь: змея отогрелась, возбуждена, а мешок узкий и вылезать из него неудобно.

До чего же плохо быть в одном мешке со змеей! Так и хочется

рывком из мешка выскочить, но этого-то как раз и нельзя делать. Как бы ты быстро ни дернулся, а испуганная змея ударит еще быстрей.

Я стал выползать из мешка медленно, чуть дыша. Полз как ящерица из норы. Как только змея начинала шипеть — я замирал. Змея успокаивалась, и я снова начинал ерзать.

Выбрался я удачно. Сразу же вскочил на ноги, вытряхнул гадину из мешка — это и в самом деле оказалась гадюка! — и сунул ее в ловчий мешочек, в холщовый.

Укус гадюки не смертельный, но очень болезненный. Я же отделался только испугом. Но уж страху я натерпелся досыта, можете мне поверить. А ведь сам во всем виноват: такие случаи ловец должен предвидеть.

Самая наша большая змея — большеглазый полоз. Он не только велик, но и красив: черный с золотым брюхом и с большими круглыми глазами птицы. Я давно мечтал поймать такого красавца.

Натолкнулся я на него совсем неожиданно на берегу речки Мургаб. Я первым его увидел: черная змея около двух метров длиной ползла мне навстречу. Глаз круглый птичий, круглый зрачок — это верный признак неядовитой змеи.

Полоз охотился — то и дело приподнимал голову, осматривался, высовывал язык. Я знал, что, если стоять неподвижно, змея тебя не заметит. Змея хорошо слышит шаги и сразу же замечает движение. А если не топать и не двигаться — она и внимания не обратит.

Я замер. Полоз подползал все ближе и ближе. Когда он поравнялся с моей ногой, я быстро нагнулся и схватил его за шею. Полоз неядовит, но мне совсем не хотелось, чтобы он вцепился мне в руку своими неядовитыми, но острыми, как у кошки, зубами.

Это меня и спасло. Как только я поднял змею вверх, я сразу понял, что в руках у меня не безвредный полоз, а смертельно ядовитая кобра! Я, стиснув пальцами змеиную шею, быстро сунул змею в мешок. Туго мешок затянул и бросил его на землю. Меня бил озноб, а рубаха стала мокрой и липла к плечам. Я безвольно опустился на камень. У ног моих бился и шипел мешок с коброй.

Виною всего была моя невнимательность. Как мог я забыть, что встречаются кобры, очень похожие на черного большеглазого полоза? Как мог я упустить из виду, что именно у кобры — единственной нашей ядовитой змеи! — круглый птичий глаз с округлым зрачком?

Ошибка могла бы стоить мне жизни. Но все обошлось. А

полоза большеглазого мне до сих пор так и не привелось встретить. Но я все надеюсь. И уже теперь-то ни с кем его не спутаю!

При ловле змей много встречается любопытного, и я всегда наблюдения такие записываю. Однажды видел, например, как две сороки напали на полоза. Полоз был крупный, но спасался от них «со всех ног». Сороки подлетывали за ним, долбили в спину, щипали за хвост. Наконец полоз спрятался в камни. Сороки, отчаянно стрекоча, заглядывали вниз, задирая свои хвосты вверх.

Я тут же сбросил рюкзак, сел на первый попавшийся камень и стал записывать виденное: я и не знал, что сороки нападают на змей!

Скоро сорокам надоело трещать, и они улетели. Я захлопнул блокнот, а карандаш положил на плоский камень у своих ног.

Дул ветерок, сидеть было удобно и не жарко, и никак не хотелось вставать. Но отдых отдыхом, а дело не ждет. Я сунул блокнот в карман, протянул руку за карандашом — и вздрогнул! Карандаш мой лежал не на камне, а на свернувшейся в кольца гюрзе! Жабья ее голова тупо уставилась на мою ногу. Тусклое толстое тело в мутных размытых пятнах точно под цвет земли, щебня и камня, покрытого лишаями.

Гюрза — змея не ищущая, а поджидающая. Она терпеливо ждет, когда зверек или птица сами на нее наткнутся. Поэтому ей очень важно быть незаметной. Можно рядом пройти — она и не пошевелится, и не зашипит. Вы ей не нужны: она ждет жаворонка или песчанку. Но, конечно, если вы начнете ей руки в нос совать — лопнет и ее каменное терпение. И тогда — если вам повезет! — вы поплатитесь двумя месяцами больницы. Ну, а если не повезет…

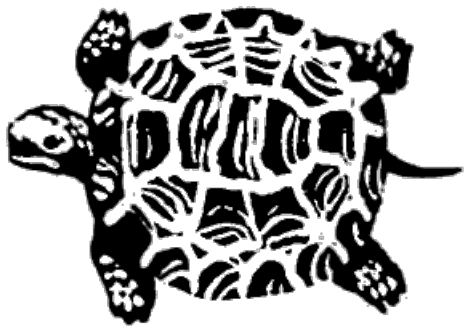
Я не стал испытывать гюрзиного терпения. Медленно отодвинул подальше ноги, встал на них — хоть они и подкашивались! — и отпрянул в сторону. Перевел дух, наладил свою рогульку и сперва поймал эту самую гюрзу, а потом и полоза отыскал в камнях. Нашел свой карандаш и, сидя на том же камне, записал новое приключение. Вот этим самым «гюрзиным» карандашом!

Про черепах

Черепах в степи собирают так: медленно катится грузовая

машина, а вправо и влево от нее — две цепи сборщиков. Идут и смотрят вперед и под ноги. Черепах среди редкой и низкой полынки далеко видно. Блестят на солнце как булыжники. Или как шляпки диковинных степных грибов. Выходят сборщики черепах, как у нас выходят по грибы.

Но грибы ценятся маленькие, молодые, а черепахи большие и старые. Молоденьких не берут — пусть себе подрастают. А больших поднимают и, словно камни, бросают в кузов. Набросают доверху и везут на приемный пункт. А потом из черепах делают вкусные консервы для людей или кормят зверей на зверофермах.



Золотые слова

У лисы главная увертка — на глаза не лезть!

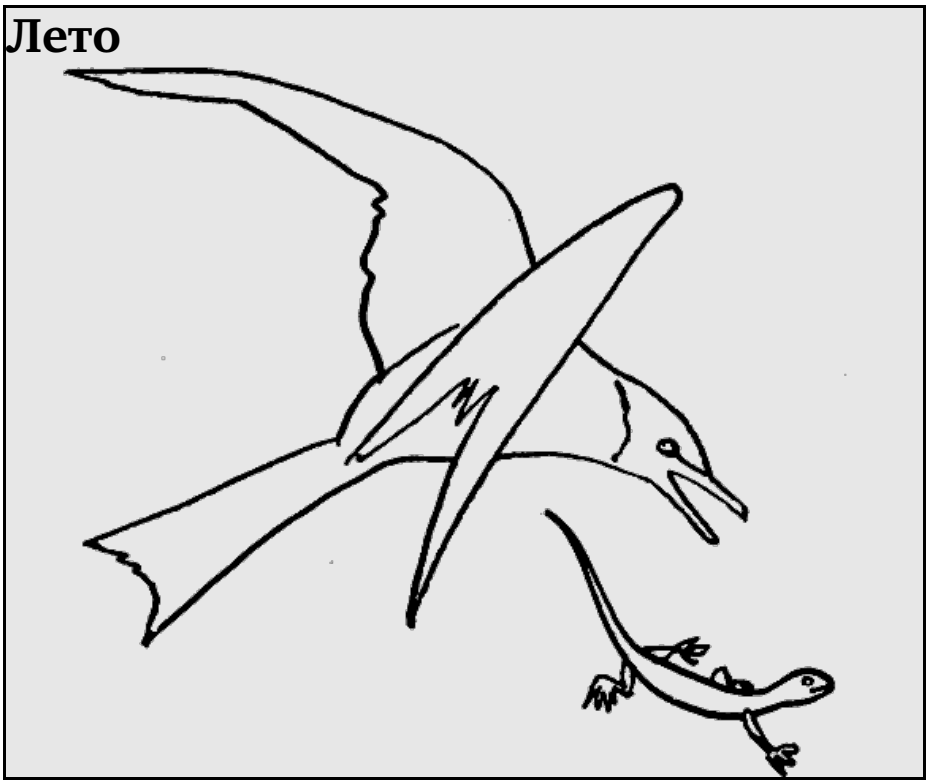
У кого зубы слабые — ищет еду помягче.

Ворон тысячу раз крикнет, а весны все нет; гусь раз крикнет — весна тут как тут!

Лежащее на земле яйцо станет летящей в небе птицей.

Жаба на песке, но глаза ее в луже.

Лето



Когда начинается лето?

У нас в июне, когда зацветает сирень. А в пустыне сирень зацветает… в апреле. А в июне там все желтеет и вянет — словно осенью в наших полях. Поэтому начнем лето просто по календарю.

Лето в пустыне время суровое и тяжелое. Почти как у нас зима. Только зимой у нас мучит холод, а тут летом гнетет жара. Днем пусто, безжизненно и уныло. И только ночью, когда чуть посвежеет, из трещин и нор выползают, выходят и выбегают змеи, ящерицы и зверьки. Но проходит приятная ночь, и снова начинается страшный день.

Над головой добела раскаленное солнце. Под ногами вязкий, сыпучий песок. Жгучий ветер пышет огнем.

День за днем

1 июня. Ящерица ушастая круглоголовка снесла в

песок яйца.

2 июня. Исчезли на барханах черепахи — зарылись в песок до осени.

3 июня. Не видно желтых сусликов — залегли в летнюю спячку. Трава-то высохла, есть им нечего.

4 июня. У кандыма начинается веткопад — так кандым экономит воду.

5 июня. Щенки гиены впервые высунули носы из пещеры. Трусят: ко всему принюхиваются и присматриваются. Хоть и большие уже, а все еще молоко сосут.

6 июня. Сцинковый геккон отложил яички.

7 июня. Встречены молоденькие песчаные круглоголовки — только что вылупились из яиц.

8 июня. Появились молоденькие сетчатые ящурки.

9 июня. В гнезде тугайского соловья вылупились птенцы.

10 июня. Над барханами, как над желтыми волнами, кружила… белая чайка! Уж не мираж ли это? Как попала жительница воды в безводные пески? Оказалось, чайка залетела в глубь пустыни по оросительному каналу. И ловит она в песчаных волнах не рыб, конечно, а… ящериц!

11 июня. На соленых озерах у фламинго вылупились птенцы.

13 июня. Рысь-каракал стала выходить на охоту с рысятами.

14 июня. Дневные змеи кобры и полозы стали охотиться по ночам — днем очень жарко.

15 июня. Воронята пустынного ворона вылетели из гнезда. Перелетают с саксаула на акацию, с акации на кандым — набирают силы в крылья.

17 июня. Варан снес дюжину яиц и закопал их в песок…

20 июня. Встречены первые молодые агамки — вылупились из яиц.

21 июня. Молодые тонкопалые суслики вылезли из норы.

29 июня. Птенцы тугайского соловья выпорхнули из гнезда.

„ДЛИННОЕ УХО“

Варан собирает дань

След варана тянется через барханы от одной деревни песчанок к другой. Песчаный крокодил, словно рыцарь, закованный в латы, собирает с песчанок-подданных дань. Появление его в «деревне» вызывает страшный переполох. Песчанки выскакивают из одних нор и шарахаются в другие. Топотня, возня: тревога, тревога! Пыль взлетает, как от маленьких взрывов. А где-то под землей уже хозяйничает варан, продираясь сквозь лабиринты узких ходов, наводя ужас и панику. Достается от него и хозяевам, и жильцам. Песчанка замешкалась — очень хорошо, удавчик в норе заспался — тоже не плохо! Фаланга, скорпион, песчаный таракан — вполне съедобно. Агама, геккон — лучшего и не надо!

Но сегодня варану не повезло. Все тупики облазил, а нашел только компанию бабочек, спрятавшихся от жары.

Бабочки так бабочки, хотя, конечно, пища это не серьезная, легковесная, да и в горле от нее что-то першит…

Высунул голову из норы, облизался и не спеша, вразвалку дальше поковылял. Потянулся вараний след через барханы к новой «деревне» — за новой данью.

Равнина цикад

Вся раскаленная солнцем равнина стрекочет трескучими

голосами цикад. Стрекочет земля, стрекочут колючие кустики, даже воздух стрекочет. Цикады с треском взлетают, с треском парят в воздухе, с треском гоняются друг за другом и с треском падают на щебенку. Прямо какие-то летающие пулеметики! Жара от их сухого дробного треска кажется еще невыносимей. Как будто бы все живое — стебельки, травинки, колючки — все на корню засыхает, лопается и растрескивается.

Я ловлю цикаду на лету — она трещит и в кулаке, сажаю в коробок — трещит в коробке! Стеклянные выпученные глаза, слюдяные в прожилках крылья, вся сухая, скрипучая, — как катышек целлофана.

Равнина трещит и стрекочет — от горизонта до горизонта. И чем злей раскаляется солнце, тем веселей, безудержней, исступленней стрекочут цикады. Гимн солнцу, слава жаре!

Шум в норе

В земляной норке, у самой моей ноги, что-то вдруг загудело, зашелестело, залопотало! В глубине, как в трубе, кто-то жужжит и приближается к выходу. Ближе, ближе, и вот выскакивает из норы ночная толстая бабочка! Мчится со всех ног, трепеща, как вертолет, серыми крыльями. А за ней бросками гонится пестрый геккон. Оба — ночные, — выскочили из темноты на яркий свет. Бабочка не растерялась, смело вбежала на мой ботинок, а геккон струсил и вильнул назад в норку.

Только на миг увидал я кусочек их скрытой подземной жизни.

Жавороночья степь

Степь плоская, неоглядная. Ветер накатывается волнами, взблескивает на буграх пеной шелковистого ковыля. А под ногами седые колючки, над головой белое небо. И со всех сторон песни жаворонков. Они свежи и нежны, они оживляют пустыню, как журчание струй.

Машина летит и летит по пустынной дороге, ветер ревет и завывает в колесах. Юрты темнеют на горизонте старыми стогами сена. Белые смерчики завиваются по дорогам и бегут наперегонки. Вприскочку несутся перекати-поле. А жаворонки — большие и маленькие — взлетают, бегают, порхаются, виснут над головой. И поют, поют и поют…

Цветное пятнышко

Жалкий седой саксаульничек среди блеклой пустыни показался над ярким оазисом. Глаза обрадовались цветному пятнышку среди унылой безбрежности.

Серые кустики — как вихри пыли, но между ними там и тут яркие розовые клумбочки каких-то колючих цветов. Тут и там большие багрово-бурые ферулы с «зонтиками» зрелых семян.

Белые в лиловую крапинку сухие бессмертники. Приземистые кустики кандымов, увешанные желтыми и красными шариками, как бы скатанными из пенопласта. Какая-то травка сухая, вся в крошечных слюдяных зеркальцах, блестящих от солнца.

Жук зеленый в белую крапинку висит словно огромная, но недозрелая земляничина. Агама пятнистая с синим горлом выползла на сухой сучок. Глядит не насмотрится на желтое, розовое, бурое и зеленое.

Вкусная паутина

Изголодалась за ночь черная ворона, а утром ей охота не удалась. Ни гнезда чужого не высмотрела, ни мышь не выследила, ни падали не нашла. Ходит вразвалку, сердитая и голодная.

Ну жучишку по пути склюнула, ну муху поймала, комара проглотила — разве это еда? Даже червячка не заморила. Если за каждым комаром гоняться и прыгать — не долго и околеть от переутомления.

И вдруг видит ворона — блестит! Посмотрела одним глазом — так и сияет, посмотрела вторым — переливается! Подскакнула, а это паук паутину сплел, а в паутине той полным-полно разной вкуснятины! Натолклись в нее комары, мухи, кобылки, стрекозки, кузнечики — прямо авоська с продуктами. Разинула ворона клювище от удивления — да все и проглотила! И паутину, и паука, и всю добычу его.

Вот это другое дело! Сразу веселей стало. Завертела ворона головой во все стороны, не блеснет ли где еще вкусная паутинка?

Хитрый удод

Для того у удода и нос длинный, чтобы его во все щели совать. Нос не сунешь — с носом и останешься! В щелях-то и жуки, и пауки, и личинки прячутся.

Зато и достается бедному носу: то ударит его, то защемит, то набок свернет. Земля жесткая, камни крепкие, щели узкие. До того за день удод нос наломает — глаза б не глядели на щели и

трещины.

А глаза глядят — на то они и глаза! Вот опять норка у камня. И паутинка у входа блестит. Значит, паук в глубине засел. А пауки очень вкусные. Ничего не поделаешь, надо нос в щель совать.

Ткнул удод для начала носом в мягкую паутину — а паук как выскочит! Вот он — и доставать из щели не нужно. Подумал паук, наверное, что это кузнечик запутался в его паутине, сеть его стал трясти. Выскочил паук закусить, да сам на закуску попал! Защемил его удод клювом, словно пинцетиком.

С тех пор удод приспособился. Увидит паутинку у норки — нос напрасно в щель не сует. Подергает за паутинку слегка, выманит глупого паука — и проглотит. Ни тебе забот, ни труда. И нос цел-невредим. Даже и не зачешется.

Бегунок

Бегунки бегом живут, всю жизнь на бегу. Ищут насекомышей — бегут, спасаются от недругов — бегут. На бегу играют друг с другом, на бегу собирают былинки для гнезд. Вот только еще яички на бегу высиживать не научились. Но, может, еще и научатся. И так уже почти одно солнышко за них яички высиживает. Солнце яички прилежно греет, а бегунки беззаботно бегают!

Авдотка

Когда авдотка стоит — ее издалека видно. А ляжет — и вмиг с глаз долой. Будто рассыплется птица на сухие стебельки и песчинки, да еще останутся от нее на песке два ясных камешка — два сияющих янтаря. Камешки — это ее глаза. Круглые, золотые, блестящие. За такие глаза называют авдотку — «глазуном». А за то, что весь день лежнем лежит — «лежень».

Зато по ночам авдотка на ногах и на крыльях. Тут и там слышится ее голос — громкий, таинственный: «При-дии! При-диии…» Давно бы и за голос авдотке прозвище дали, да только мало кто знает, что это авдотка ночью кричит.

Птичий базар

Скалы и камни, как лепестками, усыпаны розовыми птицами.

Тысячи розовых скворцов — целое поселение. Гвалт, щебет, песни и вскрики. Взлеты, посадка, гоньба, лопот крыльев — настоящий птичий базар! И на него, как на настоящий базар, со всех сторон собираются «покупатели». Соколы молча кидаются сверху и уносят в когтях свою «покупку». Медлительные коршуны летят как-то боком и хватают всех, кто плохо лежит: больных, слабых, подбитых. Ворон сует носище во все щели — «покупает» скворчиные яйца дюжинами. Хорь-перевязка бегает на птичий базар, как в свой личный курятник. Лисица по соседству вырыла нору-дом: чтоб за провизией было не далеко ходить…

Шумит, галдит, толчется базар. «Покупатели» наседают со всех сторон, а «продавцы» прячутся кто куда!

Бабочки под землей

Даже бабочки, эти живые солнечные зайчики, испугались солнца. И стали прятаться от жары… в землю! Покружив у входа, они залетают в старые норки и садятся в глубине на прохладные стенки. Много брошеных норок в пустыне, прохладных уголков на

всех бабочек хватит.

Поющий бархан

Молча вглядываемся в горизонт. Солнце печет, как сквозь увеличительное стекло. Пот разъедает глаза, как мыло! И мелкие мушки пустыни, колючие и сухие, словно песок, вечно изнывающие от жажды, липнут на лицо и жадно пьют пот и слезы. И мы щурим и щурим глаза: слишком много яркого неба вокруг!

На самом краешке горизонта две плоских лиловых горы — как две спящие черепахи. Между лиловых черепах что-то желтеет. Это таинственный поющий бархан, похожий издали на египетскую пирамиду. Целая гора золотого рассыпчатого песка!

Два ветра, сшибаясь у спящих гор, навеяли живую сыпучую гору. И острая вершина ее, как вулкан, курится в синее небо.

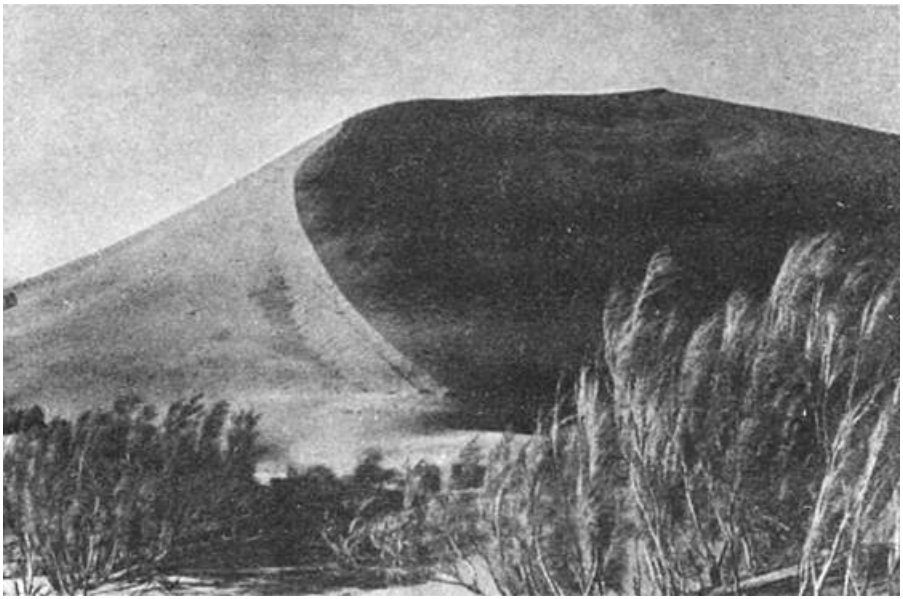
Поднимаемся на бархан по острому песчаному гребню. Поднимаемся медленно, шаг за шагом. И кажется, что идем мы по узкому коньку крутой крыши.

Песок тяжел и сыпуч. Он странно похрустывает и скрипит под ногами, словно идем мы не по песку, а по морозному скрипящему снегу. Ветер подхватывает плывущий песок и целыми пригоршнями швыряет в глаза.

Больше всего сейчас хочется пить. В радужных пятнах перед глазами видятся стеклянные фляги с кристальной водой. Грани их посизели от холода, они выскальзывают из задубевших ладоней. Горячие губы стынут на горлышке, ледяная вода булькает в пересохшем горле. Но только обжигающий ветер засвистывает в ушах да на зубах поскрипывают песчинки. И рыжие космы песчаной поземки струятся по крутым склонам, трут их и гладят, метут к вершине тучи песка, и вершина шевелится и дымится.

И вдруг гора охнула и задрожала! В самой ее утробе зародился тяжелый гул: он приближается и нарастает, он рвется наружу! Вот вырвался и навис над пустыней: глухой, тревожный и непонятный.

Мы прыгаем с гребня на склон и катимся вниз. Под ногами взбухают желтые волны песка. Справа и слева, обгоняя нас, несутся песчаные лавины. Гора гудит и трясется. Всем телом ощущаем яростную и безудержную дрожь: гору бьет лихорадка. Поет поющий бархан!



Мы сползаем вниз обалдевшие и оглушенные.

И вдруг тишина. Гора умолкла так же внезапно, как и запела. Поднимаемся, осматриваемся — как будто и не было этого чуда! Вытряхиваем песок из волос и ушей. Пригоршнями выгребаем из карманов и «выливаем» из ботинок и сумок. Песок, песок — он так и струится сквозь пальцы. Мы перепуганы, но довольны: мы слышали голоса духов горы…

Совсем недавно еще непонятное гудение песчаной горы вызывало суеверный страх. Сейчас, конечно, все понимают, что это не угрожающий «голос пустыни» и не вой «духов гор». Но загадка поющих песков не разгадана до конца. Много высказано разных догадок и предположений, но твердой разгадки нет.

Гора опять спокойна и величава. Все так же желтые космы поземки змеятся по склонам, укладываясь в косую песчаную рябь. Все так же дымится песком вершина.

Мы снова идем по пустыне, топча ногами черную тень. В знойном мареве извиваются стволики саксаула. Далекие впадины под горами наливаются синевой, как водой. А лиловые вершины далеких гор-черепах то вдруг сплющиваются в лепешку, то вытягиваются столбом, а то и совсем отрываются от хребтов и повисают в воздухе, как облака…

Все ослепительно и неверно. Солнце колет глаза, и снова мухи-слезопойки лезут в лицо.

Поющая гора все меньше и меньше, и вот уже опять желтеет, как далекая египетская пирамида. А юркие струйки песка вползают в следы позади, все заравнивают и засыпают.

События на поющем бархане

28 мая. Вечером у родничка тягуче трещит козодой и нежно свистят жабы. А в скалах тоненько потявкивают сычи.

29 мая. Большой желтый махаон порхал у бледно-зеленого саксаула, увешанного ярко-красными жуками. В кусте гнездо пустынного сорокопута. Птенцам в гнезде уже тесно, они ворочаются, и гнездо прямо по швам расползается.

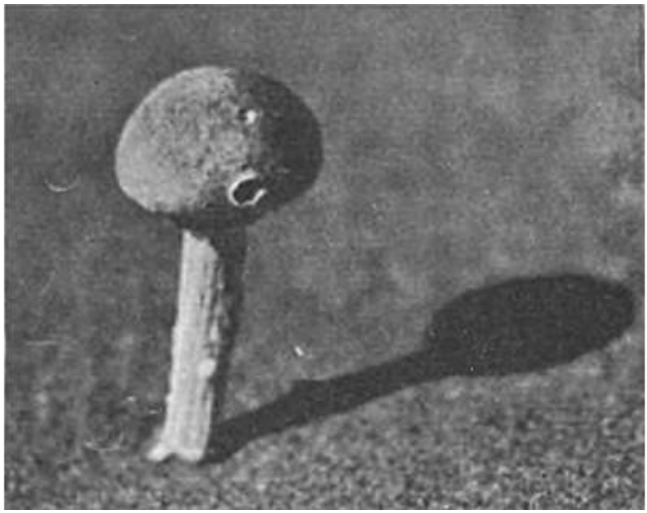
30 мая. Лазоревый родник с черно-зеленой каемочкой. Зеленая каемочка — водоросли, черная — головастики. На родник прилетели желтые рябки, прильнули к воде: получилась еще каемочка — желтая.

2 июня. С треском лопнула туча — словно мешок с горохом! На землю обрушился град! Град побил траву, поломал тростники, оббил листья у зеленой туранги. После града у родничка нашли мы убитых жаб, прилетевших на водопой рябков и кеклика, бабочек и стрекоз. А в степи попалась убитая стрелка-змея, агама, жаворонок и каменка.

14 июня. Заяц-песчаник спрятался от солнца под кустик джузгуна. Тень от куста движется по песку — и заяц за ней ползет. Целую канавку под кустом в песке протер.

На родник нахлынули розовые скворцы: верещание, суета, брызги! Стал родник голубым блюдечком с розовой каемочкой.

15 июня. Пожухли и высохли столбики заразихи. На эремурусах набухли белые шары с семенами. А песчаные грибы высохли на корню. Готовые сушеные собирать можно!



Инкубатор

Такая жара, что пустынный воробей бросил яйца в гнезде насиживать. Чего их напрасно греть, когда и без того жарко! Сколько не сиди на них, все равно больше сорока градусов не нагреешь: а сейчас и в тени сорок пять! Яйца сами насиживаются.

Залетает воробей в гнездо только затем, чтоб яички переворачивать, чтоб со всех сторон они ровненько прогревались. А в свободное время мух ловит да во все горло чирикает.

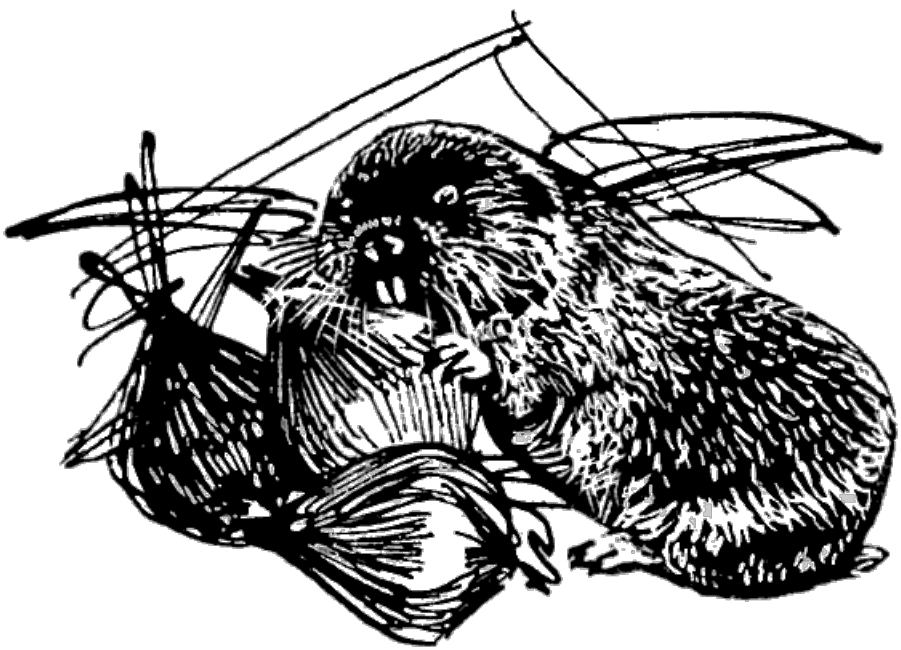
Зеленые зонтики

Накрылся я от солнца огромным листом ревеня — с развернутую газету! Тень от него зеленая и прохладная. Сижу и вижу, что не я один такой догадливый. Вон жуки сгрудились с теневой стороны толстого стебля. Бабочка-репейница повисла в тени цветочного бутона. Серая саранча притаилась в зеленых ветках кандыма.

Так и сидим все под зелеными зонтиками, ждем, когда солнце остынет.

Слепушонка пьет тюльпаны

Любит слепушонка тюльпаны: так и выискивает их под землей. Всю весну, когда было сыро, тюльпаны запасали в своих корнях-луковичках воду. Сейчас жара наверху, ни росинки, ни дождинки — сушь, а в ходах слепушонки, как в подземных подвалах, луковички рядами торчат, словно фляжечки, словно бочонки с прохладной водичкой!



Кто спит — тот пьет

Кого мучит жажда, тот, понятно, больше всего хочет пить. А вот желтый суслик при жажде больше всего хочет… спать! «Я так давно, братцы, не пил, что мне страшно захотелось… спать».

Человек без воды помрет, суслик без воды — уснет. И будет спать до тех пор, пока не придет в пустыню весна, пока снова не вырастут сочные травы. Тогда он проснется и станет эти травы и есть и… пить! Ведь в каждой зеленой травинке воды больше трех четвертей.

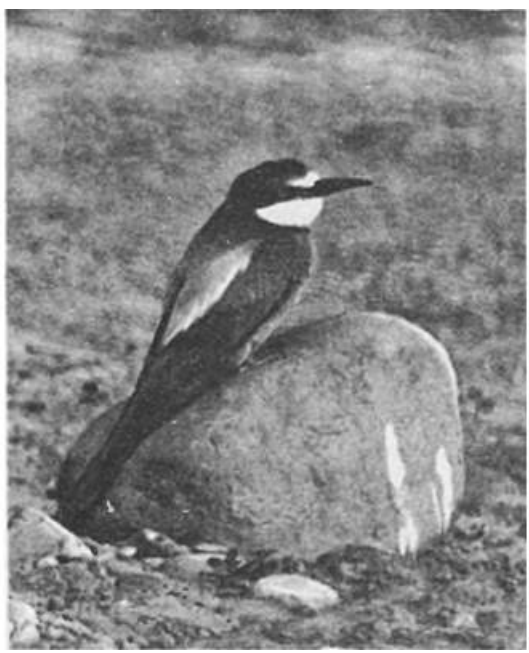
Весна в пустыне короткая. Трава позеленеет-позеленеет, да и начнет сохнуть. А сухая трава для питья уже не годится. И тогда

суслик снова почувствует жажду, и снова ему захочется… спать.

Есть у людей поговорка: «Кто спит — тот ест». Суслики бы так ее переиначили: «Кто спит — тот пьет».

Пчелиные отбивные

Щурки-пчелоедки, растопырив крылышки, «ласточкой» ныряют с проводов вниз, стрелкой проносятся над самой землей, хватая с цветов то пчелу, то кузнечика. И снова взмывают на провода — есть добыча!



Но уж больно жесткие да колючие все эти кузнечики, жуки, осы да пчелы! Их так просто не съешь — поперек горла застрянут. Надо их еще приготовить. Надо сделать из твердокаменных насекомышей мягонькие котлетки — пчелиные отбивные. Вот и стучат-отбивают щурки насекомышей о провода — только щитки да лапки летят! Так стараются, что провода звенят-играют.

Пируют под веселую музыку.

Черепахи несутся

Черепахи роют в песке лунки и несут в них яйца. Из каждой лунки торчит черепаха: задние ноги в ямке, передние — наверху. Снесет яичко, задними лапками его на дно лунки опустит, присыплет песком. Яйца точь-в-точь гуттаперчевые мячики для пинг-понга. Как снесет 3–4 яйца, так лунку доверху засыплет: пусть теплый песок яйца высиживает. Песок щитком сверху заровняет, загладит и уползет. Теперь бы только ветер песок не раздул — засохнут тогда на солнце яйца. Только бы варан о гнезде не пронюхал — разроет и все сожрет. Ну, а если все будет благополучно — осенью из яиц вылупятся черепашата. И — такие хитрые! — из гнезда, на зиму глядя, не выползут. Всю зиму под песком просидят. А весной, как солнце пригреет, вылезут из песка и пошагают в разные стороны.

Подземный луг

Зверек слепушонка пасется не на земле, а… под землей. Уж очень сверху трава ненадежная: весной реденькая, летом выгорает вся, а зимой еще и снегом ее сверху засыплет. А под землей у слепушонки всегда роскошное пастбище: корни, стебли, клубни! Ветвистые, развесистые, густые. Круглый год свежие да сочные. Солнцу до них не добраться, ветру не иссушить, снегу — не засыпать.

Наверху летом пусто и голо, а под землей изобилие. Ни голод, ни жажда слепушонку не мучают. А что нет на подземном лугу ярких бабочек и цветов, так это для слепушонки неважно: слепушонка она — все равно плохо видит.

Черепашья скала

Черная скала-останец торчит посреди голой равнины. Показали мне ее пастухи. И сказали, что там — кладбище черепах.

И верно: вокруг скалы разбитые панцири. Прямо свалка битой посуды: битые «глиняные» миски, тарелки, тазики, полоскательницы… Сапоги с костяным стуком перекатывают черепки, каблуки с хрустом их давят. Большие старые панцири,

похожие на засохшие ананасы.

Пастухи говорили, что старые черепахи со всей равнины сползаются сюда умирать. Вот уже много-много лет. Древнее кладбище черепах…

Скала тягуче и тоскливо гудит. Волны горячего ветра накатываются на одинокий утес и, разбившись, поскуливают и свистят. Почему бы черепахам и в самом деле не сползаться умирать в это пустынное и унылое место.

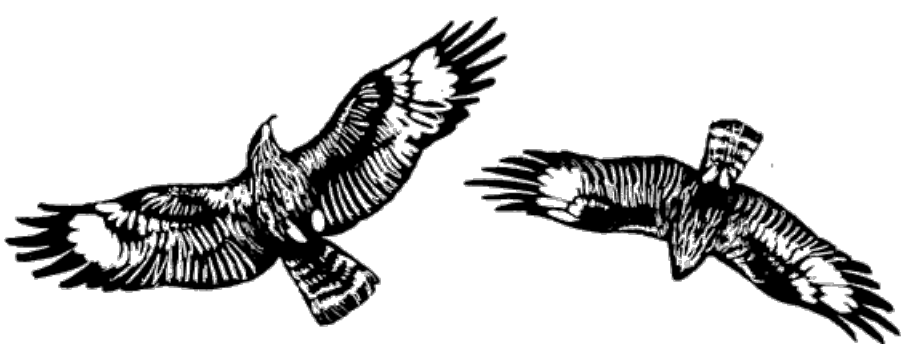
И мне представляются древние черепашьи старики и старухи: больные, слабые, немощные. Дряблые складки на серой шее, слезящиеся глаза с набрякшими веками. Тусклые панцири их в шрамах и трещинах. Тупо переставляя слоновьи ноги, черепахи медленно подползают к скале и, уткнувшись в черные камни, лежат неподвижно. Угрюмо гудит скала, ветер завивает песчаные смерчики над тяжелыми панцирями. Дальше пути нет. И нет желания двигаться.

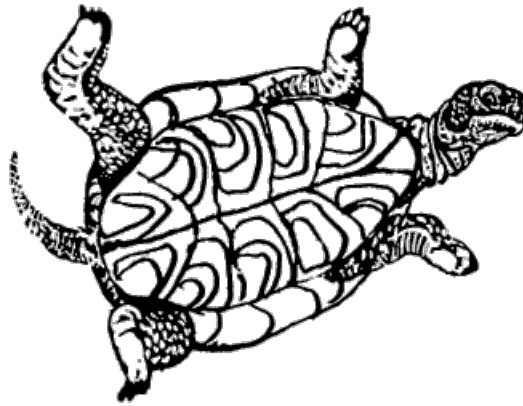
Но почему все черепашьи панцири разбиты и покорежены? Не могли же черепахи сами себя покалечить! Тут какая-то тайна: что-то непохоже, чтобы черепахи умирали своей смертью.

Перебирая битые панцири, внимательно смотрю по сторонам. Разгадка должна быть где-то рядом!

Разгадка свалилась… с неба! Чуть-чуть мне не на голову. Что-то глухо хрястнуло о скалу сверху, что-то запрыгало по камням вниз и шлепнулось на песок. Черепаха! Большая, старая, с расколотым, как орех, щитком.

Задираю голову — так и есть! — над скалой плывут два орла. Как два самолета-бомбардировщика. Вот задний орел кренится на крыло, закладывает широкий вираж — словно заходит на цель — и вдруг пикирует на скалу. Выходя из пике, он распахивает широченные, как два одеяла, крыла, бросает «бомбу» и взмывает в вышину. «Бомба» стукается о камни и катится вниз. Еще одна черепаха!





Так вот оно что!

Отбомбившиеся орлы не спешат улетать. Они рассаживаются на камни поодаль и ждут. Ждут, когда я уйду и отдам им их добычу.

Черепаха — крепкий орешек даже для орлиных клювищей и когтей. Вот они и кидают их с вышины на камни — раскалывают орешки…

Потому-то у этой скалы — одной-единственной на всю равнину! — и образовалось кладбище черепах.

События на заброшенном кладбище

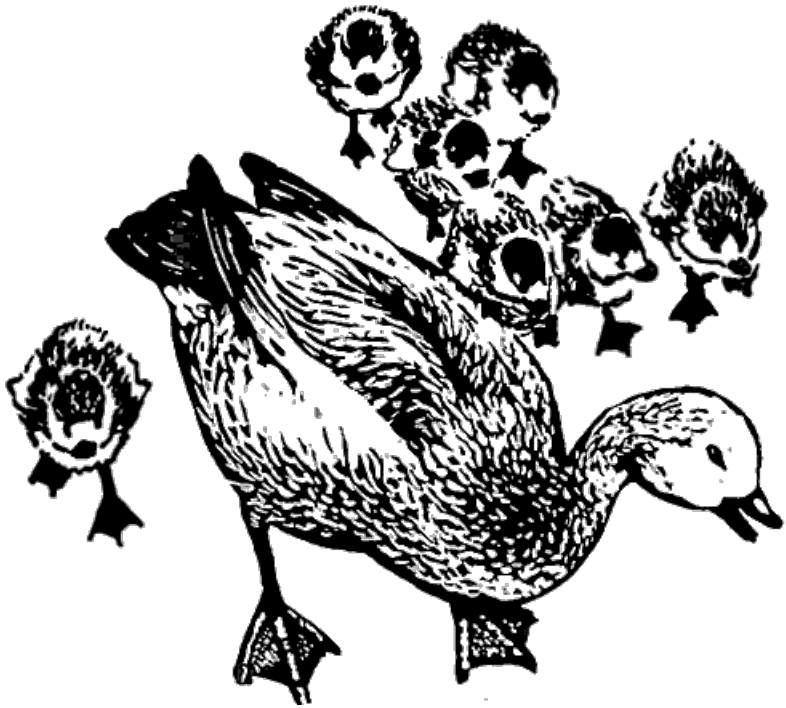
10 июня. Сегодня ночью у самой большой могилы в самом большом колючем кусту кто-то долго ворочался, сопел, скрежетал зубами. Слышался глухой стук костей.

15 июня. В кладбищенской ограде и в старых могилах кто-то сверлит дыры. С каждым днем их все больше и больше. Кто бы это мог быть?

25 июня. Заглянул случайно в провал у могилы, а оттуда как зашипит кто-то — будто автобус со всего ходу затормозил! Я отскочил, а потом направил в провал зеркальцем солнечный зайчик. И увидел в глубине… белый человеческий череп! А больше там никого не было…

26 июня. Сегодня разгадал, кто роет на кладбище норы — обыкновенные черепахи! Им пора в летнюю спячку, вот они сползаются сюда и зарываются в рыхлую землю. Сегодня одна большущая черепаха дремала у своей норы. А на ней, как на булыжнике, спокойно сидела каменка-плясунья и чистила свои перышки.

28 июня. Из провала с человеческим черепом вылезла… утка с утятами! Вот уж выбрала местечко для своего гнезда! Красные утки-огари любят гнездиться в норах. Если их там тревожат, то они громко шипят. Вся веселая семейка выкарабкалась из могилы и вразвалку поковыляла к соленому озерку.



10 июля. Разгадал тайну зубовного скрежета и стука костей. Под колючим кустом в глубокой норе живет дикобраз! Нашел у его норы полосатые иглы и сразу же догадался, кто по ночам возится и ворочается под кустом, кто стучит костяными иголками и скрежещет зубами.

События в ущелье каменных козлов

11 июня. К ручью на водопой и купанье торопятся стаи розовых скворцов. Барахтаются в воде, трясут хвостами и крылышками, чистятся, гоняются, неумолчно щебечут! Сядут на куст — и куст розовый, рассядутся по камням — и камни расцветут розовыми цветами, спорхнут в воду — и в воде кутерьма из розового, черного и голубого!

12 июня. Из кустов будто рыжий фонтан бьет — толчется столбом рой мошкары. Большущие пучеглазые стрекозы, сухо шурша слюдяными крылышками, тычутся и тычутся в этот живой фонтан, хватая полные пригоршни мошек.

13 июня. Птенцы вылетают из гнезд. Два взъерошенных скальных поползня — кургузых, испачканных, головатых! — сидели на одном камне под гнездом и кланялись друг другу, по очереди приседая. Радуются, наверное, что, наконец из тесного гнезда выскочили!

А слёток синего дрозда сидит спокойно. Мать принесла ему бабочку, и он держит ее в клюве, как белый платочек.

14 июня. Утром высунулся я из палатки — гости к нам со всех сторон. Высоко в небе кружит гриф, над скалами с визгом проносятся стрижи белобрюхие, на колышке палатки прицепился геккон со стеклянными глазами, а в упавшем ведерке деловито царапается скорпион.

Сторожевые колокольчики

Солнце выжгло пустынные предгорья. А давно ли была тут зелень и ярким лиловым цветом цвел колючий бурьян.

Сейчас над выжженной землей нависла раскаленная белая мгла.

Все обманчиво в этой белесой мгле. Кустик травы вдруг шевельнется, да и обернется лисичкой, поджарой и быстрой. Колючий бурьян выше пояса, а тронешь, и бурьян бесшумно рассыплется в прах.

То видишь озеро, по озеру торопятся беспокойные волны. Ствол одинокого деревца извивается в жарком мареве, будто не деревцо это, а его отражение в неспокойной воде.

Но воды вокруг нет.

Все сгорело: трава, бурьян, даже цепкие и живучие кусты

держи-дерева. Вокруг камень, пыль, смерть. И миражи.

Вон за каменистым гребешком целые заросли высоких белых цветов! Цветы такие свежие и такие яркие, что, кажется, пахнут.

Прикрыв ладонью глаза от нестерпимого блеска солнца, я молча смотрю на чудесный мираж. Сейчас колыхнется жаркая мгла и видение растает.

Но нет, цветы не пропадают. На дальнем краю цветочной поляны вдруг звякнул колокольчик. Ему ответил другой. Вот опять.

Звяканье все ближе.

И впереди этого ползущего к нам глухого непонятного звона один за другим выпархивают хохлатые жаворонки. В панике, с испуганным посвистом вырываются они из белых цветов. Вслед за жаворонками, заложив уши на спину, шарахнулись из цветов два ополоумевших от страха зайчонка и скрылись!

Это уже не мираж!

И жаворонки, и зайчата настоящие. Ишь сколько их собралось сюда в цветы! Видно, в голой-то степи не по вкусу!

А звон все ближе. И совсем он не страшный: тихий, ласковый и какой-то глухой, костяной. И чего так зайчата и птицы шарахаются от него?

Звон совсем близко. Вот дрогнули крайние цветы, и звон оборвался. Из зарослей медленно вылилось длинное тело змеи.

Полоз!

Полоз потянулся вверх, поднял голову выше цветов и стал смотреть в ту сторону, куда улетели жаворонки и ускакали зайчата.

Я шевельнулся. Змея медленно повернула голову в мою сторону, облизала сухие чешуйчатые губы раздвоенным языком и, повернувшись, лениво уползла обратно в бурьян. И опять я

услышал — теперь удаляющийся — звон, будто цветы были костяные, а их сталкивала друг с другом быстрая струйка ветра.

Как зачарованный, слушал я этот непонятный звон. Миражи, действительность — все перепуталось.

Опомнился я только тогда, когда звон стих — там, на дальнем конце лощины. Только после этого спустился я к необыкновенным цветам.

Цветы и вправду оказались необыкновенными. Высокие стебли засохшей травы были густо облеплены ракушками. Тысячи улиток с белыми раковинами вползли на них, приклеились и повисли белыми гирляндами. От жары они впали в летнюю спячку.

Тронешь такой цветок — ракушки ударятся друг о друга и звякнут. Полз полоз, задевал сухие стебли — и над ним звякали костяные колокольчики. Звенели нестрашно, глухо, но зайчата и птицы знали: страшный приближается враг.

Все стало ясно.

В голой степи, в жарком мареве сейчас все неверно. Виден куст, а это лиса. Жаркий ветер шуршит по сухой земле, а может, змея тянет свое тело?

Зайчата с ног сбились, спят с открытыми глазами. Жаворонки на землю боятся присесть.

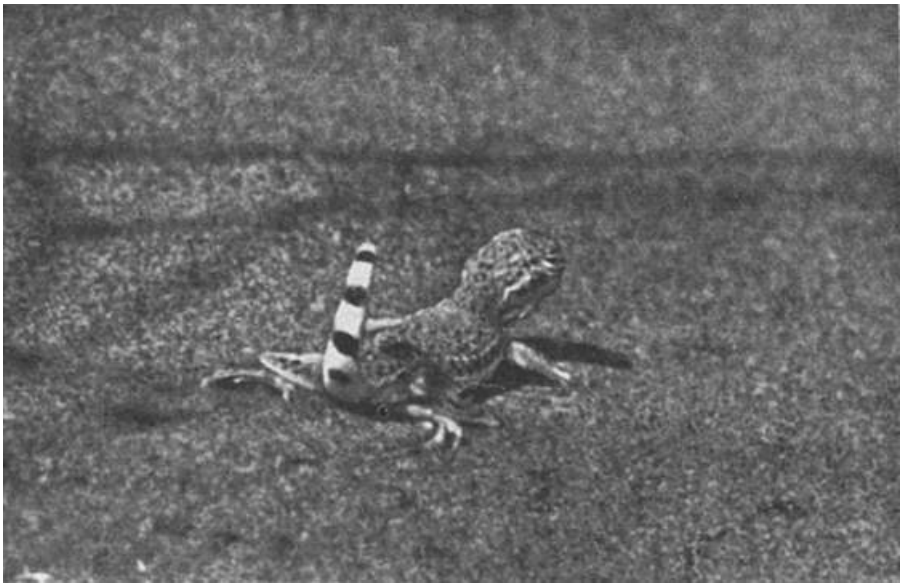
Вот и собрались они сюда, в сухой бурьян, увешанный ракушками.

Тут уж никто неслышно к ним не подтаится. Тут без обмана: только хищник спустится в лощину, тотчас зазвонят сторожевые колокольчики.

Улетайте, жаворонки! Удирайте, зайчата! Враг рядом!

Хвост торчком

Песчаная круглоголовка. Всю жизнь на песке живет и сама словно из песка слеплена. Чешуйки как песчинки, и цвета песчаного, от хвоста до носа. В общем, и шапка-невидимка на ней, и курточка-невидимка, и штаны-невидимки. А чтоб совсем с глаз исчезнуть, так ловко распластывается, что и тень свою под живот прячет. И никакой злыдень бы ее никогда не заметил, если бы не любила она… задирать хвост!



То и дело задирает хвост всем напоказ. А хвост у нее заметный, полосатый, как рейка, как дорожный шлагбаум — всем в глаза так и бросается. А чего бы уж проще: поджать хвост и жить спокойненько. Но ей это не нравится. Что это за жизнь, если хвост не задирать?

Не задерешь, — так никто тебя на песке и не увидит. Не только враги, но и друзья. А с кем тогда играть-веселиться? С кем по барханам гоняться наперегонки? Не-ет, пусть хвост торчком! Была не была! Где наша не пропадала!

Всем по капельке

Кто сам пьет — тот знает, где воду искать. А авдоткины малыши пока не знают. Ждут, когда родители им принесут воду. А солнце не ждет: печет, жжет, накаляет. Вот увидели малыши меня и… со всех ног навстречу! Встали в тени у ног, головы вверх задрали и разинули розовые ротики — дайте скорее пить! Пришлось достать флягу, намочить палец и капнуть всем в рот по капельке.

Кумушки

Каждый вечер семейка майн рассаживается над нашей палаткой и начинает промывать наши косточки. Они ехидно хихикают, когда кто-нибудь из нас вскрикивает, обжегшись горячим чаем; недовольно повизгивают, когда мы со звоном роняем нож или ложку; шепчутся и шушукаются, когда мы начинаем снимать рубахи, и изумленно свистят, когда мы умываемся. А когда, к их огорчению, мы наконец залезаем в спальные мешки и умолкаем, майны со скуки начинают передразнивать нашу собачонку, крики соседского петуха и блеяние барашка.

Гнездище

…Птичье гнездо повалило большое толстое дерево! Много лет — из года в год! — гнездились на коряжистом саксауле орлы. Каждую весну они надстраивали свое большое гнездо — росло гнездо и в ширину, и в вышину. А дерево все старело. И вот не выдержало: рухнуло под тяжестью птичьего гнезда.

Орлята, конечно, выкатились из гнезда и сперва совсем обалдели. А потом снова в гнездо вскарабкались. Внизу на земле им даже веселей показалось — то жук приползет в гости, то ящерка вскарабкается погреться.

Голоса змей

(Рассказ змеелова)

Не знаю, конечно, получится у меня или нет, но будущей весной непременно попробую. Попробую записать на магнитофон шипение разных змей. А вдруг потом смогу их на голос из гор и щелей выманивать! Ведь подманивают же охотники рябчиков на манок. Почему бы не попробовать и змей манить? Вот дождусь весны и испытаю. Поставлю магнитофон у норы — пусть шипит по-змеиному. А сам спрячусь и покараулю. А вдруг и получится?

Красный каньон

Щебнистая пустыня похожа на гигантский, позеленевший от времени медный щит. На краю пустыни поднимаются горы — как ржавые шлемы древних воинов. А между пустыней и горами — щитом и шлемами! — треснула и разверзлась земля, открыв взору глубокий красный каньон. Смотришь вниз — и голова кружится!

Глубоко-глубоко, по самому дну каньона, плавные извивы ручья. В нем давно нет воды: дно его теперь, как сухая дорога, засыпано гравием и песком.

Мы шагаем по сухому дну, и щебень скрипит под ногами. Справа и слева высоченные красные стены. Словно скалы, раскаленные докрасна. А над ними — высоко-высоко! — узкая лента неба. И в небе, добела раскаленном, черная точка — гриф.

Каньон до краев налит зноем. От красных стен пышет жаром, как от нагретых кирпичей. И все время вокруг что-то сыплется, катится и шуршит. Это лопаются от жары камни и трескаются глыбы глины. И от шорохов этих тревожно и беспокойно. Все время кажется, что кто-то за тобой крадется или ползет. Кто-то невидимый смотрит упорно в спину, подглядывает из-за угла. Кто-то шепчется в нишах и гротах. Вон и тропинки белые пересекли красные осыпи: кто-то, значит, живет тут и ходит по ним…

Каньон похож на разрушенный и забытый город. Вот крепостная стена: в ней ниши-бойницы. Вот просто стены домов: окна, двери, ступени. А вот мрачные замки — с готическими пирамидками, башенками, шпилями. Купола церквей и соборов. Защитные валы и рвы. Воздетые руки разведенных мостов…

Странно и непонятно: слепая природа создала тут красоту для глаз! Красоту, на которую некому любоваться. Вода и ветер — вечные зодчие земли! — творят нерукотворно…

Сейчас каньон глух и пуст. Раз пересохла в ручье вода — значит и жизнь обеднела. По белым тропинкам ушли горные козлы-теки. За козлами крадучись ушел барс. А что он жил тут, видно по рогам тека: во-о-он валяются у того камня…

Остались только те, кто обходится без воды. В тени колючего кустика притаилась стрела-змея. Она подняла голову и смотрит на нас круглыми глазами птицы. Тихо посвистывают у норок песчанки. Сухо трещат цикады: жара от их сухого треска кажется еще страшней. Разморенный заяц-песчаник нехотя проковылял в тень.

Вечером над каньоном уныло засвистывает ветер. Из-за ржавых гор выползли тучи, и гром загремел, как в медные

колокола. Видно было, как жаждет воды растрескавшаяся земля: остыть, пропитаться, омыться!

Из туч свесились черные космы — это хлынул дождь и… не долетел до земли! Дождинки высохли от жары, испарились от горячего ветра. Шел «сухой дождь» пустыни.

Зато какая радуга опустилась прямо в красный каньон. Какие вдруг высветлила она в нем купола, пагоды, колокольни и минареты. Как зловеще зачернели провалы, пещеры и гроты. Какие выступили колонны, резные фигуры и силуэты. Багровые занавесы из камня повисли между колонн. И это были уже не просто развалины древнего города: сказочное горное царство возникло у нас на глазах.

Но тучи легли на горы, солнце потухло, и радуга и сказочный город канули в темноту…

События в красном каньоне

20 июня. В колючих кустиках надрываются цикады: «Кррэк-кррэк! Кррэк-кррэк!» Ну точно как наши дергачи-коростели! Кобылки взлетают из-под ног с сухим треском — будто кто-то чиркает спичку! — и трепещут в воздухе синим пламечком крыльев. Огромные — с мышку! — бурые кузнечики ползают молча, но стоит их взять в руку, как они начинают отчаянно стрекотать.

21 июня. Взблескивают серебряные перышки ковыля. Опадают лепестки желтых маков. Белые бабочки мелькают над красными глыбами. Голубые голуби пролетают вдоль красных скал. А рыжую пустельгу на красном не видно, и будто не она, а сами скалы кричат звонко и резко.

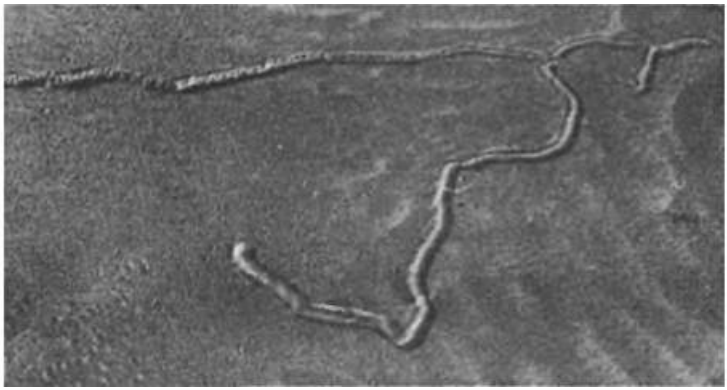
НА ЖЕЛТОЙ ТРОПЕ

На желтой тропе

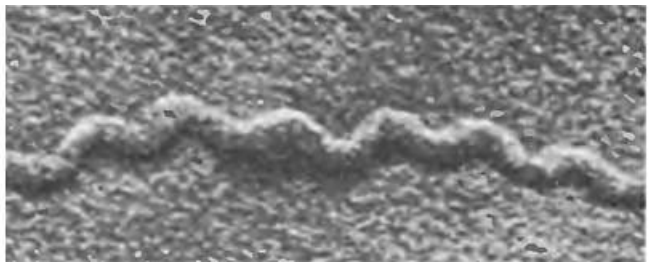
Летом следов в пустыне становится меньше. Выгорает трава, и суслики с черепахами уходят в летнюю спячку. Кто совсем уснул, а кто выходит из нор только ночью: боятся раскаленного солнца. Исчезли пролетные птицы и кочевые звери. Жизнь стала тяжелая и однообразная. И писать некому, и писать нечего.

Плавающие в песке

Тут удавчик ушел в песок.



Песчаный таракан прополз под песком.



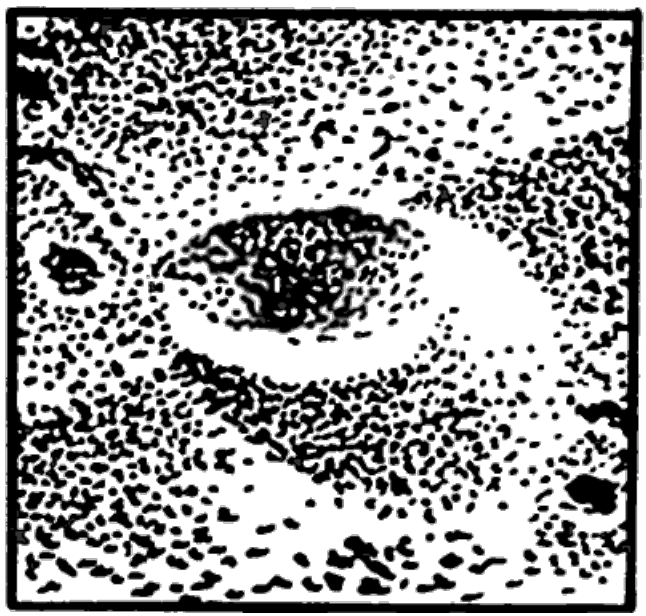
Подпесочный ход личинки жука.

Под песком растут грибы.

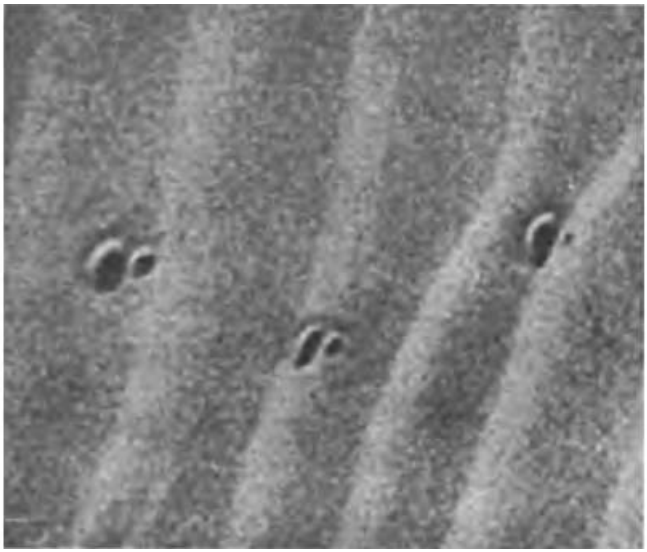
Жук вышел из подпесочного хода.

Сетчатая ящурка на охоте

Ящурка выползла на охоту.



Ящурка, вынюхивая личинки, тыкалась носом в песок.



Ящурка испугалась кого-то и помчалась.

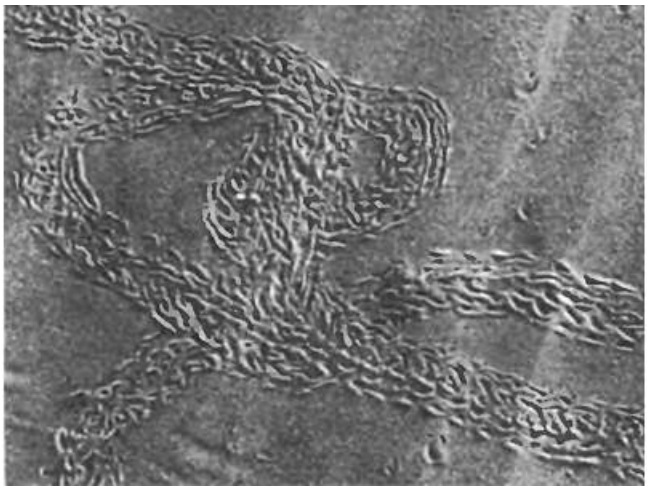
Ежик и черепаха

След ушастого ежика.

След черепахи.

Гусеница и таракан

След полосатой гусенички.



След песчаного таракана.

С днем рождения!

3 июня. В гнезде пустынной совки вылупился совенок. Вот я написал: «в гнезде пустынной совки», а ведь гнездо-то для совки сорока строила. Гнездо надежное: фундамент слеплен из глины, стены сложены из сучков, да еще и крыша из прутьев. Потому-то совка чужую квартиру и заняла — очень уж хороша она для совят.

А совята, как клубки шерстяных ниток с глазами. Да еще глазами этими хитро подмигивают.

15 июня. Во второй раз за лето вылупились птенцы у пустынного воробья. А забот с ними больше чем с первыми! Гнездо пришлось строить на высокой акации — повыше от раскаленного песка. Пришлось прятать под чужим старым гнездом — чтобы тень сверху была. Стенки пришлось плести плотные, толстые — чтобы солнце не накаляло. С весны-то не такая жарища была.

Одно облегчение — яички летом можно согревать меньше: и без согревания жарко.

20 июня. В глиняном гнезде на соленом озере вылупились птенцы ни в мать, ни в отца. У папы с мамой шеи длинные, ноги длинные, нос кривой. А у детишек все наоборот: шея короткая, ноги короткие, нос прямой. И цветом совсем другие: не розовые, а серые.

Но хоть и не похожие, да свои!

Весь день фламинго папа и мама топчутся в воде: длинными ногами муть со дна поднимают, кривыми носами муть процеживают, вылавливая разную мелкоту. Детей кормят досыта. Чтоб скорей дети росли и на них становились похожи: чтоб ноги и шеи длиннели-длиннели, а нос все кривел да кривел.

25 июня. У саджи-копытки с гнездом забот мало. Яички она прямо на землю несет: падать им некуда, пыль под ними всегда мягкая, на солнышке никогда не застынут. А чтобы их ветер не укатил, укладывает саджа вокруг яичек камешки. Ветер яичко толкнет, а оно стоп! — камешек не пускает.

Вчера вылупились из яичек саджата. Этим камешки не помеха. Сразу расползлись из гнезда в разные стороны. Попрятались в тень полынок. Родители кормят их болтушкой из семян, замешанных в зобу на солоноватой водичке.

День за днем

1 июля. У песчаного удавчика родилось десять детенышей. Сразу расползлись в разные стороны.

2 июля. Змейка-стрелка снесла пяток яиц.

3 июля. Не видно больше свежих земляных кучек слепушонки. Зарылась от жары глубоко в землю.

6 июля. Щенки гиены перестали молоко сосать: подавай им теперь мясо!

12 июля. Котята каракала научились сами ловить дичь: песчанок, рябков, зайцев.

15 июля. Встречены молодые ушастые круглоголовки: вылупились!

17 июля. У солончакового жаворонка птенцы в гнезде.

25 июля. Кобра снесла в кустах дюжину яиц. Яички похожи на голубиные.

„ДЛИННОЕ УХО“

Соленый иней

Посреди серой равнины розовое пятнышко с белой каемочкой. Это розовое озерко в соляных берегах. Ни птиц на берегу, ни рыб под водой. Лишь рои пузырьков вскипают со дна — будто вода вот-вот закипит. Но вода в розовом озерке прохладная и приятная. Только если выкупаешься в ней, а потом выйдешь — тело сразу покроется чешуей. Горящие кристаллики осядут на кожу, как иней. Рукой проведешь — и соленые блестки

посыплются вниз…

События у колодца

10 июля. Вечером у колодца вертелся волк. Заглянул сперва вниз — глубоко. Поскреб лапой сучья обкладки — нет, не выдержат. Похватал тогда сухой жаркой пастью сырой воздух и понуро поплелся в пески.

15 июля. Ночью в колодец, цепляясь когтями за стены, залез каракал — пустынная рысь. Вытянув шею, жадно лакал солоноватую воду. С трудом выбрался снова наверх, осыпая в воду песок и сучки. Вытер мягкой лапой мокрые губы и растаял в ночи.

20 июля. Утром притрусил к колодцу измученный жаждой корсак с ввалившимися боками. Уж он и свешивался вниз, и бегал вокруг, жалобно ворчал и поскуливал. Решился, наконец, полез, но сорвался и утонул…

Жара

Самое желанное в жару — тень. Песчанки от жары под землю спрятались, в норы. В норку песчанки спряталась и каменка-плясунья. А сыч спрятался в тени саманной развалины. Дикие голуби залетели в колодец: расселись на обкладке из сюзена — песчаной акации над водой. Стрела-змея вползла на куст — растянулась на ветерке. Один верблюд на самом припеке стоит. Некуда ему, такому здоровому, спрятаться. А в ногах у верблюда собака лежит: спряталась в тень под его брюхо…

Жаркие пляски

С утра песок еще прохладный, приятный. А попозже — рукой не дотронуться. А в полдень даже сквозь толстые подошвы печет.

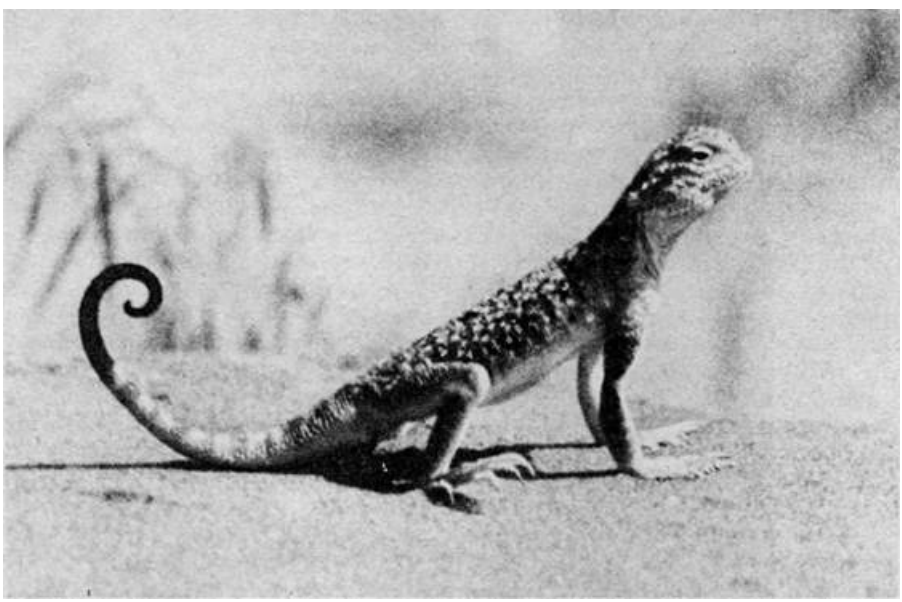
Каково-то босым обитателям песков?

Только гляжу, а им хоть бы что — пляшут. Пустынные кобылки как на пружинках подскакивают. Не унывают. Даже, пожалуй, веселей, чем всегда: и выше, и дальше, и резвей. Нашли чему радоваться!

А может, они не от радости? Может, пляшут как рыбы на сковороде — поневоле? Подскочат — остынут, взлетят — освежатся? Вверх — вниз, вверх — вниз! Обожглись — остыли, остыли — обожглись! Все быстрей, все «веселей», все выше. Да, не от радости пляски. Небось запляшешь, раз босиком!

Обугленные хвостики

У всех ящерок-круглоголовок, что все как одна задирают хвост вверх, кончик хвоста черный. Так и кажется, что это он от жары почернел, на горячем солнце обуглился.



Соленая дорога

Унылая равнина вокруг, серая, словно пыль. А на равнине белая как снег дорога! Дорога густо посыпана… солью!

На обочине соль спеклась в корочку: хрустит под ногами как снежный наст, словно ледок. И, как ледок, посверкивает на солнце. Горячий ветер завивает по дороге белые смерчики, гонит блестящую соленую пыль.

Тени столбов разлиновали дорогу. В каждой полоске рядком жаворонки сидят. Хохолки у них сникли, крылышки обвисли, клювики широко разинуты — жарко.

Плывет солнце по небу, ползет по дороге тень. Вместе с тенью семенят жаворонки.

Мне в узкую тень столба не поместиться. Спину спрячу, нос вылезает, нос укрою — плечи печет. А на плечах рубаха и так уж колом стоит: просолилась и задубела.

Так вот и иду по соленой дороге, проливая соленый пот.

Держи ноги в… холоде!

Мудрый совет «держи ноги в тепле, а голову в холоде» не для пустыни.

Степной сарыч, когда от жары становится невмоготу, прилетает к роднику и забредает в воду по брюхо. Так и стоит, держа ноги в холоде, а голову на жаре. А что ему делать? Хоть и голове жарко, да ее в воду не сунешь!

Сокол в засаде

В небе от зорких глаз не укроешься. Сокол еще во-он где, а жаворонки его уже заметили: и сразу кто за кочку, кто за камешек, кто в полынь. Прижмутся, притихнут, исчезнут. Летит сокол — полынь внизу, кочки, камни, и ни одного жаворонка.

И вот сокол-дербник на хитрость пошел. Высмотрел лужу, на которую жаворонки пить прилетают, прилетел к ней загодя, когда еще никого вблизи не было, и распластался на земле — залег в засаду. Земля вокруг лужи пестрая: камешки рыжие, полынка серая, комочки бурые. И дербник пестрый: буро-серо-рыжий. Затаился, не хуже жаворонков.

Спокойно слетелись к воде жаворонки. Вокруг пусто, тихо. Соколов в небе не видно. Одна полынь, кочки да камешки.

А сокол тут как тут! Шарахнулись от него жаворонки, да поздно. Дербник взлетел, кинулся, нагнал, ударил — вспыхнуло облачко перьев. Перехитрил дербник жаворонков: они его с неба ждали, а он с земли!

Белые платочки

На закате солнце прячется за барханы, а из-под каждого

кустика, из-под каждого камешка высовываются и выползают любопытные вечерние тени. Наверное, хочется им поглазеть на ящериц-круглоголовок. Они сейчас на каждом бархане. И у каждой хвост кренделем, как у собачки. Кренделек то свернется, то развернется. И тень от хвоста то вытянется, то спрячется.

Белые хвостики там и тут. Словно прощальные платочки машут: до свиданья, день, до свиданья, солнце! Здравствуйте, вечерние тени!

Сойка в телогрейке

У наших зимних птиц — синиц, снегирей, свиристелей — особое рыхлое оперение. Перышки как бы рассучены, похожи на мягкую шерстку. Такое перо хорошо греет. Каждая птичка словно бы в телогрейке.

И вдруг такую же зимнюю телогрейку вижу на саксаульной сойке! Ей-то она зачем? И так от жары нет спасенья. Стоп, стоп, а ведь телогрейка-то и есть… спасение от жары! Ведь это только название такое — «телогрейка». А на самом-то деле телогрейка не греет, а защищает.

Зимой защищает от мороза, а летом — от жары!

Теперь понятно, почему и люди в пустыне носят теплые стеганые халаты! Потому же, почему и сойка свою телогрейку.

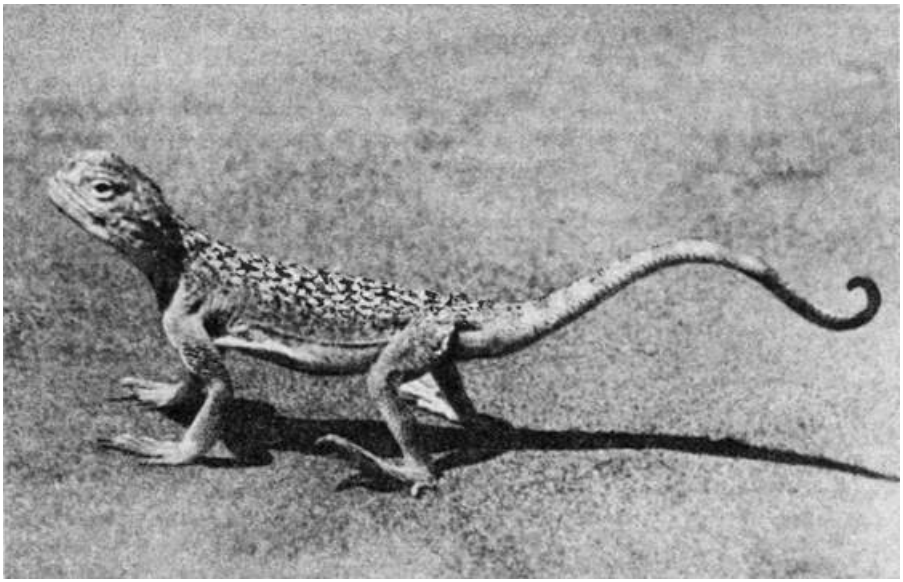
45 градусов в тени

Сижу на песке у норы варана. А краешком глаза слежу за круглоголовкой.

Свежее утро. Круглоголовка всем телом прижалась к чуть тепленькому песку, и даже нос в песок уткнула. Глядя на нее, и я набрасываю на плечи куртку и растягиваюсь на песке.

Но вот солнце высунулось из-за бархана и сразу ощутимо пригрело. Круглоголовка подняла мордочку и быстрей задышала. Я сбросил с плеч куртку и сел.

Солнце выше, песок горячей. Круглоголовка поднялась высоко на лапках и завиляла, обмахиваясь, хвостиком. Я стал ерзать на горячем песке и обмахиваться платком.



А солнце еще выше, а песок еще горячей. Круглоголовка вползла на сучок. Я подсунул под себя куртку.

Накаляется солнце, грозит нас изжарить. Круглоголовка на сучке разинула рот. Я тоже попробовал: не помогает. Наконец круглоголовка не выдержала и спряталась в тень. А для меня тени вокруг нет.

Что делать? Сижу и медленно засыхаю. Но глаз от круглоголовки не отвожу: вдруг она мне что-нибудь да подскажет?

Жареная саранча

Летела темная туча голодной саранчи — даже солнце померкло. По желтым пескам внизу ползла зловещая тень. Но не долетела прожорливая саранча до зеленых полей и садов: опустилась в голой жаркой пустыне. Ни прутика, ни стебелька вокруг: бурый горячий щебень, пышущий жаром, словно плита. Чугунная плита, раскаленная докрасна.

Саранчуки отчаянно запрыгали, засуетились. Попытались взлететь, но крылья у них уже от жары завяли, лапки скрючились, а усы обвисли. Распластались саранчуки на камнях и… спеклись! Целое поле жареной саранчи! Сбегайтесь, звери, слетайтесь, птицы, — накрыт для вас стол.

Волчий колодец

Нигде воды нет — до капли все солнце высосало.

Сочились кое-где родники — иссякли. Блестели на такырах лужи — испарились. Даже бочаги в речных руслах высохли. И не вода в них блестит теперь, а камни. Камни, покрытые солью.

Мы уже отчаялись воду найти, как вдруг видим — яма! Заглянули — сырой песок в глубине, лужица мутной воды внизу. Сунул кто-то тряпку в лужу, пососал — пресная.

Тут уж чем попадя углубили яму, вода в нее насочилась, наполнили кое-как фляги. Досыта напились и умылись. И уж только тогда стали смотреть, кто же эту яму-колодец рыл? По следам опознали — волки! Волки сквозь песок и камни воду в русле унюхали и выкопали колодец. Ну что ж — и волкам спасибо!

Зверь за ловцами бежит

Никак не поймать шуструю песчаную круглоголовку: метнется туда-сюда, и поминай, как звали. Да еще хвостик свой полосатый то скручивает, то раскручивает — будто дразнится. Ты к ней — она от тебя.

Но однажды, в самое пекло, я вспугнул круглоголовку из кустика. Бодро метнулась она на песок и вдруг замерла. Я, как всегда, тихонечко к ней, а она… быстро ко мне! Не от меня, а ко мне! Песок ей лапки прижег, вот и кинулась она в мою тень

прятаться. Рот разинула, пальчики подняла — и за мной на одних пяточках. Так и кидается. Я от нее — она за мной. Зверь ловца догоняет! Пожалел я ее, остановился. Шмыгнула она к самому ботинку и затаилась в тени. Дышит тяжело, хвостик дрожит. Я протянул руку, а она и ни с места.

Где тень?

В пустыне исчезла тень.

Жарища со всех сторон: сверху жаркое солнце, снизу раскаленный песок, с боков — горячие ветры. Куда спрятаться, где тень найти?

Хоть сто лет думай — ни до чего не додумаешься!

И вдруг вижу орлов. Они кружат высоко в небе. Но не просто в небе, а в тени крохотного — с одуванчик! — белого облачка. Орлы нашли тень!

Облачко висит неподвижно. И под ним, как привязанные, кружат орлы. В тени и прохладе. В единственном на всю округу пятнышке тени.

Не зря говорят, что орлы до ста лет живут: вот ведь — додумались!

Крикливый хвост

От страха у сцинкового геккончика хвост начинает стрекотать, словно кузнечик: «Тр-р-ревога! Уди-р-р-рай!» Услышав отчаянные крики хвоста, все гекконы-соседи разбегаются кто куда. И если крикуна тут грубо схватить — хвост у него отвалится. Геккончик от страха потеряет «голос», лишится «дара речи». «Голос» у него, оказывается, ломается.

Но и отломленный хвостик будет вертеться, кататься по песку и вопить во все чешуйки: «Т-р-р-ревога! Уди-р-р-рай!»

И пока вы будете в изумлении на него глазеть, его бесхвостый онемевший хозяин кинется втихомолку в свою норку и захлопнет за собой дверь.

А ему хоть бы что!

Все от жары кто куда: даже огромный гриф струсил — ввинтился в прохладную высоту. Каменки-плясуньи в тень колючек забились, рябки к воде унеслись. И только одному серому жаворонку все нипочем! Смело по земле бегает — как только не изжарился! Да еще и песни поет — как только не задохнется! Хоть и мал, да удал!

События на такыре

1 июня. А засохший-то такыр оказался не таким уж и мертвым! Присаживаются на него жаворонки: хохлатые, рогатые, серые. Выползают ящерицы: круглоголовки, агамы. По ночам скачут тушканчики-тарбаганчики, ползают жуки, скорпионы, фаланги.

5 июня. Везде на такыре дырки — будто кто острой палкой натыкал. Если направить в дырку зеркальцем солнечный зайчик, в глубине заискрятся, засверкают бриллианты! Это глаза — восемь глаз — большого паука-тарантула. Он сидит в норе на своем коконе с яичками, как клуха на яйцах.

10 июня. Кто-то даже в окаменевшем такыре роет норки? Тут и там земля выброшена барханчиком-полумесяцем. А из одной норки земля даже фонтаном летит. Я подцепил землероя лопаткой и выбросил на такыр. Ну и чудной зверек! Коротышка, подслеповатенький, короткохвостый. А зубы такие, что во рту не помещаются. Торчат впереди, как клещи-кусачки. И губы у него закрываются… позади зубов! Это, наверное, для того, чтобы при рытье земля в рот не попадала. Этими-то зубами-кусачками зверек и прогрызает окаменевшую глину. А огрызки из норы выбрасывает лапками, да так шустро, что земля летит фонтаном.

Называют зверька слепушонкой. Ищет он всохшие в такыр луковички чеснока и тюльпана. Их весной еще сюда вместе с водой нанесло.

15 июня. Еще один силач такыр одолел — такырный гриб! У меня лопатка гнулась, а он умудрился проломить корку нежной своей шляпкой. Проломил, вылез, созрел, и вот уже желтые споры вокруг себя рассыпал. Стоит как бокальчик на желтом блюдечке.

20 июля. Вдруг неожиданный дождь, и на такыре собралась крохотная мутная лужица. И сразу слетелись к ней птицы. Уж на что серые жаворонки жароупорные, а и те не выдержали, прилетели большущей стаей, и сразу всю лужицу… выпили.

20 августа. Днем на такыр джейранихи стали приводить джейранят. На голой и твердой равнине никто им не страшен: глазами еще издали заметят врага, быстрые ноги вовремя унесут.

Синяя борода

Он сидел на груде почерневших от солнца камней. Сидел

неподвижно, поджав кривые ножки и опершись на тонкие ручки. Сидел и смотрел на меня.

За всю мою жизнь никто не смотрел на меня с таким презрением, как этот чешуйчатый уродец с пятнистыми губами! Мне даже не по себе стало — и я шагнул в сторону. Уродец не пошевелился. Я шагнул в другую — он и глазом не повел. Тогда я зашел сзади — он не повернулся. Я опять подошел спереди. Уродец все также презрительно смотрел вперед. Теперь уже мимо меня. Прямо перед собой. На весь мир. Как сфинкс, сложенный из серой граненой мозаики.

Громоздились на небе горы из облаков. Блестели на горизонте миражи-озера. Над землей пронеслись стремительные птицы, саджи. По земле, как видения, промчались джейраны.

Мои глаза разбегались. Он же смотрел в одну точку. Он был невозмутим. Он смотрел вдаль. Он презирал суету.

И вдруг он весь преобразился. Быстро приподнялся на лапках. Хвост задрожал и свился спиралью. Под отекшими веками сверкнули глаза. На горле набухла и отвисла чешуйчатая борода. Большая синяя борода клином.

Наконец-то в нашем мире нашлось что-то достойное и его внимания! Даже белое брюхо его посинело: так он разволновался.

Я старательно осмотрелся по сторонам. Облака растаяли в небе. Потухли миражи-озера. Давно унеслись саджи. И ускакали джейраны. Зато появилась… муха! Метнулась агама к мухе,

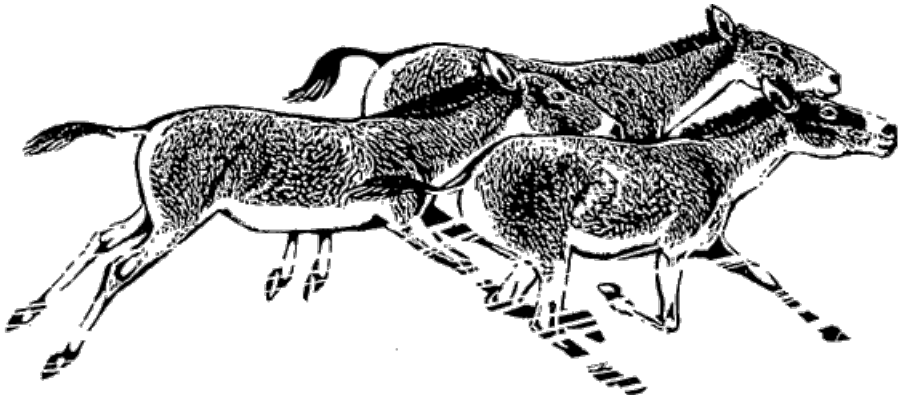
щелкнула челюстями и проглотила ее, выгибая по-змеиному шею. Облизала розовым языком серые пятнистые губы.

И снова живот у нее стал белым. Исчезла синяя борода. Опять равнодушие и презрение: к земле, к небу, к солнцу. Но только не к мухам…

Наперегонки

Самый быстрый в пустыне — гепард. Он кидается на добычу со скоростью урагана — 35 метров в секунду! Со скоростью ветра носятся по пустыне антилопы-сайгаки и газели-джейраны. Сайгаки 23 метра в секунду, джейраны — 18.

Очень быстры дикие ослы куланы, гиены, пустынная рысь-каракал и заяц-песчаник — до 20 метров в секунду. Быстры шакалы и волки — до 17 метров в секунду. Дрофы-красотки и лисички-корсаки бегут со скоростью 11 метров в секунду. С такой же скоростью мчится и тушканчик — земляной зайчик.



Громоздкий и неуклюжий верблюд может бежать со скоростью 4–5 метров в секунду — скорость легкого ветерка. Со скоростью двух метров в секунду бежит по песку ящер-варан и скользит змея-стрелка. А пустынный ушастый ежик «мчится» со скоростью… полметра в секунду. И уж совсем медленно бегает черепаха — 20 сантиметров в секунду. И то, если торопится со всех четырех ног!

В безветренную погоду, когда от жары становится невтерпеж, быстрые бегуны сами себе устраивают освежающий ветерок: для этого они носятся по пустыне со скоростью ветра.

События в садах

16 июня. В оазисах на шелковицах созрели лиловые и белые ягоды. Первыми об этом узнали ребята и воробьи. На каждой шелковице стайка мальчишек и стайка воробьев. Ягод заметно уменьшается. И лиловых и белых.

18 июня. На шелковицы стали заползать ядовитые гюрзы. Ягод им не надо, они воробьев караулят. Лежит гюрза на сучках неподвижно и так сливается с серой корой, что воробьи садятся ей прямо на голову.

2 июля. Яблоки засветились в листве, как фонарики. Прилетели серые пустынные синицы и продолбили в сочной мякоти дырки. Ребята с удовольствием срывают поклеванные яблоки: они самые спелые, самые сочные, самые сладкие!

15 июля. Поспели сливы, и снова заботы. По ночам пробираются в сад и портят сливы лесные сони. Надкусывают сливу за сливой — ищут самые спелые, самые сладкие. Больше испортят, чем съедят.

15 августа. Налились и зазолотились виноградные гроздья. И сразу серой тучей налетели нахальные воробьи. За ними розовой тучей розовые скворцы. Ребята встретили незваных гостей криками и барабанным боем. Крутили трещотки, стучали в старые тазы и ведра, размахивали рубахами. Не стрелять же воробьев и скворцов, ведь всю весну и лето они вредных насекомышей и саранчу уничтожали.

20 августа. На винограднике следы шакала и ежика. Оба ночью объедали ягоды с нижних кистей. Только их еще и не хватало!

1 сентября. В садах опадают урюк, груши, яблоки. Поленишься с вечера собрать — утром ничего не останется. Неслышно и невидно пробираются по ночам в сады барсуки и дикобразы, и все дочиста подбирают, как метлой выметут!

Джейраньи чаши

Толстая дудка-ферула словно веретено, воткнутое в песок. Из веретена, как спицы, торчат стебли. И в основании каждого стебля, у самого ствола-веретена, пазуха-бурдючок вроде зеленой чаши. После дождей в этих чашах скапливается вода. И, бывает, не мало, а стаканов пять — восемь.

Джейраны знают про эти потайные «роднички» на дудках, разыскивают их в жару и с наслаждением пьют из чаш воду. Охотники так и называют эти ферулы — «джейраньи чаши».

Чуть слышное позвякиванье — кто-то, наверное, тычется в пустой котелок с ложками. Выглядываю из-под полога — над котелком осы: желтые, черные, полосатые. Все сердито бодают котелок лбами. И чего это они на него сердятся?

На песке банка консервная — и ее осы бодают. Упорно, злобно, настойчиво. Дались им эти железки!

А звяканью нет конца. Эге — так они же хотят пить, они мучаются от жажды! Блеск жести им кажется блеском воды!

Скорей наливаю воды полную миску. Вся жаждущая летучая братия — осы, мухи и мушки! — роем опустились на миску и облепили воду каемочкой. Пьют не напьются — хоть руками бери.

Я их не трогаю, мне они не нужны. Но живет, говорят, в пустыне богомол-эмпуза, так тот ловит жаждущих на солнечный зайчик. Эмпуза странное насекомое. Весь он словно слеплен из сухих веточек, листиков и колючек. На голове блестящий вырост — в нем отражается солнце. Сам эмпуза не виден — лишь звезда на лбу горит, как росинка. Изнывающие от жажды мухи кидаются на живую «капельку» и попадают эмпузе в лапы. В пустыне всегда будут жаждущие. И, значит, эмпуза всегда будет сыт. Не зря эмпуза — значит чудовище.

Тарантулий посев

Каждый день мохнатая тарантулиха выползала из темной норы и грела на солнце свой кокон. Похож кокон на марлевый мешочек, набитый яичками. Не расставалась тарантулиха с коконом ни днем, ни ночью: так и носилась с ним, как с писаной торбой.

Наконец, солнце «высидело» яички, вылупились из них тарантулята. Прорвала тарантулиха паутинку на коконе — и хлынули тарантулята из дырочки ручейком. Выползло их с полтысячи — и все сразу на мать вскарабкались, облепили ее с ног до головы. Стала она похожа на взъерошенную головку репейника.

Тесно им стало в родной норе. Отправилась тарантулиха искать место получше. Приглянулся ей лужок — ровненький как посевное поле — и начала паучиха это поле своими тарантулятами засевать!

Ползет ровно и не спеша, и только время от времени задними

лапками взмахивает: взмахнет и спихнет со спины паучат, еще взмахнет — еще спихнет. Ну прямо как настоящая сеялка!

Паучата падают и разбегаются в стороны — на новом месте приживаются и укореняются.

Весь лужок засеяла тарантулиха паучатами. А сама, обессиленная, ткнулась под камешек и обмерла.

«Проклинающая солнце»

В самое злое пекло, когда все прячутся кто куда, агама вползает на вершину сухого куста и задирает голову в небо. Из-под тяжелых чешуйчатых век недобро поблескивают глаза: она смотрит прямо на огненное солнце.

«Беспощадный огонь, ты губишь в пустыне жизнь. Ты сжигаешь зеленый росток и обращаешь в прах цветы. От кустов и деревьев ты оставляешь одни скелеты. Последние капли воды ты превращаешь в пар. Коробится и стонет земля. С криком отчаяния раскалываются камни».

Так думают про агаму туркмены — жители жаркой пустыни. И потому называют ее — *проклинающая солнце*.

Розовая равнина

Сколько глазами видно — розовая равнина. Яркая, как небо, необъятная, как море. Розовое море в белоснежных берегах! Конечно же, это мираж.

Просто мы обалдели от солнца, просто голова кружится от жары — вот и мерещится!

Щурясь от нестерпимого блеска, мы из-под ладоней смотрим на чудо. Равнина пышет в лицо жаром. Цедим воздух сквозь зубы, как обжигающий кипяток.

Дует горячий ветер, но розовое море не морщат волны. Не вспыхивают блики солнца на розовых гребешках. Даже небо не отражается в этом море; наоборот, кажется, что эта розовая гладь отражается в небе. И небо от этого и все вокруг стало розовым. Все растворилось, плывет и колышется в розовом сиянии. И только по белым призрачным берегам, шипя и покачиваясь, бродят смерчи-вихри, похожие на белые привидения…

Что за странный мираж! Все впереди неверно, загадочно и непонятно. Дали дрожат, плывут и струятся. Кисельное море, молочные берега…

Какие-то сказочные птицы плывут над головой. Похожи на длинные палки с крыльями посредине. Палки белые, крылья красные: как будто палки летят и горят!

Но ведь это уже не кажется, это же настоящие розовые

фламинго! Вытянуты вперед длинные шеи, вытянуты назад длинные ноги, вспыхивают посредине розовые крылья. Неужто и все вокруг настоящее?

С тихим гоготом пролетают розовые птицы над головами и сразу же растворяются в розовом мареве. Голоса их еще слышны, а самих уже не видно над розовым озером. Вот где — на их родине! — начинаешь понимать, почему фламинго такого яркого цвета: цвет-то их яркий тут еле заметен!

Я шагаю с белого берега в розовую воду, но нога упирается во что-то твердое и хрустящее! Сапог продавил розоватую корочку, как наст, как тонкий ледок. А из пролома на светлую гладь выплеснулась черная жижа…

Нет, впереди не мираж. Впереди равнина, покрытая коркой соли. Видно, совсем недавно было тут соленое озеро. Вода еще и сейчас сохранилась, но где-то там, за горизонтом: туда и тянут фламинго. А мелководье иссушила жара: вместо воды легла на дно корка соли. А под коркой, как подо льдом, черный вонючий ил.

Я ломаю нежную розовую корку, и черная жижа под ней чавкает, булькает и сопит. Ноги вязнут все глубже и глубже…

Обманчив, как мираж, этот манящий розовый свет. Черная трясина подстерегает неосторожного путника.

Скорее на берег, присыпанный сухой белой солью! От нестерпимого блеска ломит глаза. Губы соленые и шершавые. Со всех сторон несется гогот птиц-невидимок. С шипением, покачивая белыми лебедиными шеями, ползают по берегам смерчи-вихри. И соленая поземка струится у ног.

Примета

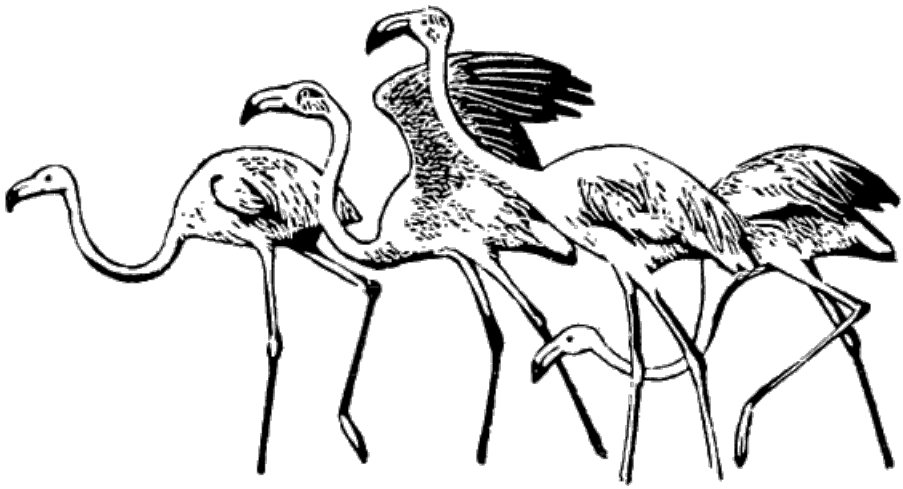
Есть примета: если фламинго с весны надстраивают свои старые гнезда — воды в озере будет много, а если прямо в старые гнезда несутся — лето будет засушливое.

Этой весной фламинго гнезда надстраивали: стали гнезда высокие, как глиняные тумбы. И точно: вода после дождей в озере поднялась. И непременно затопила бы гнезда, если бы фламинго их вовремя не надстроили.

Краснокрылы

Белые отмели и лазоревая вода. Тишина и покой. Струится знойная даль.

На лазоревой воде розовые острова. Это стаи краснокрылов — фламинго. Если подойти к такой стае, фламинго вытянут длинные шеи, зашагают на голенастых ногах, оглядываясь и гогоча, как гуси.



И вдруг — взрыв! Полыхнет над водой красное пламя и взметнется в синее небо! Это фламинго взлетели все разом, распахнув красные крылья. И вот уже не розовый остров на воде, а розовое облако плывет в небе.

Облако тает, распадается на красные стрелки, угольники, вереницы. И все скрывается за жаром пышущим горизонтом.

Фламинго, или краснокрылы, гнездятся в пустыне на глухих соленых озерах. Это мирные и дружные птицы. Даже гнезда свои, похожие на пеньки, они строят одно возле другого. Лепят гнезда из ила и глины.

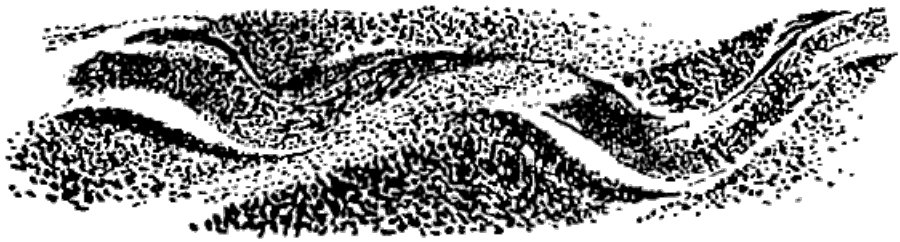
Старые фламинго не очень-то любят плавать. А малыши — отчаянные пловцы: чуть из яйца — и уже в воду! Плавать могут сразу, а вот ходить — только через две недели. А летать учатся и того дольше.

Только научатся летать молодые, — разучиваются летать старые. Линька у них начинается: выпадают большие перья на крыльях. Подолгу теперь бродят фламинго на мелководье, смешно семеня ногами, — будто танцуют. Это их «кормовой танец». Взмучивают ил со дна и вылавливают из него клювом разную мелюзгу. Сейчас им много еды надо, а то после линьки крылья могут стать не красными. А что за краснокрылы, если крылья не красные!

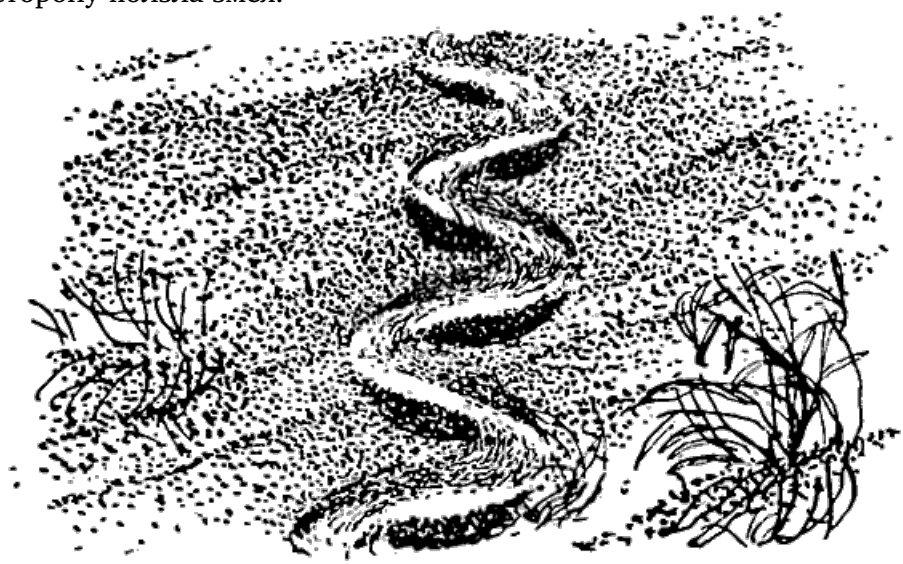
НА ЖЕЛТОЙ ТРОПЕ

По следу удава

След удава извивается по бархану. Иду по следу змеи. На ровном месте удав оставляет такой след. А когда карабкается на бархан — такой.



Удав упирается изгибами тела в песок, отталкивается от него, и от этого на изгибах следа получается гребешок сдвинутого песка. По этому-то гребешку и можно определить, в какую сторону ползла змея.



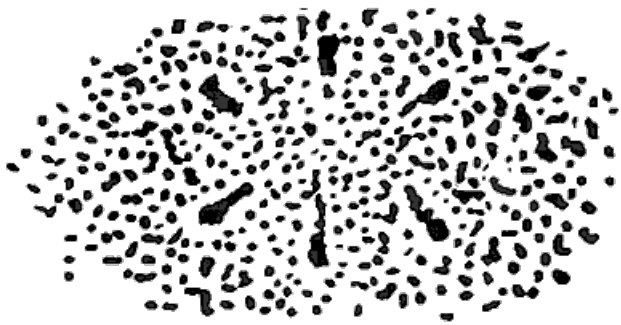
Я становлюсь лицом вдоль следа. Все гребешки сдвинутого песка *снизу* извивов — значит, удав полз *от меня*. А если бы гребешки были *сверху* извивов — тогда бы удав полз *на меня*.

Иду дальше по следу — с бархана на бархан. Вот на следу заглаженная и укатанная площадка. Здесь удав кого-то поймал и

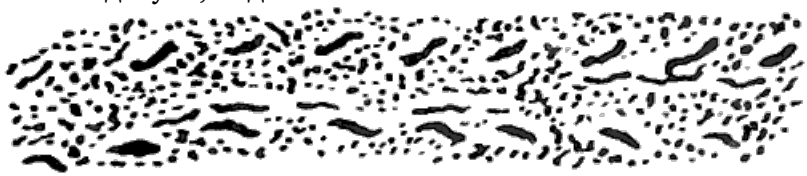
задушил. Ага, вот кого: рядом лежит измусоленный, облепленный песком тушканчик. Удавчик сумел с ним справиться, но не смог проглотить. Тут, наверное, удавчика и застало утро: он сунул голову в песок и нырнул в него, как в воду.

Следы неожиданные

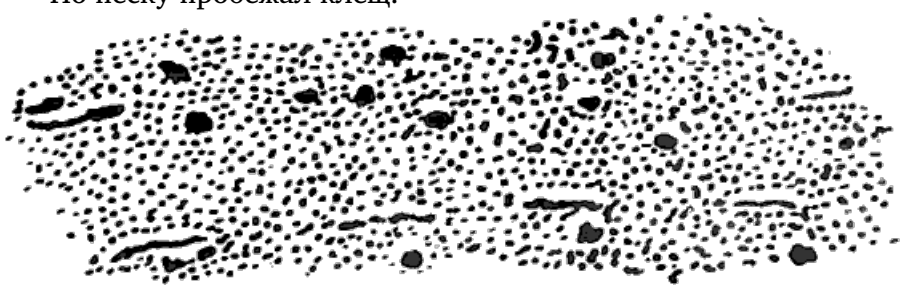
Кто бы мог думать, что можно идти по следу… мухи, клеща, паука! А тут можно, на песке все отпечатывается. Сумей только узнать.



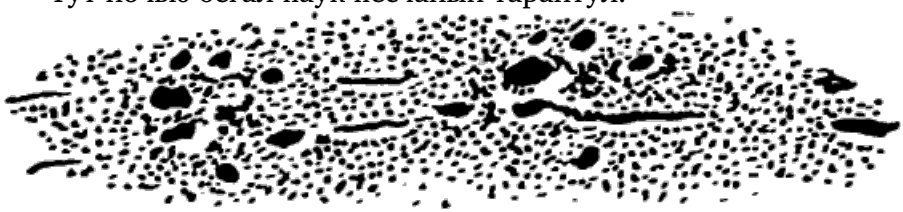
Это след мухи, сидевшей на песке.



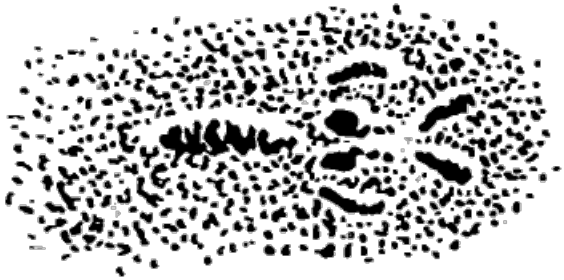
По песку пробежал клещ.



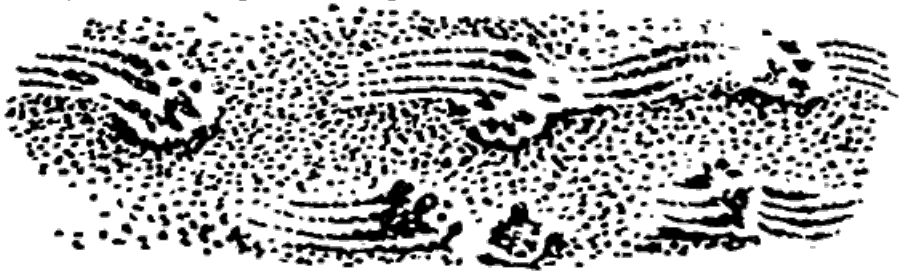
Тут ночью бегал паук песчаный тарантул.



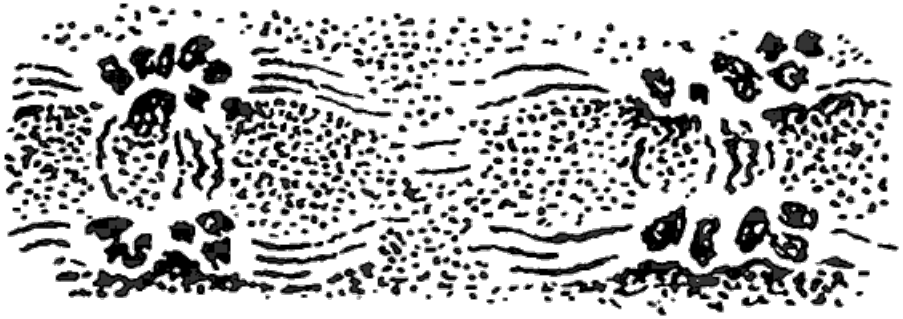
Проползла по песку молоденькая кобылка.



Тут сидела барханная саранча.



Можно наткнуться в песках на след… жабы. Не спеша ползла она по своим жабьим делам.



А тут жаба испугалась кого-то и поскакала.

С днем рождения!

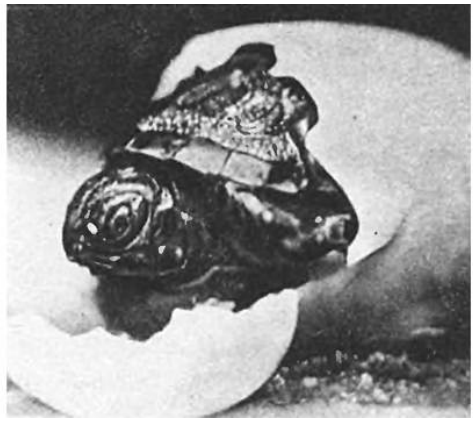
15 июля. В заброшенном арыке норка белого ежика. В норке ежата: розовые, слепые, с реденькими мягонькими колючками. Беспомощные: съеживаться не умеют и колоться еще нечем.

Только на пятый день у них глазки прорежутся, на шестой колючки начнут расти, а на седьмой начнут они съеживаться-сворачиваться и сердито сопеть.

День за днем

3 августа. Выклюнулись из яиц первые змейки-стрелки.

6 августа. В гнездах черепах вылупились черепашата. Но из песка не вылезли: остались спать под песком до весны.



7 августа. Гюрза снесла за 2 часа пять белых яиц. Яйца похожи на голубиные, только вытянутые.

8 августа. Летят с севера через пустыню камышовки, славки, завирушки, соловьи.

10 августа. Улетели стрижи — черные и белобрюхие. Нечего есть, комары и мухи попрятались от жары.

15 августа. Полетели через пустыню пеночки, мухоловки, вертишейки — все на юг.

20 августа. Улетели из пустыни зеленые и золотистые щурки: голодно!

23 августа. Ядовитая эфа родила десяток ядовитых эфят.

25 августа. Стали по утрам встречаться ночные змеи: ночью для них стало уже прохладно.

26 августа. Из яиц вылупились молодые гюрзята.

„ДЛИННОЕ УХО“

Слезопойки

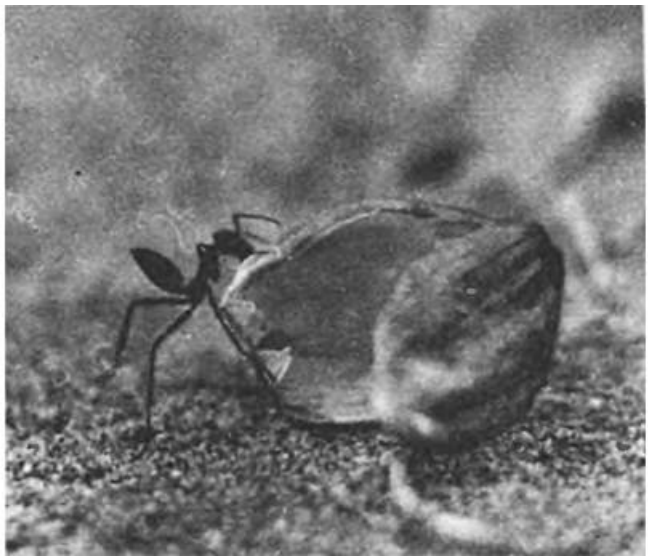
Жарко и сухо — воды, воды!

Я глотаю воду из фляги, капли капают на рубаху. Сейчас же на мокрые пятна липнут мелкие мушки и жадно сосут влагу. От резкого света слезятся глаза — те же серые мушки лезут в глаза и жадно пьют слезы. Пот выступает на лбу и на шее — мухи сосут и пот. Мухи — слезопойки и потоедки.

В пустыне и капля влаги зря не пропадет!

Хитрецы

До чего хитрые муравьи-фаэтончики: от солнца прячутся… на солнце! Задирают брюшко торчком вверх — и оно сразу в два раза становится меньше. А раз меньше, то меньше и нагревается!



Даже неопытная стрекоза, заброшенная ветром в пески, садится всегда так, чтобы хвостиком нацелиться прямо на солнце. И тогда вместо буковки «Т», на которую стрекоза сверху похожа, она превращается в чуть заметную точку.

Ежик бегает ночью

Белый ежик днем крепко спит. Не знает он ни цветов пестрых, ни росинок ярких, ни голубого неба. Потому что небо по ночам черное, трава и росинки — серые, а цветы не поймешь и какие.

И светит ежу по ночам луна, а не солнце.

Но зато в ее зыбком свете видит ежик такое, что нам и не снилось. Ах, если бы мог он сам обо всем рассказать! Да где ему: только урчит. Придется мне за него.

Вот вылез ежик ночью из-под куста и покатился. По песку

везде тени-бороздки, как частые ступени. Катится ежик. Не глазеет по сторонам, под ноги смотрит. Под ногами впадины, норки, трещины. Вот в норке огоньки зеленые — паук-тарантул живет. В трещине огоньки красные — геккон спрятался.

За кустом чьи-то розовые глаза. Над кустом глаза зеленые.

А вот целое созвездие катится с бархана! Вспыхивают, словно падающие звезды, кружат, как летучие светляки. А всего навсего-то овечья отара!

Не боится еж огненных глаз. Если что — съежится в колобок и переждет, пока они не погаснут.

Скрылась луна за черный бархан. И сразу погасло все. Скоро рассвет и солнце. Запестреют цветы, заискрятся росинки. Трава станет зеленой, а небо — голубым.

Но ежик уже будет спать. Он за ночь и не на то нагляделся.

Разноцветные склоны

Склоны оврага в четыре цвета: желтые, красные, серые и лиловые. Выложены мозаикой камешков, прокалены солнцем, отполированы ветром. Даже птицы и ящерицы на них разноцветные: серенькие на серых, желтоватые на желтых и лиловатые на лиловых.

Я хватаю лиловую агаму на лиловатом склоне, разглядываю ее вблизи. Вблизи она совсем не лиловая, а серая, как и везде! Я отпускаю агаму на красном склоне — и агама становится

красноватой.

Выпорхнул из-под ног красноватый жаворонок, перелетел лощинку, сел на лиловый склон — и сразу полиловел! Даже серые мои кеды на красном склоне какие-то красноватые, а на желтом — желтые. Я иду со склона на склон, и кеды мои перекрашиваются на ходу! Краснеют, желтеют, лиловеют.

Солнце слепит глаза, склоны сияют от солнца. И вот этот-то отблеск, это цветное сияние и окутывает все вокруг, как вуаль, как налет, как цветная тонкая пыль. Земля прячет своих детей, делает их невидимками. Желтое на желтом, лиловое на лиловом — разгляди-ка!

…И только на сером склоне агамы, и жаворонки, и мои кеды снова становятся серыми, как им и положено быть.

Кобра купается

Песок и камни так накалились, что живот кобре сквозь чешую жжет. Спряталась кобра в тень — но и в тени жарко. Вползла тогда высоко на дерево, но и там ветер не холодит, а сушит. Ручейком черной смолы стекла кобра по стволу дерева и нырнула в ручей. Прохладные струи сразу освежили горячее тело. Загнув кончик хвоста крючком, зацепилась кобра за утопленную коряжку, сама вытянулась по течению, высунула голову из воды и успокоилась.

Журчит-бормочет вода, пляшут на подводных камешках подводные зайчики. Черное тело кобры в ручье — как извилистая черная струйка. Круглый глаз — как сверкающий камешек, быстрый язычок — как трепещущая травинка…

Змея в очках

Кобра с каждым днем видела хуже и хуже. Все вокруг стало какое-то мутное, неясное и расплывчатое. Кобра все слышала, все чуяла, но почти ничего не видела. Глаза стали белые, будто она белые очки надела.

Нет, это не старость и не болезнь: просто пришло время линять. Под старой чешуйчатой кожей выросла новая: яркая, чистая, эластичная. Из старой пора выползти, как из длинного

целлофанового мешочка.

В норе песчанки, тычась мордочкой в комья земли, надорвала она кожу у губ и, протиснувшись в тесную щель, стянула кожу с себя, как чулок с ноги. Вместе с кожей сползли с глаз и матовые очки. Ведь глаза у змей тоже линяют.

И сразу мир вокруг просветлел. Черные глаза кобры снова видели все четко и резко. Кобра снова была готова охотиться и защищаться.

Осторожно ощупывая путь язычком, заструилась она к светлому пятнышку впереди — выходу из норы. А в норе остался ее выползок — старая кожа с бело-матовыми очками.

Кобра и божьи коровки

В желудке кобры нашли… божьих коровок! Вот тебе раз! Дьявольская змея и божьи коровки! Зачем ей тогда острые зубы и страшный яд?

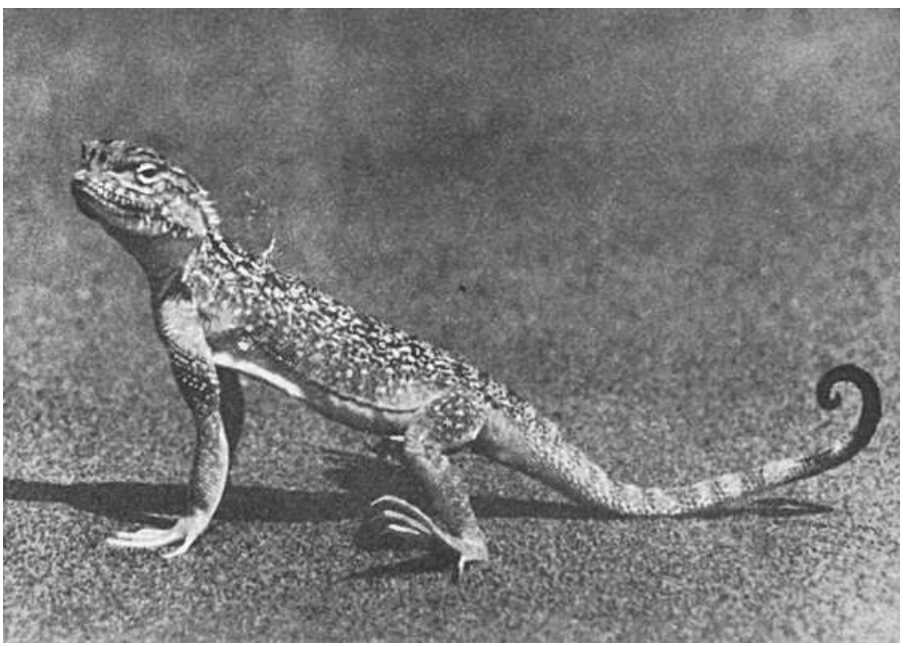
Только уж потом догадались: кобра проглотила жабу, а жаба до этого наглоталась коровок.

Сколько земли?

Семья слепушонок выбрасывает за день 7 кучек земли. На одном гектаре живет 6 семей. За день на гектаре все слепушонки выбросят $6 \times 7 = 42$ кучки земли, каждая в 1500 $см^3$. За год на гектаре будет выброшено $42 \times 365 = 15\,330$ кучек общим объектом $15\,330 \times 1500 = 23\ м^3$. Если все кучки собрать вместе, то на каждом гектаре можно сложить из них земляной вал шириной и высотой в метр и длиной в 23 метра!

Кому жарче?

Положил градусник на песок — показывает $+50^\circ$, поднял над головой — всего 20°. Значит, кто выше ростом — тому и прохладней в пустыне. Удавчику на песке словно на сковородке — все 50° жгут живот. Жуку-скарабею на ножках — уже 48. Ушастой круглоголовке, если на лапках поднимется, 47. Суслику 44, зайцу — столбиком! — всего 35. Джейрану и сайге по 30, кулану 25, а агаме на кусте саксаула — только 20. Не зря орлы в пекло поднимаются к облакам!



Сколько саранчи?

За день розовый скворец съедает 70 саранчуков. В средней стае скворцов 200 птиц. За день такая стая съест 14 000 саранчуков. Вес саранчука 3 грамма. Сорок два килограмма саранчи в день!

В средней гнездовой колонии розовых скворцов 1000 птиц. Такая колония съедает за день 210 килограммов вредной саранчи. А за месяц? А за лето? А за год? А вместе с птенцами?

А ведь бывают колонии и в 20 000 птиц. И у каждой пары по пять птенцов. Посчитайте-ка сами!

Зверек, которого никто не знал

В 1938 году в самом сердце суровой пустыни Бет-пак-Дала нашли зверька, которого до этого никто не знал. Даже зоологи удивленно развели руками: ни в каких списках такой зверек у них не значился. Но раз он есть, то надо его описать, назвать и определить, к какому роду-племени отнести.

Назвали зверька *селевинией* — в честь ученого Селевина В. А., который этого зверька нашел. Потом стали думать, к какому же роду относится селевиния? И тут оказалось, что среди всех зверей земного шара нет такого рода! Может, тогда хоть семейство подходящее есть? Семейство все-таки шире, чем род. К семейству кошек, например, относят и огромного дикого тигра и маленькую домашнюю кошку. Но и семейства для селевинии подходящего не нашлось!

Загадал зверек ученым загадку. Пришлось придумывать для него не только новое имя, но и новый род и новое семейство. Так и появилось в огромном отряде грызунов новое семейство селевиниевых, новый род — селевиниевые, и новый вид — селевиния.

Живет этот симпатичный зверек в пустыне Бет-пак-Дала, и нигде в мире его больше нет.

Ручной зверек

Селевиния на редкость ручной зверек. И ловят его просто руками. Поймают, посадят на ладонь — и он сидит себе

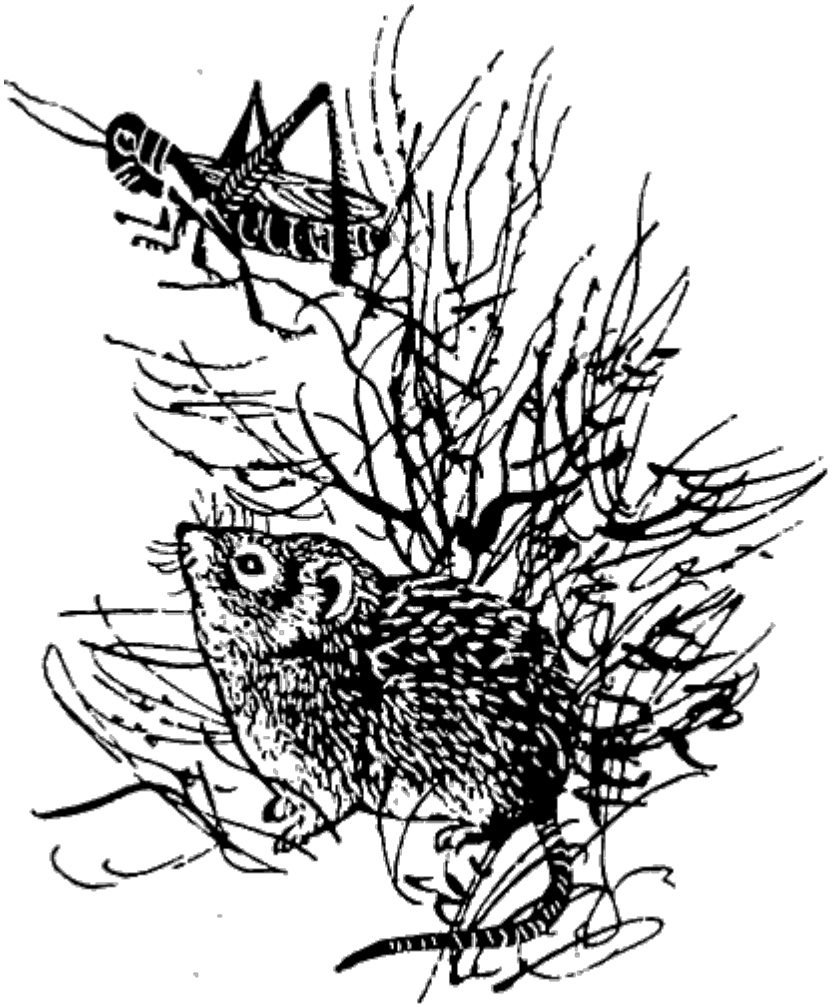
спокойненько, умывается. Как будто бы на руках вырос. И даже угощение из рук сразу берет.

На другой же день неволи при виде человека садится на задние лапки и смело тянет навстречу передние: просится на руки. Берет с ладони жуков и кузнечиков, пьет с пальца воду. Сидя на ладони, любит причесываться и умываться. И никогда не кусается.

Дикий зверек, а совсем ручной.

Селевиния на охоте

Когда на пустыню опускаются сумерки и пустынные кузнечики заводят свои трескучие песни, селевиния выходит на охоту. Насторожив чуткие широкие уши, она поводит ими, как антеннами пеленгатора. Нацелившись ушами на ближнего кузнечика-певуна, она бежит к нему неслышно, но быстро. Кузнечик поет на самой вершине боялыча. Кузнечик чувствует себя там в безопасности: если кто снизу к нему полезет — он услышит, если кто налетит сверху — он увидит. Увидит, сразу разожмет лапки и камнем упадет в самую гущу колючего куста: попробуй его там найди!



Но тихо сейчас и снизу и сверху, и кузнечик беспечно стрекочет. А селевиния сидит внизу под самым кустом и слушает. И вдруг на чистом кузнечиковом языке громко кричит: «Тревога, спасайся!» Кузнечик сразу умолкает, разжимает лапки и бросается вниз — прямо зверьку в зубы!

Обед с неба прямо в рот падает. Охотница тут же начинает закусывать. А ушки ее снова шевелятся, поворачиваются как антенны: не поет ли где вблизи новый кузнечик?

Чим-чим и биб-биб

Охотники в пустыне птиц и зверьков называют так, как те

сами себя зовут. Услышат, что птичка чирикает «чим-чим, чим-чим!» — и называют ее «Чим-чим». А эта с вершины саксаула на всю пустыню кричит «чур-чур-чур-чури!». Значит, эта птичка «Чур-чури».

Зверек у норки посвистывает «биб-биб, биб-биб!» Это зверек «Биб-биб». Птица в камнях надрывается «кек-лик, кек-лик, кеклик». Нечего долго раздумывать — это птица «Кеклик». А эта птица «Чиль» — она то и дело кричит «чиль-чиль».

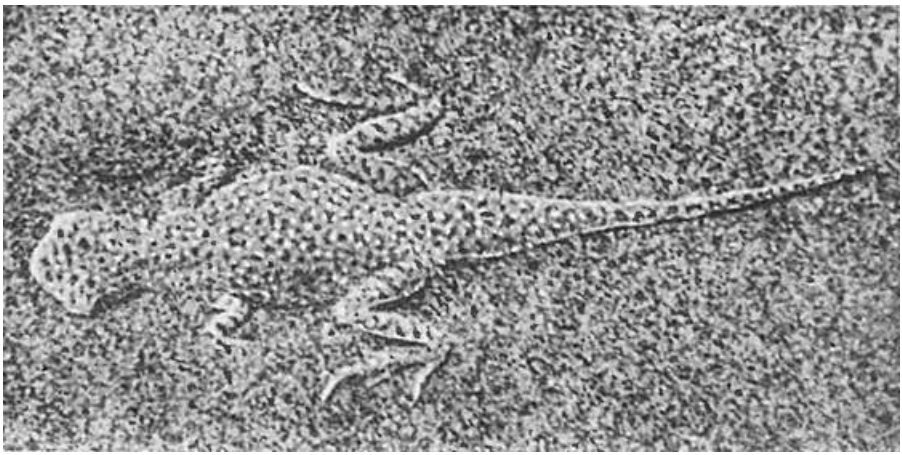
Охотникам птицы сами себя называют, и остается только с охотничьего на русский перевести. «Чим-чим» — воробей, «Чур-чури» — саксаульная сойка, «Биб-биб» — большая песчанка, «Кеклик» — горная куропатка, а «Чиль» — куропатка пустынная. Только-то и всего!

Завтрак в постель

Когда пасмурно и свежо, ушастая круглоголовка охотится, не покидая теплой постели. Только высунет из-под песочного одеяльца свой нос и ждет: не присядет ли рядом муха, не побежит ли поблизости жук? Не подадут ли ей завтрак прямо в постель?

Песочное одеяльце

Мы укрываемся одеялом ватным, байковым, шерстяным, а ящерица-круглоголовка… песочным! Чуть солнце на закат и чуть холодком потянет — ложится круглоголовка животом на песок и начинает дрожать. Дрожит, трясется и… тонет в песке! Вместе с головой, хвостом и ногами! Только что тут была ящерица, и вот — чистый песок. Ровное песчаное одеяльце. Ветерок дунет — последние складочки заровняет. Так и спит круглоголовка всю ночь под песочным своим одеяльцем в тепле и покое.



События на крыше

20 июня. На плоской крыше, на солнечном припеке, расстелили дерюжки и на них насыпали тутовые ягоды. Потом ягоды разровняли тонким слоем и оставили сушиться. Воробьи, конечно, такой случай не прозевали и до того наклевались ягод, что тут же на крыше и задремали.

10 июля. На крыше сушат нарезанные ломтиками яблоки.

20 июля. Все крыши стали лиловыми от рассыпанных на них слив. На всех крышах пахнет компотом.

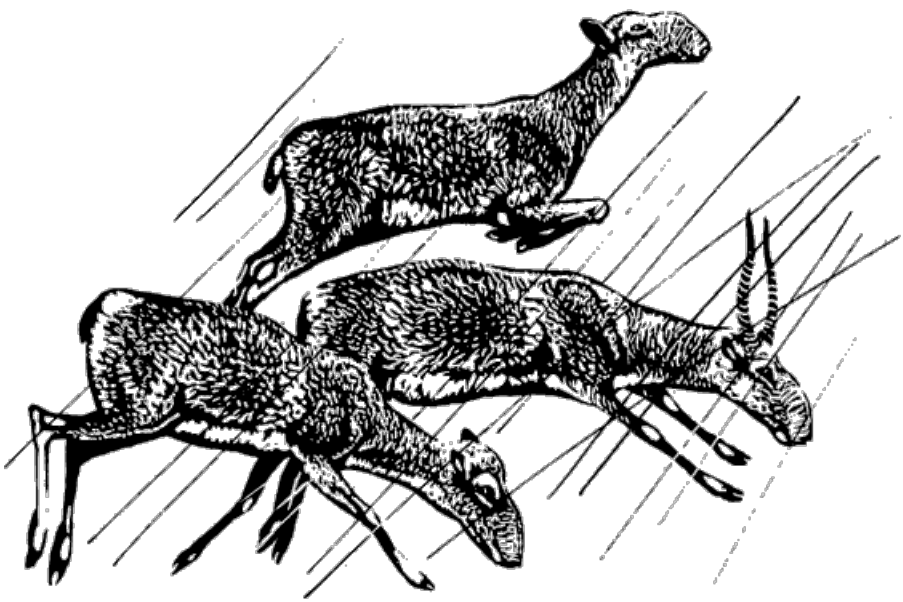
5 августа. Крыши словно в золотой черепице — выложены кусочками дыни! Крыши гудят: десятки свирепых ос кружатся над пахучими дольками.

25 августа. На крыше сушат ягоды винограда. Пока жгучее солнце не превратило еще сочные ягоды в сухой изюм, в них вгрызаются осы, клюют пестрокрылые майны и разворовывают воробьи. Ребятам забота: кричат и размахивают руками.

Сайгачьи дожди

Стоит только седым космам дождя обрушиться на иссохшую землю — откуда ни возьмись появляются и сайгаки! Словно они вместе с дождем с неба падают. Охотники называют такие дожди «сайгачьими дождями». Уверяют, что будто бы сайгаки специально выслеживают дожди, в степи-то им далеко видно. Как увидят сайгаки космы над горизонтом, так и бегом к горизонту на водопой. Что для их ураганных ног какая-то сотня километров! И только ливень на землю, — а они уже тут как тут! Бегают от лужи к луже, опустив горбоносые головы, жадно сосут мутную воду. Чмокают мягкие губы, вода булькает в высохших глотках. А черные выпуклые и зоркие глаза снова высматривают: не тянутся ли где по горизонту новые космы, не идут ли где сайгачьи дожди?

Волков ноги кормят, а сайгаков ноги еще и… поят!



Мышиные дыни

На бахче дыни созрели. Срезать их пора, а хозяин все медлит. «Пусть наливаются: разрежу потом — сок так и брызнет, поднесу к губам, — а в нос аромат!»

Вот собрался, наконец, срезал самую большую, покачал на

руке — что-то уж легка больно. Разрезал ее, а она — пустая! К носу поднес — фу, гадость! — мышами пахнет. Вторую схватил — и вторая пустая, третью — и третья. Кожура целая, а внутри пусто — как футбольные мячики!

Под каждой дыней в земле оказалась дырочка. Через этот подкоп невидимо пролезали снизу из-под земли внутрь дыни мыши и беззаботно внутри пировали. И никто мышам не мешал: все шито-крыто, ничего сверху не видно. И осталось от дынь одно лишь название. Какой с них толк. Лежат как коробки без конфет, как бутылки без лимонада.

Опасный обед

Не нашла степная гадючка вкусную мышь, пришлось всякую дрянь глотать. Под камнем скорпиона поймала, под кизяком фалангу мохнатую, в норке — паука тарантула, в ямке — паука каракурта. Того самого, от которого даже верблюды дохнут.

Не очень обед вкусный, но зато сытный. После еды в сон потянуло: сладко спит, сладкие сны видит. Мышек, скорее всего…

Непьющие

В самое пекло дежурили мы у родничка — составляли список непьющих. За два месяца ни разу не пила саксаульная сойка, дятел, синица, вертлявая славка. Ни разу не прибегал к роднику заяц, песчанка, ежик и тонкопалый суслик. Не приползала эфа, варан, агама и круглоголовка. Может, они и всю жизнь не пьют? Может, и пить-то совсем не умеют? Может, и воду в глаза не видали?

Вкусный столб

Термиты съели телеграфный столб! Обмазали его снизу доверху глиной, словно куриную ножку горчицей, и, укрывшись в любимой своей темноте под глиняной коркой, принялись за еду… И остались от столба рожки — белые косточки-изоляторы, да ножки — подпорки бетонные.

А по соседству другие термиты съели… узкоколейку! Как и столб, залепили сперва все шпалы глиной, а потом источили их в порошок. Рельсы осели на землю, железные костыли повывалились. Хорошо еще, что поезда по ней уже давно не ходили.

Ржавый нос

Странные стали встречаться на солоноватых озерах кулички — с заржавевшими носами и ножками! Это первые гости с севера. Там у себя на севере, на лужках, болотцах и мочежинках, в которых рыжая застойная вода покрыта цветными разводами, они и «заржавели». Заржавевшие гости принимают соленые ванны: отмачивают ножки в соленой воде, тычат носы в соленый песок — помаленьку очищают ржавчину.

Потерянные воротнички

До чего ж нарядные воротнички были весной у летящих на север куликов-турухтанов: белые, рыжие, черные! Кулички носили их словно венки из цветов. То и дело заглядывали в зеркальца луж, любуясь на свое отражение.

И вот кулички снова вернулись: яркие их воротнички потускнели, пообтерлись, пообносились за лето. И теперь сыпятся и спадают при каждом поклоне. Ветер сметает в лужи цветные перышки — остатки прежней куличиной гордости и красоты.

Неряха

Летучая мышь где ест, там и сорит. И вот скопилась у ней в уголке под крышей всякая всячина: пестрые крылья бабочек — словно фантики от конфет, черные надкрылья жуков — как шелуха от подсолнухов, блестящие крылышки стрекоз — обертки целлофана. Мышь все ест и ест, а горка мусора все растет и растет.

Барахольщик

(Рассказ зоолога)

Утром поели всухомятку, торопились, думали до жары добраться до гор. Добраться все равно не успели, а от сухомятки — консервов и хлеба — получили изжогу.

«Плох у человека желудок, — думал я, сплевывая горькую слюну. — Взять, к примеру, кукушку. Нежная птица, а целиком глотает волосатых гусениц, — и ничего, не плюется. А ведь гусеничьи ворсинки впиваются ей в желудок, да так густо, что желудок кукушки становится похож на меховую рукавичку. А изжоги не бывает!»

Глазами я искал в желтых холмах зеленое пятнышко: в пустыне где зелень, там и вода. Водой я хотел перебить горечь во рту. Родничка с водой не нашел, но совсем близко увидел кочевку.

Кочевка — сарайчик, сложенный из дикого камня чабанами, — была пуста. Чабаны давно перегнали скот на

высокие горы, где солнце не выжигает траву.

У кочевки одиноко бродил вразвалку стервятник. Рыжая грива перьев у него на шее важно топорщилась. Цвета он был белого с черным; клюв тонкий и длинный. От жары он клюв разинул и волочил полураспущенные черные крылья. Стервятники питаются падалью и любят вертеться у кочевок, где ночует скот.

Но что могло привлечь стервятника к этому заброшенному кочевью?

Падали тут нет, одна сухая земля да камни.

Я навел на стервятника бинокль. Это был старый самец. Лицо голое, морщинистое. Снизу шеи — полуголый мешок-зоб. Туда попадает проглоченная пища. Зоб был раздут. Тонким своим клювом стервятник переворачивал сухие лепешки кизяка и хватал из-под них больших черных, крепких, как камни, жуков-навозников.

— Оголодал, бедняга, — пожалел я стервятника. — Видно, стар очень, в горы подняться уже не под силу даже за падалью.

А разве сможет его желудок переварить этих твердокаменных жуков?

А стервятник клювом отломил кусок кизяка и тоже проглотил! Вот обрывок сыромятного ремня нашел — и туда же, в свой кожаный мешок! От брошенной кошмы клок войлока оторвал. Неужели проглотит?.. Проглотил!

А это что? Скорпион! Черный, большой, с клешнями, как рак. Членистый хвост угрожающе задран, на конце хвоста ядовитый шип. На такого и сапогом наступить страшно. А стервятник его — в рот! Обрывок газеты, лоскут, которым котел вытирали, — все глотает, только шеей поводит: видно, туго идет.

Нет, это не птица! Это какой-то барахольщик с торбой, набитой утилем!

От одного вида его пищи изжога моя стала невыносимой. Каково же будет стервятнику? Его ждет медленная мучительная смерть. Лучше я застрелю эту несчастную птицу, тем более она мне нужна для коллекции.

Я пошел к ней по ветру: поднимаясь с земли, стервятники всегда тянут против ветра. Выстрелил я в тот миг, когда поднявшаяся в воздух птица, налетев на меня, растерялась и отчаянно замахала крыльями.

Большие черные крылья стервятника подломились, и он гулко ударился о засохшую землю. Когда я его поднял, он был уже мёртв. Грозно взъерошенная грива перьев на его шее дрябло обвисла.

Первым делом я прощупал его зобный мешок. Мешок был полон, сильно раздут и еле помещался в моей горсти. В нем хорошо прощупывались крепкие кругляши — жуки-навозники. Когда я нажимал, они поскрипывали друг о друга жесткой броней своих надкрылий.

Вскрыть зобный мешок тотчас и разобраться в этой торбе барахольщика времени уже не было: стало темнеть. Я повесил птицу на высокий и страшно колючий куст держи-дерева, чтоб не утащили ночью шакалы, а сам поспешил к воде: напиться и смочить голову.

Утром, чуть свет, я взялся за стервятника. Вскрыл ножом зобный мешок — и ахнул! Мешок был пуст! В нем осталось только немножко войлока.

Но ведь вчера он — я своими руками щупал — был туго набит. Значит… значит, стервятник — мёртвый! — переварил за ночь всю эту дрянь! И каменнотвердых жуков-навозников, и кизяк, и скорпиона! И бумагу, и тряпку! Я думал, он от такой пищи издохнет, а он ее и мертвый переварил!

Ну и птица! Ну и желудок! Куда там кукушкиному!

Провозился я со стервятником — и опять не успел приготовить себе горячей еды: снова поел консервов и хлеба. Но изжоги на этот раз почему-то не было. Куда там!

События на бахче

15 июня. Почему-то вдруг у некоторых арбузов и дынь завяли и пожелтели листья. Оказалось, слепушонка прорыла под ними свои ходы и перегрызла корни. Пришлось слепушонку ловить. Это совсем просто. Надо в одном месте разрыть слепушонкин ход.

Она страсть не любит сквозняков, сейчас же прибежит норку заделывать. Тут ее легко подцепить лопаткой и схватить негодницу за шиворот.

25 июля. Поспели арбузы — прямо сахарные! На сладенькое сразу же прискакали зайцы, тушканчики и мыши. Зайцы прогрызли арбузы сверху — как граблями их ободрали. Тушканчики иззубрили с боков — как вилками оцарапали. Ну, а мыши вгрызлись в арбузы снизу, прогрызли в арбузах тоннели и забрались прямо в красную мякоть.

30 июля. Дыни поспели! Утром хотели собрать, но нас дикобраз опередил. Пробрался на бахчу ночью и многие дыни попортил, прогрыз в дынях огромные дыры. Ни кожура, ни мякоть ему, оказывается, не нужны: семена подавай! Семена изнутри выгрыз, а огрызки мякоти и кожуры сложил в аккуратные кучки. Жулик-аккуратист!

3 августа. На разгрызенные дикобразом дыни слетелись птицы: удоды, жаворонки, воробьи. Все тычут носами в сладкую мякоть, сразу наедаются и напиваются.

10 августа. Испорченные зайцами, тушканчиками и мышами

арбузы прокисли, запахли. Ночью набились в них жуки и бабочки — сосать забродивший сок. Обалдели от хмельного сока: жужжат; копошатся, толкаются. Бабочки кружатся, крылышками трепещут, жуки на спину опрокидываются и сучат в воздухе ножками.

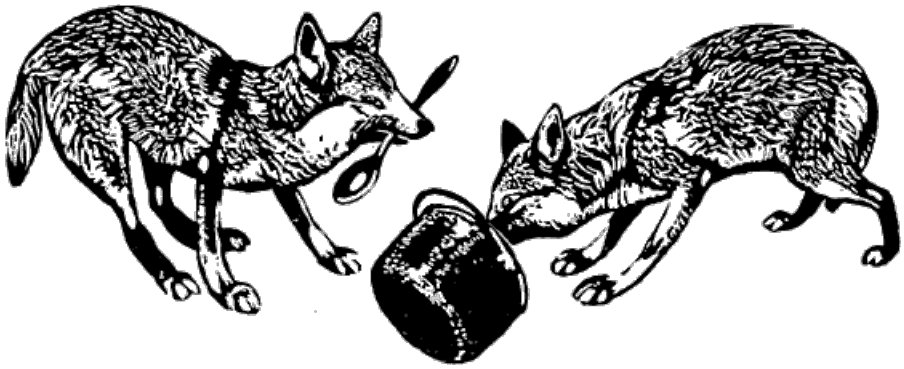
12 августа. У дырявых арбузов и дынь вечером ползали и прыгали пятнистые жабы. Ловко хватали липкими языками опившихся бабочек и жуков. Целая цепочка событий: арбузы и дыни приманили из пустыни зверьков, потом приманили насекомышей, насекомыши приманили жаб. Не хватает еще, чтобы на жаб змеи сползлись!

13 августа. И сползлись! Большущий полоз сегодня проглотил жабу. Мы его трогать не стали: может, он и мышей с тушканчиками на бахче переловит? А на зайцев и дикобраза натравим собаку.

15 августа. Со зверьками справились — птицы напали! Прилетели утром вороны, сороки и носищами своими продолбили в арбузах и дынях дырки. Все началось сначала. Выставили против птиц чучело.

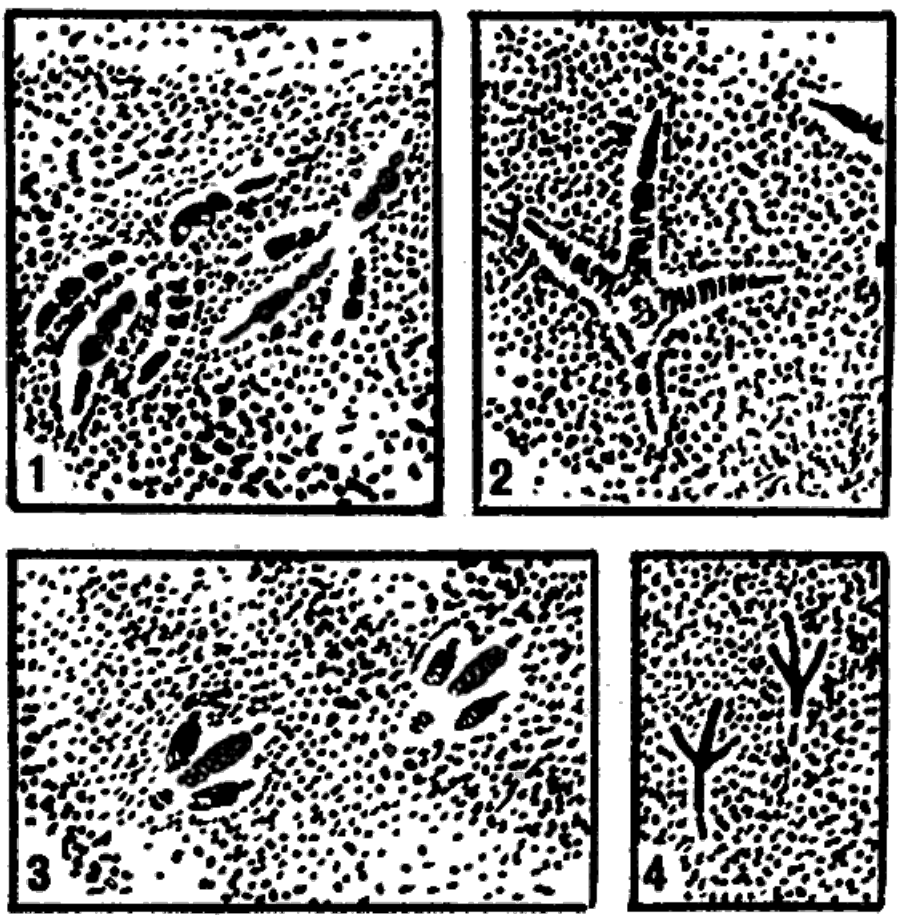
17 августа. На самый дальний край бахчи ночью пробрались волк, лиса, шакал и, кажется, даже гиена. Это уж мы утром по следам узнали. Много они изгрызли дынь и арбузов, истомились в пустыне от жажды-то. Кто бы мог подумать, что эти клыкатые хищники на арбузы польстятся?

18 августа. Послали в караул Мамеда. Но Мамед вместо ружья забрал с собой котелок с пловом, большую ложку и круглую лепешку. Вечером съел он котелок плова, закусил половинкой лепешки и выпил два чайника чаю. Потом разулся, разделся и забрался в шалаш. Ночью прибежали на бахчу шакалы, все высмотрели, вынюхали, выслушали и снова погрызли арбузы и дыни. А потом подкрались к шалашу и украли Мамедову ложку, любимый Мамедов ремень с блестящей пряжкой, грязное кухонное полотенце и Мамедовы сандальи вместе с носками. Хотели и котелок прихватить, но он противно задребезжал, и его бросили. А Мамед так храпел, даже и от звяканья не проснулся.



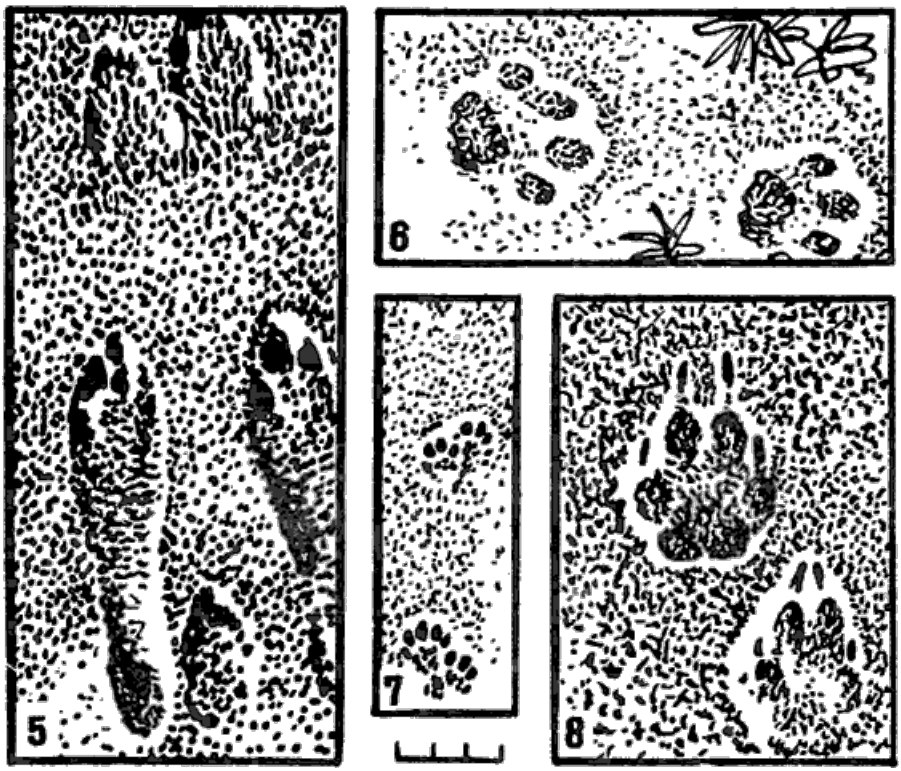
НА ЖЕЛТОЙ ТРОПЕ

Птичьи следы



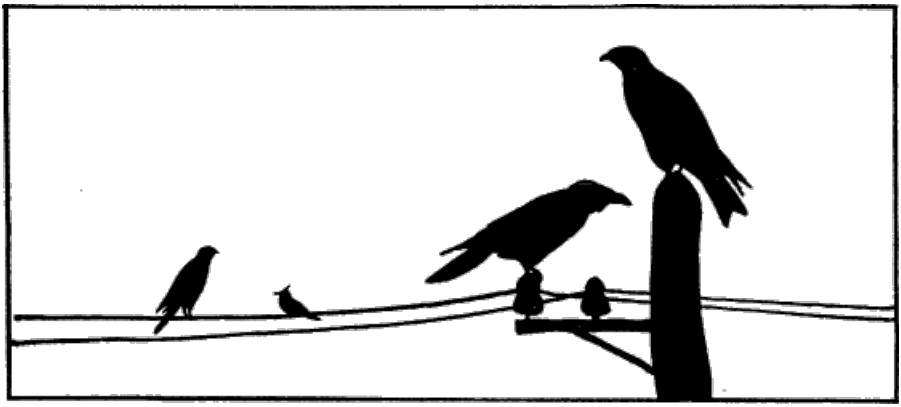
1) Следы пустынного ворона.
2) След фазана.
3) Следы пустынного воробья.
4) След авдотки.

Следы зверьков



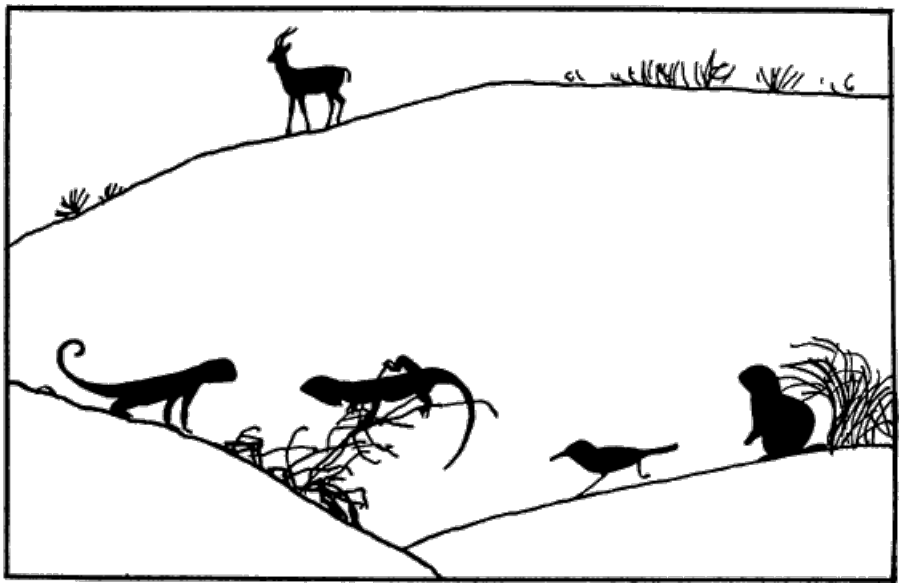
5) След зайца-песчаника.
6) След степного кота.
7) След лисицы.
8) След слепушонки.

Силуэты на проводах



На проводах сидят пустельга, жаворонок хохлатый, а на столбах — ворон пустынный и черный коршун.

Силуэты на барханах



На голых барханах любят стоять ушастые круглоголовки. Иногда на самый гребень садятся, а потом быстро бегут по нему саксаульные сойки. Бывает, джейран остановится и долго всматривается в горизонт. А рядом, на сухом саксауле, замерла ящерица агама. У куста селина суслик торчит столбиком.

Силуэты на небе

Вот так видишь снизу пролетающую щурку, тиркушу, рябка чернобрюхого и пустельгу. Щурки то быстро машут крылышками, то парят. Тиркуши и рябки пролетают стремительно, только крылышки мельтешат. Зато пустельга любит покрутить в небе или повисеть на одном месте, быстро-быстро маша крылышками.

С днем рождения!

3 августа. У колючих дикобразов родилась тройня. На папу с мамой смотреть страшно: зубами скрипят, ногами топочут, иголкаками тарахтят! Вот так они разволновались. Как две сердитые вязанки хвороста, как два взъерошенных снопа тростника, как два мотка колючей проволоки! Тридцать тысяч иголок — и все дыбом! Ногой боязно тронуть!

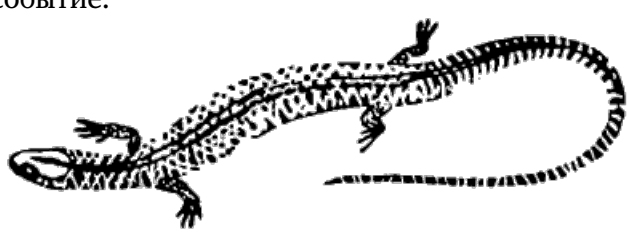
А дикобразики — вполне симпатичные тюфячки. Иголки мягонькие, короткие, плотно приглаженные. Глаза — черные капельки. Мама их забавляет, колючим хвостом гремит, как погремушкой, а папа хрюкает на разные голоса. Одна беда: малышей трое, а сосков у дикобразихи всего два! И потому в каждый обед у малышей потасовка. Но после обеда все мирно лежат вверх животами. Так и хочется эти животы пощекотать пальцем.

НЕВИДИМКИ ПЕСКОВ

ПАНЦИРНЫЙ ГЕККОНЧИК. Вот послушайте, что говорят об этом гекконе знатоки: «Экология совершенно неизвестна. О местообитании и образе жизни сведений нет». И поймано до сих пор всего-навсего пятнадцать гекконов. Ловили их на берегах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи у Ташкента.

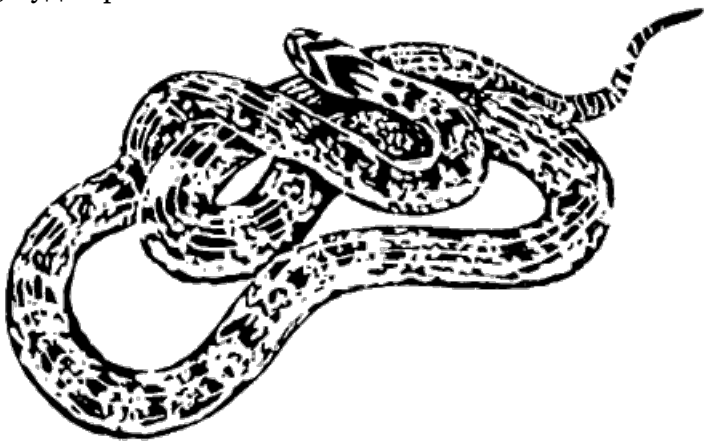
ЯЩЕРИЦА ПУСТЫННЫЙ ГОЛОГЛАЗ. «Данных об образе жизни этого вида нет». А ведь живет он на большой территории: от Аральского моря до озера Иссык-Куль. Многие юннаты его могут найти, постараться надо, конечно.

КОРОТКОНОГАЯ ЗМЕЕЯЩЕРИЦА. «Экология неизвестна». «Один раз была добыта у селения Пул-и-хатун в Туркмении». Всего один раз! Выходит, что даже простая находка этой ящерицы уже целое событие.

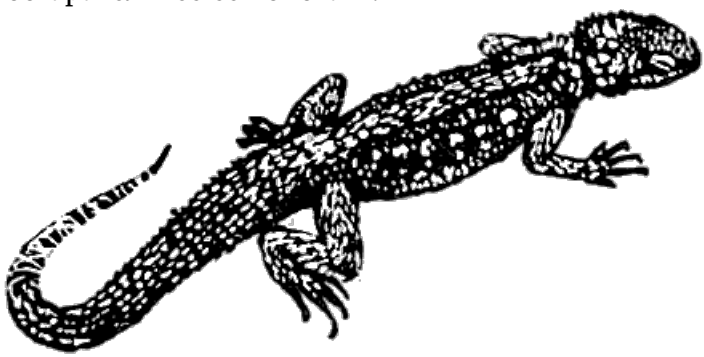


ЗМЕЯ ОЛИГОДОН ИЗМЕНЧИВЫЙ. «Известен лишь по

одному экземпляру, добытому в Копет-Даге». Понятно, что о повадках этой змеи никто ничего не знает. Где живет, чем питается, куда прячется зимой? Тайна.



АГАМА ХОРОСАНСКАЯ. «Экология почти неизвестна». А ведь это крупная и заметная ящерица. И охотится она не ночью, а днем. И любит греться на видных местах. Нужно, наверное, только постарательнее ее поискать.



Кто что умеет?

ТОНКОПАЛЫЙ СУСЛИК может бегать по раскаленному до 66° песку. И может учуять луковичку тюльпана сквозь песок.

БАРХАННЫЙ КОТ может без вреда для себя есть скорпионов, фаланг и тарантулов.

ЕЖ может выдержать 40 смертельных для морской свинки доз змеиного яда.

ПУСТЫННЫЙ СОРОКОПУТ умеет вялить на солнце ящерок,

жуков, саранчу, птичек.

ПУСТЫННЫЙ КОЗОДОЙ может целиком глотать больших твердокаменных жуков. А потом еще глотает и камешки. Камни, как жернова, перетирают в желудке жуков. Клин вышибает клином!

ЗЕМЛЯНЫЕ ЗАЙЧИКИ могут в закупоренной норе, глубоко под землей, точно угадывать, что наверху уже зашло солнце. Через полчаса после заката они разом, как по команде, вдруг начинают «раскупориваться» и вылезать из норок.

Защитник

«Летом я сплю на террасе — в комнате жарко. Будят меня ласточки — их гнездо прямо над головой. Как начнут щебетать — значит, пора просыпаться. Но раз допоздна проспал и слышу сквозь сон уже не щебет, а крик, писк и визг. Ласточки меня будят! А просыпаться до того неохота, до того неохота — хоть бери метлу и разгоняй крикунов. А ласточки не унимаются. На их крики еще и соседние прилетели. Шум да суматоха, мертвый не улежит.

Открываю сердито глаза, а по карнизу, над самой моей головой, ползет к ласточкину гнезду змея! Тут уж не до сна! Еще на голову свалится! А ласточки на нее так и налетают, так и набрасываются.

Но змея, видать, бывалая: на больших ласточек внимания не обращает, а ползет прямо к гнезду с малышами.

Пока я палку нашел, да пока прибежал, ласточка тоже что-то принесла в клюве и положила на край гнезда. Пригляделся — да это же богомол! Большущий! Встал на дыбки, передние лапки к груди прижал — будто молится. Помоги, мол, господи, спастись от змеи. И только змея нос к гнезду сунула — ка-ак стукнет ей по башке! Змея дернулась, да с карниза на пол. Шлепнулась, заизвивалась, а тут я ее палкой! И пока нес на палке, чтобы в кусты выбросить, разглядел, что богомол-то ей оба глаза выколол!

Я и раньше слыхал, что птицы, когда к гнезду подползает змея, нарочно богомола приносят. Но не очень-то этому верил. А вот теперь сам увидел».

Дояр

«Козье молоко я не люблю, по мне хоть бы его и совсем не было. Это все знают, и потому никто не думает, что я, пастух, сам чужих коз выдаиваю. Не я их выдаиваю, я знаю теперь, кто это делает. Я этого дояра недавно поймал. Давно я его подозревал, я теперь точно знаю.

Легли, значит, козы в жару под кусты. Лежат, жуют, спины рогами чешут. А я чай кипячу. И только кончил чай на костре булькать, слышу будто кто-то чмокает за кустом. Встал тихо, подхожу — коза за кустом лежит. А из-под козы кто-то как кинется прямо мне под ноги!

Вижу — чикимер, варан по-русски. Рот разинул, горло раздул. Я не растерялся, да сапогом на его хвост. А он как вцепится в сапог зубами — как собака! Я за хвост его, тяну вверх, от сапога отдираю, а у него сквозь зубы на сапог молоко сочится. Успел, тварь, насосаться!

Потом я козу осмотрел — вымя у нее в крови, поцарапано. Как только она такую пакость терпела? Может, он ей ноги хвостом обмотал? Хвост у него длинный, что кнут. И жесткий, словно ремень, крепкий. Если он таким хвостом хлестнет — сразу рубец вздуется.

В тот раз он у меня вырвался — только пыль за ним заклубилась. А на сапоге метки от зубов и теперь еще видно. Во какие, гляди!»

ЖИВЫЕ ЦЕПОЧКИ

Вода с ножками

Ползают, бегают и летают в песках наперстки, стопочки, стаканы, фляги, бочонки и бурдюки с водой. На брюхе, на ножках, на крыльях. Костяные фляжечки — черепахи, бисерные мешочки

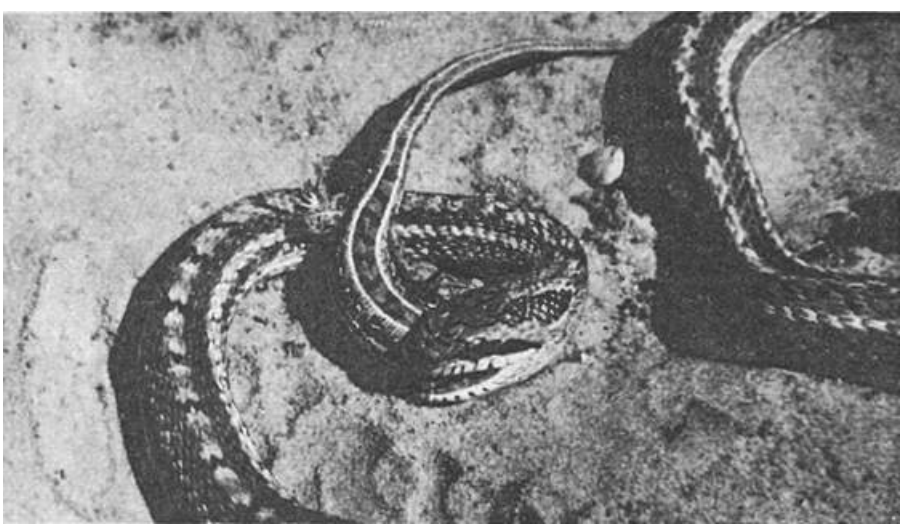
— ящерицы, жестяные баночки — жуки. Ведь каждое существо живое — это как бы бурдючок с водой: вода в нем по весу чуть ли не две трети. Скогтит орел куропатку и сразу закусит и выпьет. В каждой куропатке, словно во фляге, два стакана воды!

Цветок высосал из песка капельку. Агама проглотила цветок. Агаму проглотил удав. Удавчика поймал еж. Ежа скогтил филин. Филин замешкался и попал в зубы к волку. Так капелька воды из песка попала в волчью утробу.

Кто пьет воздух

Засохло все, что только может засохнуть. Высохла последняя капля воды. Высохли и опали веточки у кустов. Травинки обратились в труху. Сухой ветер смел сухую труху в ямки, норки, ложбинки.

Но по ночам сухая пористая труха сосет ночную сырость из воздуха, впитывает ее как губка. А утром отсыревшую труху жадно едят жуки-чернотелки, эти маленькие черные бочоночки на шести шустрых ногах. Ну, а дальше известно. Чернотелку поймает ящерица, ящерицу — сорокопут, сорокопута — барханный кот. Переливается воздушная водичка из одного бочонка в другой. Выходит, что и воздухом можно напиться!



Караванный путь

Манит к себе караванный путь и бегающих и летающих. Ведь дорога в пустыне — это не только следы на песке. Люди на стоянках строят шалашики из саксаула. Воду из колодцев наливают в корыта. Варят еду, выбрасывают объедки. От лошадей и верблюдов повсюду навоз.

На навоз собираются насекомые: мухи, жуки, пауки. На мух, жуков, пауков слетаются птицы: жаворонки, каменки, саксаульные сойки.

Объедки и падаль достаются воронам, коршунам и стервятникам.

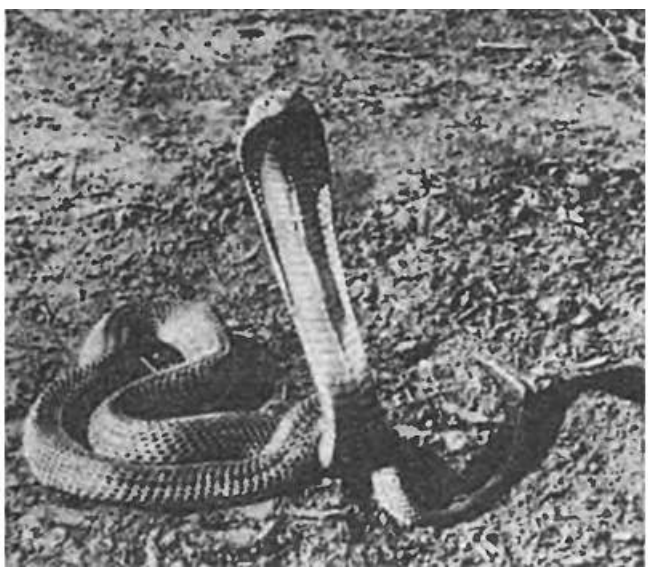
К овцам и верблюдам подкрадываются волки. К воде в корыте торопятся джейраны, саджи, рябки.

А за ними охотятся лисы, коты дикие, корсаки, каракалы.

В шалашиках поселяются сойки, воробьи и сорокопуты.

Тянется караванный путь через пустыню, как большая река. И со всех сторон вливаются в нее ручейки жизни.

Охота



Ночью за змеями

На змей охотятся в теплые ночи. Снаряжение обычное: рогулька, пинцет, мешочки. Ну и, конечно, яркий фонарь.

Идет ловец не спеша, ступает осторожно: змеи ведь «слышат не ухом, а брюхом». Они очень чутки к сотрясению почвы.

Луч фонаря ползает у камней, рыскает у пучков травы, шарит под кустами. Не просто в сумятице белых ветвей и черных теней увидеть змею. Бывает, она выдаст себя движением, или громким шипением, или отблеском чешуи.

Тишина. Вспыхнут в свете рубиновые глазки геккона, пробежит членистый скорпион, метнется, как птица, тушканчик.

Звезды яркие над головой. Темные размытые пятна вокруг — это кусты саксаула. Чуть похрустывает под ногами песок. И вдруг что-то дернулось сбоку! Луч фонаря метнулся туда. В светлом овале медленно извивается — будто в узел завязывается! — толстая пестрая эфа. Маленькая головка задрана вверх, у губ мелькает лаковый язычок, взблескивают злые глаза.

Рогулька, пинцет — и эфа в мешке.

Ловец змей пошагал дальше.

Страшные случаи на змеиной охоте

(Рассказы ловцов змей)

Мутные воды Мургаба, подпертые плотиной, заливали плоские берега. Змеи, спасаясь от воды, выползали на сухие островки, на затопленные кусты и деревья. И на лов мы в этот раз вышли не пешком, а выехали на лодке.

Самое трудное при пешей охоте — это змею найти. А прижать ее рогулькой и посадить в мешок дело привычное. При ловле же с лодки все получалось наоборот: змей мы легко замечали еще издали, а вот поймать их на воде, на кустах или деревьях было совсем не просто. К воде змею не прижмешь, да и к ветке не прижмешь. Приходилось орудовать то петлей на длинном шесте, то длинным пинцетом.

На одном деревце увидели огромную гюрзу. Пинцетом ее не достать, да и не удержать, и петлю не надеть: гюрза плотно прижала морду к суку. Тогда мы решили спихнуть ее в воду. Долго возились, тыча палкой в змеиный бок — но она крепко обвила сук. Наконец удачно поддели, и гюрзища плюхнулась в воду. И тут оказалось, что эта жительница сухих оврагов ловко умеет плавать! Да еще так быстро, что мы с трудом догнали ее на

нашей неуклюжей лодчонке.

Змея остановилась, вся собралась в комок, и когда лодка почти что ткнулась в нее, выбросила голову вверх, закинула ее за борт, и разинутая розовая пасть оказалась у самого бока гребца. Гребец наш отпрянул, лодка качнулась, черпнула бортом воды и опрокинулась. Мы завертелись в воде словно жуки-вертячки: ведь где-то тут между нами была и гюрза!

Для змеи это был очень удобный момент расквитаться с нами за все причиненные ей неприятности. В ужасе вертели мы головами, ожидая увидеть рядом тупую змеиную морду, молотили по воде ногами на тот случай, если она вздумает наброситься сзади.

Наконец мы ее увидели — она была уже далеко. На наше счастье, змея не помышляла о мести: она торопилась спастись. Мокрые и испуганные, мы вскарабкались в лодку и погребли к сухому берегу…

У моих ног узкая нора под скалу. Часто узкая нора бывает началом большой пещеры. Я зажег фонарик, зажал его в зубах и втиснулся в нору. Камни сдавили плечи. Я поднажал, голова моя просунулась в расширение, но плечи застряли еще крепче. И тут я услышал тихое шипение.

Я сразу понял, кто шипит, дернулся назад и застрял окончательно.

Я стал дергаться изо всех сил. Тогда шипение перешло почти в свист. Я сразу притих.

Нора впереди никуда не вела и кончалась тупиком. В тупике была змея; свет фонаря освещал ее. Заслышав шорох, змея вытянулась к противоположной стенке, зашарила головой по камням и, не найдя дыры, повернулась ко мне. Плоская ее головка покачивалась в воздухе, белый язычок так и порхал у чешуйчатых губ.

Змея смотрела на фонарь и стягивала кольца своего черного тела в тугой узел. Так змеи всегда делают перед броском.

О, я знал, что такое бросок змеи! Он почти неуловим для глаза: кажется, что змеиная головка просто вздрогнет. А она успеет метнуться вперед, успеет кусить и отпрянуть в прежнее положение.

Змея напряглась, подняла, как лебедь, тонкую шею, кончик хвоста ее торчал из черного узла и сердито вздрагивал.

Самое страшное сейчас — испугаться.

Стоит пошевелиться — и плоская головка дрогнет. Почувствуешь укол иглы в лицо. Легкий угол иглы, от которого по лицу сразу разольется жгучий огонь. Посинеет кожа, заплывут

глаза, начнется тошнота и полузабытье.

Как четко работает голова!

Замереть, не моргать, не сопеть носом, в который забилась пыль. Зажать фонарь зубами так, чтобы свет его не дрожал на камнях и не дразнил эту висящую в воздухе головку с порхающим белым язычком.

Тело мое съежилось: оно рвалось назад, скорей назад, прочь из тесной норы! Но нора стиснула плечи и руки прижала к бокам. Шевелить можно было только пальцами где-то у бедер.

Может, крикнуть и напугать? Нет, нет, — только не пугать!

Змея всегда кусает то, что ее пугает, даже если это палка или нога в толстом сапоге.

Спасение одно: не пугать и не пугаться. Не шевелиться, не моргать и дышать медленно и неслышно. Лучше всего закрыть глаза: живой блеск глаз раздражает; может дрогнуть веко — и змея укусит прямо в зрачок.

Я тихо опустил веки и замер. Это была первая победа: пока что победа только над самим собой.

Тело подчинилось и лежало пластом, зато мысль исступленно билась в каменной норе, ища выхода.

Если змея успокоится и опустит голову на свои черные кольца, можно будет тихонько, чуть заметно вытягиваться назад. Батарейка в фонаре новая, хватит ее надолго — за змеей можно следить. И вдруг я почувствовал на лице ласковое поглаживание: будто трепетная травинка, толкаемая ветерком, прикасалась к коже. Змея ощупывала лицо языком!

Будто липкая паутинка протянулась по щеке наискосок, на фонарь что-то надавило, и чуть слышный звон осыпающихся песчинок послышался у самого уха.

Я перестал дышать. Если бы хоть одна рука была свободна! Я сумел бы схватить змею за тонкую шею сразу позади затылка, и пусть бы она тогда в ярости хлестала хвостом по лицу, — хвост не голова!

Я чуть приоткрыл глаза. Змея лежала рядом. Она свернулась у самого фонаря — грелась. Голова лежала на теле; мне виден был только затылок с вздувшимися ядовитыми буграми.

Стоит попробовать…

Чуть заметно я стал разжимать зубы; стекло фонаря упёрлось в песок у самого змеиного бока.

Змея не шевельнулась.

Я отпустил фонарь, он медленно съехал по подбородку вниз. Я уперся подбородком в песок и на сантиметр подался назад.

Змеиная головка быстро поднялась — и язычок, как белый мотылек, запорхал у граненых губ. Я не успел закрыть глаза и

теперь смотрел на змею не моргая. Но глаза мои были уже в тени и не раздражали ее.

Головка медленно опустилась вниз. Я подался еще на сантиметр.

Меня спас фонарь. Змея пригрелась около него, и ей лень стало оглядываться на чуть слышный шорох позади.

А я скреб пальцами землю, ломал ногти, упирался в уступы, извивался, как червяк. И все дальше и дальше отползал от своего фонаря. Одежда завернулась на голову, песок сыпался на голую спину, но я ничего уже не видел и не слышал: я рванулся назад и выскочил из трубы.

Ну, вот и все.

Теперь это — далекое воспоминание. Оно почти забылось. Ясно запомнилось только, что шипение рассерженной змеи очень похоже на свист. И помнится прикосновение змеиного язычка — будто липкая паутинка тянется по лицу.

Страшный случай со мной произошел не на змеиной ловле, а после нее. И перепугался я не за себя, а за других.

На ловле мне повезло: я поймал двух больших кобр. Всех пойманных ядовитых змей — эф, гюрз, щитомордников — я отправил посылкой, а ценных и редких кобр решил везти с собой в поезде. Холщовый мешочек с кобрами я положил на верхнюю полку за свои чемоданы. Видно, мешочек потерся за лето, кобры стали тыкать в слабое место носами и продолбили в мешке дырку. Одна кобра сейчас же выползла через нее и шлепнулась с полки вниз. В купе нас было четверо, мы сидели внизу — и вдруг у наших ног появилась змея! Пораженные пассажиры онемели; не шевелилась и обалдевшая от падения кобра. Волосы зашевелились у меня на голове: сейчас пассажиры придут в себя и замечутся по купе; кобра тоже очнется и начнет кусать направо и налево.

— Не шевелитесь! — рявкнул я. И не раздумывая наступил ногой в одном тонком носке кобре на шею. Тут же перехватил за шею рукой и засунул змею в новый мешок.

Самый смелый пассажир заулыбался:

— Мальчишкой я тоже не боялся ужей, даже, бывало, за пазухой их таскал!

А самая пугливая пассажирка брезгливо передернула плечами и процедила:

— Все равно гадость, хоть и безвредная.

Пассажиры тут же успокоились и стали подшучивать друг над другом, а меня, старого ловца змей, бил озноб страха. Я был до смерти напуган: я-то хорошо знал, что это был за уж!

Приключения на вараньей охоте

(Рассказы охотников на варанов)

Я бежал с вараном наперегонки. Варана я не догнал, и он с ходу нырнул в нору песчанки. Но я все же изловчился и успел-таки сцапать его за хвост. Выволок из норы и поднял вверх.

Дергался и вертелся варан отчаянно, шипел и щелкал зубами. Чтобы хоть немножко его утихомирить, я раза два его хорошенько встряхнул. И вдруг из пасти у варана что-то вывалилось. «Что-то» оказалось двумя крохотными черепашками: видно, варан только что их проглотил. Черепашки неуклюже поворочались в песке и… поползли в разные стороны.

Я удивленно на них уставился, на мгновение забыв о варане, а он извернулся и вцепился мне в ногу! Хватка у варана бульдожья, мертвая, — пришлось разжимать зубы ножом.

Вечером мы снимали кожи с добытых варанов. У самого большого что-то уж очень было раздуто брюхо. Посмотрели, а он прямо набит черепашьими яйцами! Целая дюжина яиц, и все целехоньки. Мы их хорошенько вымыли и сварили. Ужин наш получился из двух блюд: на первое варанье мясо, на второе — черепашьи яйца.

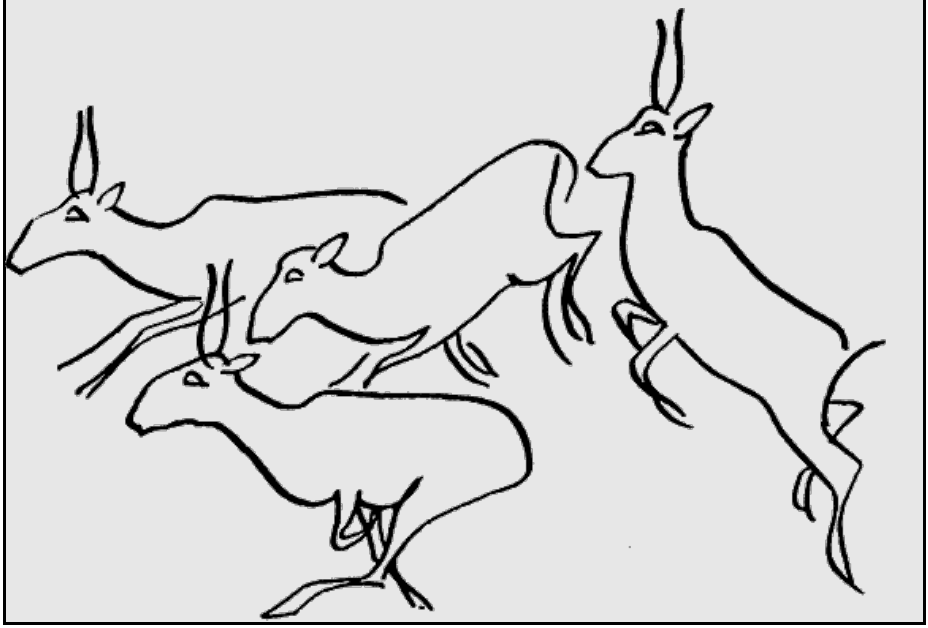
Хотите верьте, хотите нет, но мы однажды приспособили варана сторожить лагерь. Спать в палатках было душно, а на земле опасно: очень уж много там было всякой ядовитой гадости. И вот мы придумали: спать ложились на брезент, а рядом на длинной веревке привязывали варана. Как только он замечал змею, паука или скорпиона, сейчас же их хватал и съедал. Мы спали спокойно, и варан сторожил нас и днем никого к палаткам не подпускал. Хотите верьте, хотите нет…

Золотые слова

Ворон воронят называет беленькими, а еж ежат — мягонькими.

Красива у змеи чешуя, да ядовиты зубы.

Осень



Наша осень начинается в сентябре — с пожелтения и умирания. В пустыне пожелтение и умирание начинается в… мае! Осень же в пустыне начинается с… позеленения и оживления!

Осень пустыни — это вторая маленькая весна. Падают на пески дожди, пустыня облегченно вздыхает. Снова везде зеленеет трава, снова зацветают цветы, снова оживляются насекомые, птицы и звери. Но это недолгое оживление. Сперва ночи, а потом и дни, становятся холодней и суровей. И незаметно приходит зима.

День за днем

2 сентября. У восточного удавчика родилась дюжина детенышей. Сразу же расползлись.

15 сентября. Улетели на юг розовые скворцы.

18 сентября. Полетели через пустыню с севера на юг горлинки, скворцы, зяблики, юрки, чечевицы, дубоносы, горихвостки, каменки, варакушки. За стаями птиц, как пастухи, летят ястребы и соколы.

20 сентября. Показались первые пролетные стайки дроф-красоток. Летят невысоко над землей.

24 сентября. У агам разыгрался аппетит — запасаются жирком на зиму.

25 сентября. Змея-щитомордник родила дюжину змеенышей длиной с карандаш.

26 сентября. Тушканчики-прыгуны спрятались в норки и уснули на всю зиму.

27 сентября. Гюрзы, эфы, кобры, стали сползаться к местам зимовок: обрывам, развалинам, кучам камней, старым арыкам.

„ДЛИННОЕ УХО“

Забот полон рот

Серый хомячок тащит в нору запас. Так набил защеки — даже голова вспухла. Щеки шире плеч — того и гляди, в свою же нору не пропихнешься! Да и чем тут глядеть, если глаза в щеках утонули?

Заботы, заботы! Первая забота — что-нибудь вкусненькое разыскать. Вторая забота — рассортировать что куда. За одну щеку пищу растительную, за вторую — мясную. Зернышко влево, жучка вправо, семечко влево, улитку вправо. Все по своим местам. За правой щекой жуки, муравьи, гусеницы, кузнечики и улитки. За левой ячмень, пшеница, горох и подсолнух. А язык посредине — перегородочкой. Чтобы ничего не перепуталось, не смешалось.

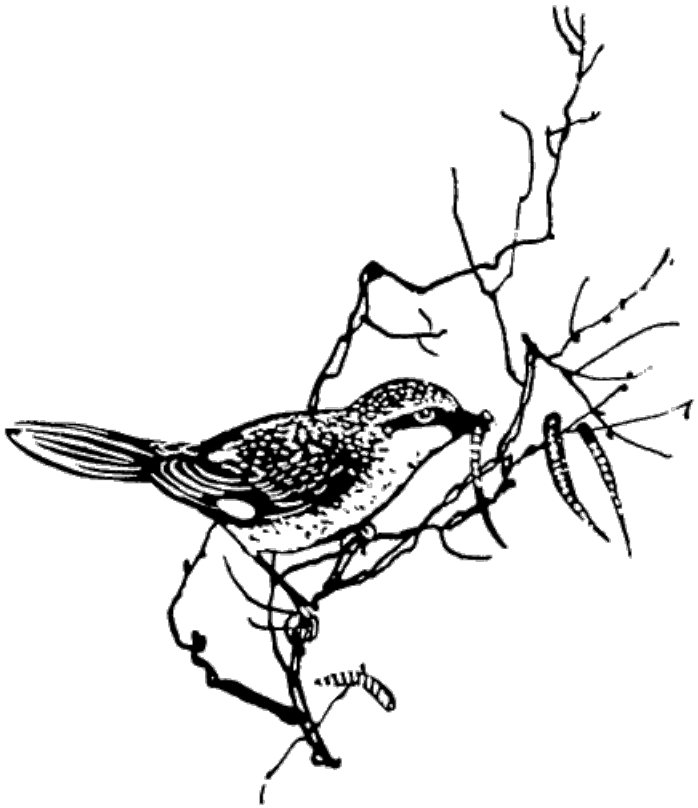
Забот у хомяка полон рот! Даже голова вспухла.

Хвост за голову

С весны ящерицы от врагов своими хвостами откупаются, платят им хвостовую дань. Чем дальше в лето, тем больше ящериц без хвостов. Конечно, лучше уж хвоста лишиться, чем головы. Но ведь и хвост жалко, свой все-таки! Растишь, растишь… Да и вид без хвоста не молодецкий. Так, бесхвостая ящерица…

А хищники не унимаются. Сыч в норе запас из ящеричных хвостов собрал, разложил хвосты, как сосиски. Сорокопут хвосты на колючки понанизал — висят, как сардельки. У всех птиц

сейчас птенцы в гнездах, все есть просят. Едоков все больше и больше, и потому ящериц с хвостами все меньше и меньше. Полное ящерицам разорение!



Рубаху съел

Хороша у геккона кожа-рубаха — вся в золотых и медных чешуйках-пуговицах! И штаны хоть куда: с белыми рюшечками и оборочками. Но срок приходит всему: выцветает рубаха, пачкаются штаны. Даже геккону носить стыдно. Надо костюм менять.

Для геккона костюм сменить просто: спрятаться в норку подальше от любопытных глаз и стянуть лапками старую одежонку. Переодевается геккон, старается изо всех силенок, по-настоящему из кожи вон лезет. Вылезет, а под старой одежкой готова новая — блестит и переливается. И на штанах опять белые рюшечки и оборочки.

Сброшенную рубаху, понятно, ни в штопку, ни в чистку не

сдашь. Но и так бросить жалко. Все же своя рубаха, та, что всего ближе к телу была. И вот берет ее геккон в лапки, складывает поплотней, да и в рот! Съест рубаху — еще и оближется. Не пропадать же такому добру!

Круглоголовка падает в обморок

Такырная круглоголовка похожа на маленькую жабку с хвостиком закорючкой. Спинка в пятнышках красноватых, лиловых, серых — под камешки пустыни. А живот снежно-белый. Всегда она такая бодрая, шустрая, резвая. Только вот нервы у нее никудышные. Накроешь ладошкой, а она сразу и лапки вверх! Лежит на ладони как мертвая: закрыты глаза, брюшко бледное… Положишь ее на камешки, она полежит-полежит, очнется и удерет.

Вкусные камешки

Жили у меня черепашки ростом с грецкий орех. Жили не тужили и вдруг перестали есть! Я им и траву, и морковь, и капусту — не хотят. Я им яблоко, грушу, сливу — носы воротят. Я молока, варенья — даже и не глядят! То все подряд ели, а теперь и отборного не желают. Еще, гляди, околеют.

Вынес я их тогда на лужок. Может, думаю, сами чего себе по

вкусу найдут? Тычутся черепашки носами туда и сюда, никак ничего не выберут. Избаловал я их, наверное, в клетке. Вот и привередничают теперь.

Шагают черепашки мимо вкусного клевера, одуванчика, нежной мокрицы. Бегут-ковыляют мимо сочной заячьей капустки, сладкой гусиной лапки. Сами не знают, чего хотят!

И вдруг — стоп! — остановились. Разинули свои попугайские рты и давай хватать… камешки! Простые пыльные камешки! Хватают, глотают, торопятся.

Никогда с таким аппетитом даже фрукты не ели!

Наверное, камешки им, как птицам, нужны: для пищеварения. Без них аппетит пропадает, и, может, даже живот болит.

Наглотались камешков и снова стали все подряд есть — успевай только подкладывать! И теперь они ростом уже не с грецкий орех, а почти что с кокосовый.

Радужное настроение

По утрам у агамы настроение серое. Еще бы: за ночь промерзла и проголодалась. И стала скучного серого цвета, сразу видно — не в духе. Но солнце пригрело, и проступили на спине у агамы радостные тона — шоколадные пятна. Это все равно что для нас порозоветь от удовольствия!

А когда агама прогреется до последней косточки, да еще и кузнечика съест, — прямо на глазах расцветет! Вся в разводах станет шоколадных и кремовых, на горле пятно синее, а на боках фиолетовая полоса. Всем понятно, что у нее радужное настроение!

Тени ночного неба

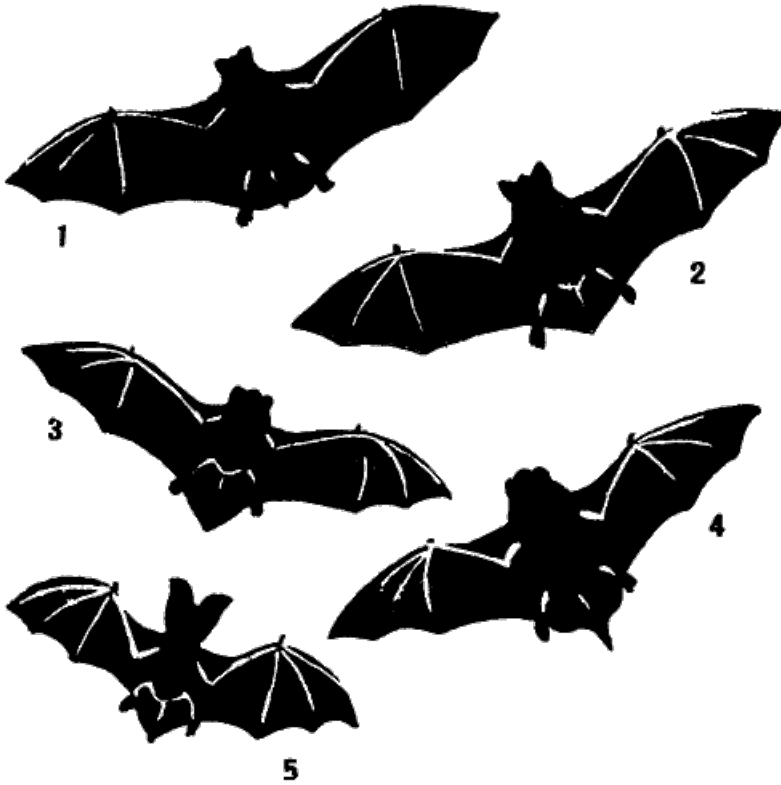
Неясные тени проносятся над головой. То низко — по щеке ветерок мазнет, то высоко, бесшумно, — как привидения.

Это ищут добычу крылатые охотники ночи.

Их трудно узнать, но можно.

Вот некоторые из них:

1. Филин. 2. Сыч. 3. Козодой. 4. Авдотка.



1. Большой подковонос. 2. Остроухая ночница. 3. Двухцветный кожан. 4. Рыжая вечерница. 5. Ушан.

В кяризе

Вторые сутки идем, не поднимая головы. Вторые сутки топчем свою тень. Утром эта тень нелепо длинна. К полудню она становится все короче и короче, пока, наконец, совсем не спрячется под подошвами широких ботинок. Это значит, что раскаленное белое солнце пустыни остановилось в зените и льет на истомленную землю расплавленную лаву лучей. На висках вздуваются вены. Начинает мутиться сознание!

Воды!

Воды! Какой угодно: мутной, зеленой, вонючей!

Но воды никакой нет.

Разве может сохраниться хоть капля влаги на земле, выжженной солнцем и превращенной в пыль? Земля эта жжет ноги даже сквозь толстую подошву ботинок.

Вторые сутки над головой белое от зноя небо. А под ногами

пухлая пыль. На горизонте шевелится синее и зеленое марево. В нем угадываешь то волны моря, то далекие заросли тростников.

Но мы знаем: нет впереди ни моря, ни зеленых оазисов. Это мираж.

Был на карте родник, на который мы очень надеялись. Мы нашли этот родник. Но вода в нем оказалась горько-соленая.

И вот опять — три человека и два мула — плетемся к далекому мареву, тупо ступая след в след. Сухая кожа натянулась на скулах. Белые губы потрескались, и в трещины набилась черная пыль.

Пыль глушит шаги. И кажется, что мы не идем, а беззвучно, подобно миражам, плывем над раскаленной землей. Начинает закрадываться жуткое чувство безнадежности, бессилия перед этой мертвой пустыней.

Вдруг наш проводник, нелепо взмахнув руками, бросился в сторону. Пробежал с полсотни шагов и упал, уткнувшись лицом в песчаный холмик.

— Ну вот, один спятил!

Но вдруг и мулы, взбрыкнув копытами, поскакали туда же и остановились возле лежавшего проводника. Мы подбежали к ним.

Проводник лежал на животе, свесив голову в черную дыру в земле. Мулы нетерпеливо топтались вокруг, осыпая копытами песок.

— Кяриз, — тихо проговорил проводник и сел. — Вода. Вода! — вдруг заорал он и, вскочив, стал быстро развьючивать мулов.

Кяриз! Я слышал о кяризах. Кяризами называют глубокие колодцы, прорытые скотоводами над подземной рекой. Из таких колодцев достают воду ведром, привязав его к длинной веревке.

Все наши веревки мы связали в одну. Привязали ведро и опустили в колодец. Колодец оказался очень глубоким — метров пятнадцать. Но воды в подземной речке было мало. Ведро зацепило лишь немного жижи с песком.

Тогда решили сами спуститься в кяриз. Я обвязался веревкой и сполз в черную дыру.

Упираюсь руками в стены. На голову сверху сыплется песок. Светлый круг над головой суживается. Стены колодца становятся холодными и сырыми.

Внизу темно. Журчит вода.

Всматриваюсь, ничего не видно.

Наконец, чувствую: ноги в воде. Дно. Воды по щиколотку. Нагибаюсь и, зачерпывая ладонью, пью, пью и пью. Как здорово — вода!

Вдруг кто-то мокрыми лапами зашлепал по воде. Я замер.

Вслушиваюсь, сдерживая дыхание. Но слышу только стук своего сердца. Чиркнул спичку. Спичка стрельнула и погасла. При вспышке замечаю: стою в пещере. На дне пещеры дрожит вода.

Опираюсь рукой о стену. Стена мокрая и склизкая. Ставлю ведро на дно и банкой наливаю в ведро воду.

И тут вдруг опять зашлепало, заплескало, будто огромная многоножка побежала по воде!

Быстро зажег спичку. Спичка ярко вспыхнула… Пламя спички отразилось в десятках немигающих глаз!

В черной воде, выпучив подводные глаза, неподвижно сидели лягушки, жабы и черепахи. На стенах пещеры шевелились змеи. Их глаза вспыхивали, как летучие светляки.

Лягушки и жабы от голода превратились в скелеты, обтянутые слизкой кожицей. Они пробрались в эту пещерку подземными ходами из ближайшей реки и застряли тут, обреченные на голодную смерть. А черепахи и змеи сорвались сверху.

Их глаза горели голодным огнем.

Сейчас спичка погаснет, и эти мокрые твари, шлепая и извиваясь, полезут на мои ноги!

Я не знаю, что делать.

Огонь парализовал обитателей колодца. Страх парализовал меня.

Что-то дернуло за пояс. Веревка!

Схватив полное ведро, я дергаю веревку изо всех сил. Веревка потянула меня наверх, песок посыпался на голову.

И вот я наверху. Жара, а меня бьет озноб. Я лег на песок, уткнувшись лицом в ладони. Перед моими глазами проплывают самые страшные видения пустыни: жара, безводье, обманчивые миражи… Но все это меркнет, все бледнеет перед этим колодцем. Сейчас я заглянул в иной мир. Мир, в котором умеющие ползать, извиваться, хватать и кусать были еще сильнее человека. А что может быть страшнее этого?

Без меня, кое-как приспособясь, доставали ведром воду для мулов. Без меня мылись, обливая водой спины и головы. Без меня собрали вещи и навьючили седла. Когда тронулись, я встал и побрел позади каравана.

Пустынный загар

Лежит у меня на столе черный камень. Черный, как антрацит.

И такой же блестящий. Но это не каменный уголь, это камень, покрытый густым загаром.

От солнца пустыни загорают и камни.

Камни загорают не за один летний сезон, а за сотни и тысячи лет. Чем дольше смотрел камень на солнце, — тем он черней.

Я подобрал камень в каменистой пустыне. Это особая пустыня, самая страшная и безжизненная. Одни камни и щебень вокруг, как чешуя черной змеи. Редко глаз споткнется о кустик, травинку, сухой стебелек. Ни звука, ни запаха, ни движения. Топчешься на одном месте, и камни скрежещат под сапогами, как масло на раскаленной сковороде. Топчешься, потому что жжет сквозь подошвы, поджаривает живьем.

Я снова и снова вижу все это, стоит лишь положить руку на черный камень. Я кладу и сейчас же отдергиваю: мне кажется, что я обожгусь!

Тревожные барабаны

Тревога! Тревога! В норках песчанок стучат тревожные барабаны: «Тум-тум-тум! Тум-тум-тум!» В поселении замечен враг: то ли варан приковылял, то ли удав заполз, то ли пестрая перевязка рыскает в подземных ходах. «Тум-тум-тум! Тум-тум-тум!» Тревога! Тревога!

Песчанки мечутся по своим коридорам, быстро барабанят о землю задними лапками. Гремят сигнальные барабаны.

Кровопийцы

Самые в пустыне бесстрашные и кровожадные — крохотные комары и москиты.

Никого они не боятся! Смело нападают на волков, на гиен, на шакалов.

В зарослях, в гнездах и дуплах пьют горячую кровь фазанов, орлов, сычей, дятлов. В норах, логовах, трещинах сосут холодную кровь змей, ящериц, черепах. И никто от них не спасется.

Глаза на песке

Сыпучий песок — песчинка к песчинке. Но две песчинки особо лежат, они чуть покрупней других, — как два пшенных зернышка. Страшная под ними таится опасность. Не крупинки лежат на песке, а глаза степного удава! Сам он зарылся, а наружу одни глаза выставил, благо они у него на самой макушке.

Близорукая ящерица, ничего не замечая, беспечно разлеглась у самых удавьих глаз. Плохо бы это для нее кончилось, но тут

остроглазая пичуга заметила «зернышки» и потянулась к ним. И дрогнул песок, метнулась гибкая шея змеи, вонзились зубы, тугое тело, как упругий резиновый шланг, обвилось вокруг добычи.

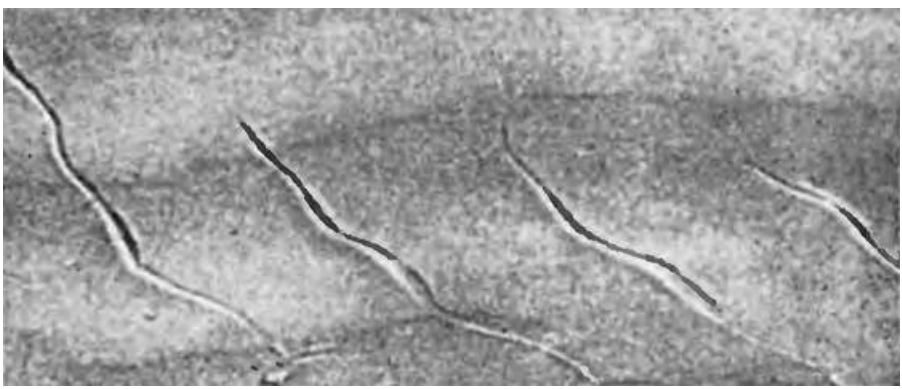
НА ЖЕЛТОЙ ТРОПЕ

Осенью следов в пустыне становится больше. Упали дожди, зазеленели травинки. Проснулись суслики и черепахи — наедаются на зиму. Снова появились пролетные птицы и кочевые звери, — только теперь уже с севера.

Следы безногих

Безногие — это змеи. Они оставляют следы не ног, а живота. Но и по следам живота можно отличить «походку» удавчика от стрелы-змеи или эфы. Удавчик — толстый увалень, след его широкий, «пузатый», с крутыми извивами.

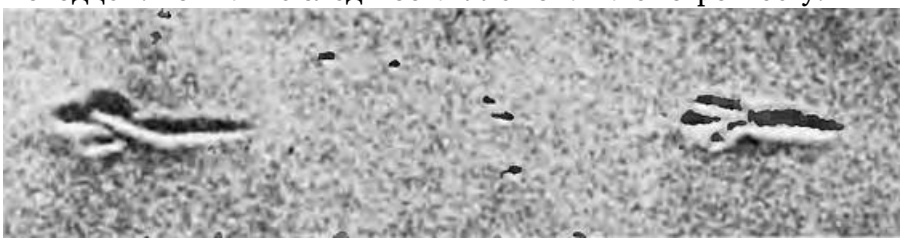
След змеи-стрелки узкий, «поджарый», стремительный, с легкой волной извивов.



А след змеи эфы ни с чем не спутаешь. Потому что эфа ползет… боком!

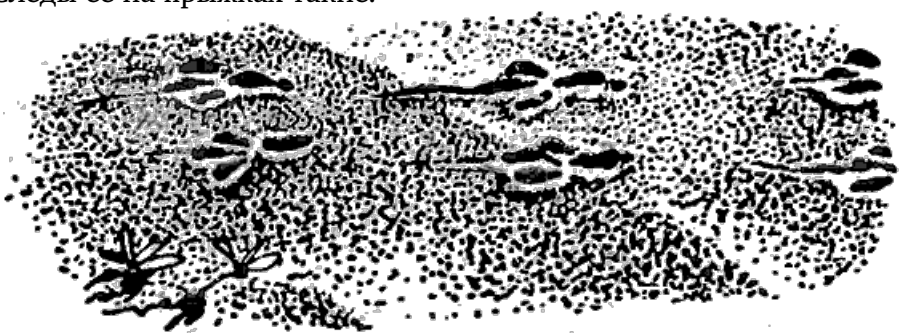
По следам саксаульной сойки

Сойка бегает быстрее всех птиц в пустыне. И за это ее зовут иноходцем. Вот какие следы оставляет она на быстром бегу.

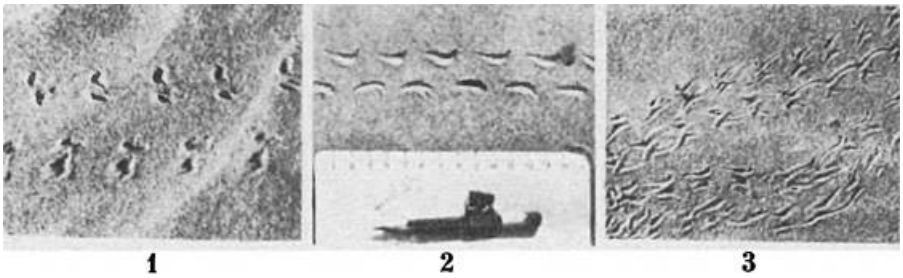


А это следы тихого бега: не всегда же ей носиться сломя голову!

Умеет сойка не только быстро бегать, но и ловко прыгать. Следы ее на прыжках такие.

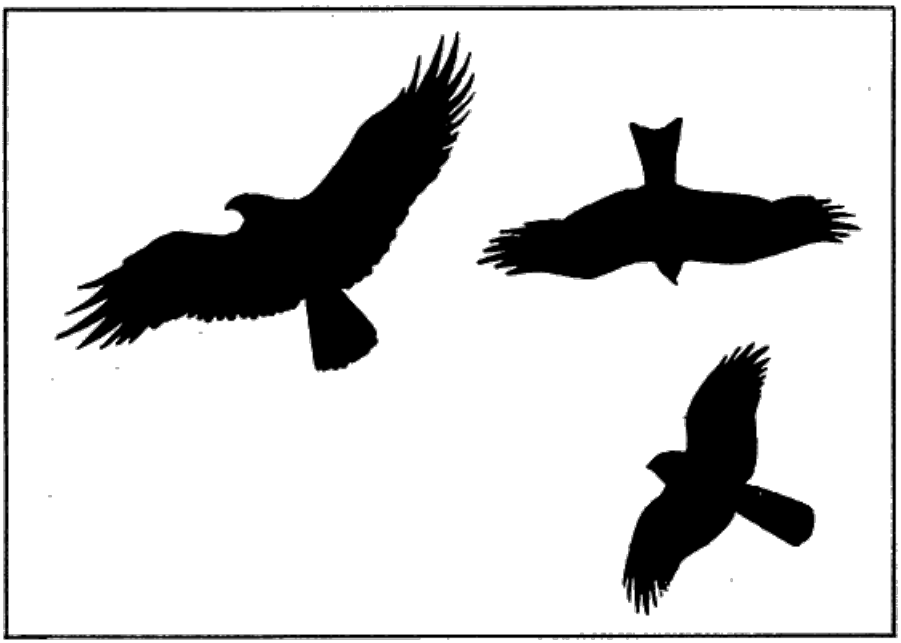


Следы жуков



1. След медляка-блябса. 2. След песчаного скарита. 3. След чернотелки гигантской.

Силуэты на облаках



Медленно крутит в небе орел беркут. Ниже его крутит черный коршун. А еще ниже каким-то особым воровским полетом торопится ястреб тетеревятник.

День за днем

1 октября. Степной кот переодевается в зимнюю котиковую шубу.

3 октября. С севера летят через пески дрозды певчие, черные, белобровые.

5 октября. Тонкопалый суслик меняет летний пиджачок на зимнюю телогрейку.

7 октября. Черные вороны начали воровать в садах грецкие орехи. Хитро прячут их в земляные кучки слепушонок. Поэтому все считают, что орехи воруют слепушонки!

9 октября. Зима на носу, а нас в саксаульнике искусали москиты!

10 октября. Ночью по палатке хлестал град… из клопов! Не из тех противных постельных, а из симпатичных водяных клопиков-гребляков. Наверное, клопиную стаю, взлетевшую где-то из воды, занесло ветром в глухие пески. Ночью клопы, спутав отблески нашего костра с блеском любезной им воды, дружно посыпались вниз. Градом забарабанили по земле и брезенту.

15 октября. Нашли в песках погибших при перелете через пустыню чирка, бекаса и куличка-черныша.

17 октября. Ребята из колхоза рассказали, что вороны и сороки ловят в арыках на хлопковых полях рыбок и прячут их под кустами хлопка, запасаются на зиму. В каждом складе 5–7 рыбешек.

20 октября. Неожиданный заморозок. Нашли замерзшую змейку-стрелку и эфу.

25 октября. Совсем исчезли песчаные круглоголовки: уснули на всю зиму.

26 октября. Последний след малого тушканчика: спрятались и заснули.

28 октября. Огромными стаями летят на юг белобрюхие рябки.

„ДЛИННОЕ УХО“

На узкой дорожке

Под ногами дорожный песок, по обочинам белоснежный

бурьян, кустики, веточки саксаула. Как белые ветви кораллов на черном бархате. Такими всегда кажутся ночные заросли в свете яркого фонаря.

Овал света ползет по земле, и поднимаются по сторонам все новые диковинные кораллы, и толпятся и сталкиваются за ними раскоряки черных теней.

Что-то вдруг взблеснуло посредине дороги — это жук черный катится, словно бусина. Что-то мелькнуло — тушканчик бусину украл. Что-то сверху упало — сыч накрыл тушканчика. Голову на свет повернул: два глаза, как два янтаря!

Не успел сыч взлететь — что-то темное его заслонило, черкнули искры красно-зеленые, и все исчезло. И вот опять в овале света одни белые стебли кораллов. А за ними плывущие раскоряки теней.

Ящурка и круглоголовка

Золотая в черную крапинку ящурка что-то учуяла сквозь песок. Сунула в песок нос, стала копать. Ага — вот оно тонкое, полосатое, вроде знакомой гусенички. Цап ее!

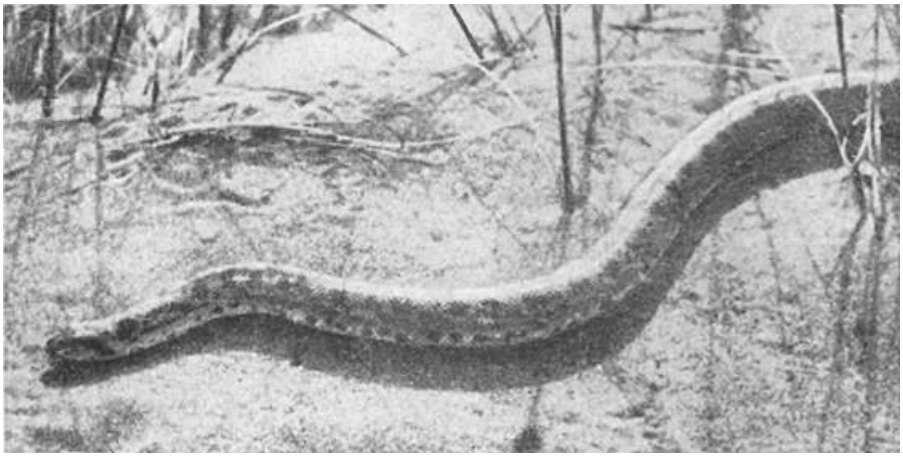
А это не гусеничка, это хвост песчаной круглоголовки. Так бедная дернулась — чуть шею ящурке не свернула! Ящурка с перепугу в одну сторону кинулась, круглоголовка в другую.

Вот страх-то!

Лунная струйка

Лунная ночь — свои же следы на песке видны. Тянутся позади, как черное многоточие. Даже от тощих стебельков четкие

черные тени. А уж струйчатые барханы словно киты-полосатики брюхом вверх! И везде по песку искорки, искорки: грани песчинок горят. Из черного куста на посверкивающий песок словно лунная струйка вытекла: лениво течет, извивается, переливается. Это ночной удав на охоту выполз: ползет и под луной светится…



Напудренная куропатка

Пустынную куропаточку найти трудно. И все потому, что любит она… пудриться!

Выроет лапками лунку, ляжет в нее и давай крыльями пыль на спину взбивать. Грудкой и животом по пыли ерзать. Напудрится от хвоста до носа — и будто ее и не бывало! Только была — и нет!

Живет на желтом склоне — пудрится желтой пылью, на сером — серой, на красноватом — красной. Попробуй-ка разгляди ее, если она на желтом желтая, а на красноватом красноватая! Хоть глаза прогляди — все равно не увидишь. Лишь голосок звонкий слышен: «Чиль! Чиль!» Словно красноватые и желтоватые камешки сами по себе переговариваются.

Белая смерть

Измотанные перелетом через пустыню утки наконец-то увидели воду — целое озеро! Радостно крякая, плюхнулись с лету

в воду: их истомила жажда, жара и голод. Утки плескались и окунались, вздымая фонтанчики брызг. Но вдруг блаженное крякание сменилось тревожным. В воде не было ни единой живой козявки, чтобы утолить голод. Да и жажду вода не утоляла: была она противная, горько-соленая, вязкая, как рассол.

Не вода, а соленый кисель; вся будто пронизана инеем, покрыта соленой шугой и плавучим соленым «салом». Брызги воды на перьях ссыхались в нашлепки соли: перья слиплись, лапы увязли, крылья стянуло коростой.

Утки в ужасе заметались, забились, отчаянно закричали. Но уже было поздно. Соленая жижа превратила перья в сосульки.

С трудом выползли утки на плоский песчаный берег. Но тут и того хуже. Липкие лапки прилипли к песку, липкие перья ссохлись — и утки превратились в соленые мумии.

Долго лежали на берегу эти белые комочки соли, пока ветер их совсем песком не занес.

А озеро ласково сверкало и переливалось, манило новых измученных жаждой и голодом птиц.

И жук — мясо!

Все торопятся запасать. Сорокопут летом вялил на солнце жуков и ящериц, натыкая их на колючки. Большая песчанка запасла в норе сено, а краснохвостая — зерно. Корсак еще весной зарыл в песок птичьи яйца. Еж жирку на боках запас, толстохвостый тушканчик жирок отложил в хвосте. У верблюда на спине два горба — словно два рюкзака с салом. Сыч в дупло, как в холодильник, уложил дюжину воробьев, полдюжины мышей, пяток скворцов, парочку жаворонков и кузнечика. А саксаульная сойка насовала в ямки и щели жуков и зерен: зимой и зернышку будешь рад, зимой и жук мясо!

Бегут кусты перекати-поля

Пусто в степи — ни зверя, ни птицы. Голо в степи — трава выжжена солнцем. Зато есть где разогнаться осеннему ветру!

Вихри, визжа и подвывая, как стая голодных псов, гонят перед собой легкие шары перекати-поле.

Шары бегут наперегонки, подскакивают, сталкиваются и, сцепившись, катятся кучей. Подхваченные смерчем, вздымаются ввысь; вдруг падают, распадаются и опять бешено мчатся на край степи, где земля сливается с мутным небом.

За серым камнем залег старый дрофич. Дудак-дрофа — самая крупная птица степи, весом с пуд — настоящий степной великан. Как олень-одинец отбился он от своей стаи и кочует теперь один по голой широкой равнине. Такой сумеет себя охранить, ни зверь к нему не подтаится, ни человек. Зоркий. И все в степи знает.

Вот в мутной дали среди бегущих шаров перекати-поля чуть показалось серое пятнышко. А дрофич настороже: это за ним собрался охотник. Охотник будет медленно подвигаться в арбе, запряженной неповоротливым верблюдом, будто он едет мимо, по каким-то другим заботам. А на самом деле начнет упорно и незаметно приближаться к пасущейся одинокой дрофе.

Дрофич не стал дожидаться арбы, встал на ноги и, разогнавшись, тяжело поднялся на воздух.

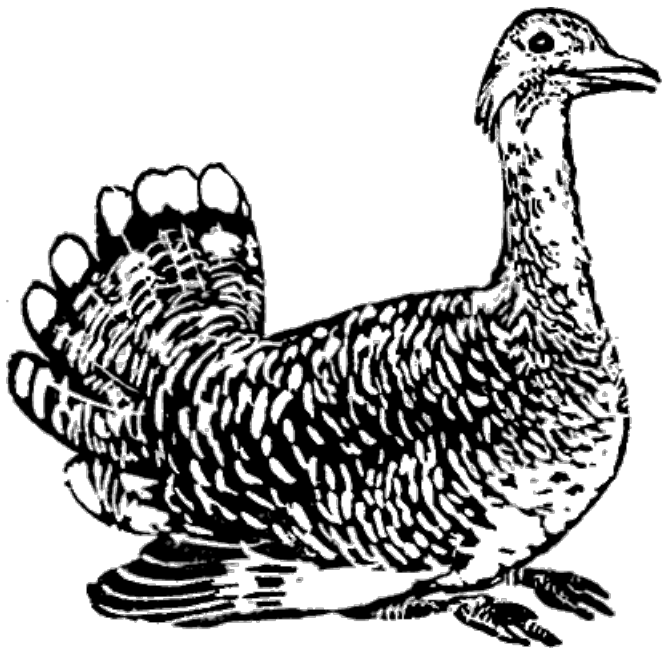
Полетел он не прямо от арбы; в той стороне, куда она направлялась, могла лежать цепь охотников. Старик полетел в сторону и летел до тех пор, пока арба не пропала из глаз.

Тогда он опустился на землю и спокойно залег за камнем с подветренной стороны.

Пусто в степи. Голо в степи. Одни только легкие шары перекати-поля с шорохом бегут и бегут мимо.

Песчинки, большие и маленькие, бьют в камень. Камень звенит. Звон тихий, ласковый, чуть слышный. И вдруг сердитый, тревожный.

Дрофич поднял седую усатую голову и смотрит в степь. Бегут и бегут кусты перекати-поле. Одни проносятся сбоку, другие перескакивают через камень. Вдали несколько легких кружевных шаров сгрудились в темную кучу, и куча, медленно переваливаясь, катится к камню. Дрофич снова опускает голову, прижимается к земле и дремлет.



Вот в другой раз дрофич поднял голову: все так же бежали по степи легкие кружевные шары, все так же медленно переваливалась темная груда кустов перекати-поля; только теперь она была совсем близко.

Зорче оленьих глаза у старого дрофича. Далеко-далеко примечают они врага.

Слух дрофича не уступит оленьему слуху. Хоть уши его и скрыты под перьями, но далеко слышит он в траве даже мышиный писк.

Вот бы тебе, дрофич, еще тонкий олений нюх! Подкатила по ветру темная груда кустов к самому камню, вдруг отвалилась в сторону, а перед дрофичем охотник стоит! И уж ружье к плечу поднял.

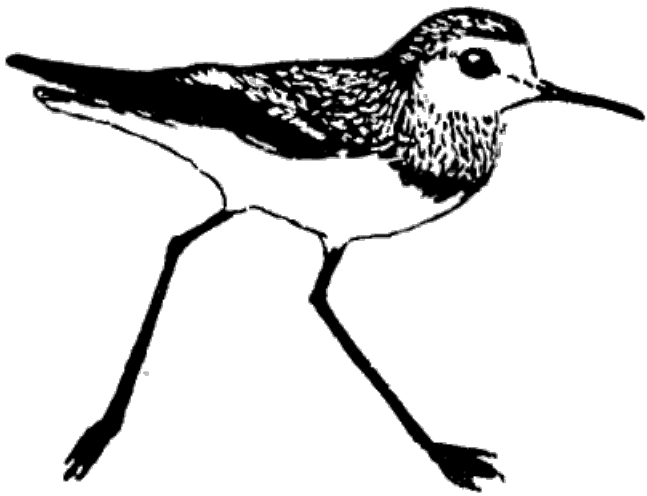
Невидимый за темной грудой кустов, неслышный в шуршащей степи, подтаился он вплотную к строгому степному великану. Был бы у тебя, дрофич, олений нюх, давно бы зачуял ты крадущегося охотника!

В солонке

Белая впадина словно гигантское белое блюдо. Гигантское блюдо, полное соли. Это шор, солончак — солонка пустыни.

Соль на блюде то слюдяной корочкой, как ледок, то пухлым ворсистым ковром, словно иней или мох белый. Но и в солонке кто-то живет!

Бегают по соли пустынные зуйки, ходят по соли джейраны, скачут тушканчики малые. Семенят солончаковые и серые жаворонки.



Но жизнь в солонке не сладкая.

Тут и там валяются провяленные и просоленные жуки, муравьи, черепахи. Горька и тяжела жизнь в солонке.

На чужих крыльях

Не у всех семян есть свои крылья-летучки. У кого своих крыльев нет — тот на чужих летает. И это очень просто, тут и стараться не надо: знай сиди да жди. Рано или поздно, а чужие крылья сами тебя подхватят и понесут.

Жаворонок проголодается — влезет в пучки травы с семенами. Рябкам ветер надоест — спрячутся в густой бурьян. Сове от солнца укрыться нужно — забьется в самую гущу трав.

А семенам только того и надо, они тут как тут: вцепятся, приклеются, вбуравятся в рыхлое птичье перо. И на чужих крыльях полетят счастья искать.

Сквозь землю

Среди серой полынки желтый песчаный круг. Весь он в дырочках, словно ломоть сыра. У каждой дырочки песчанки столбиком, как цирковые собачки. Стоят и перекликаются: «Би-биб! Би-биб!»

Издали выглядят они вполне симпатично. Но вблизи похожи на крыс.

Вообще, чем ближе их узнаешь, тем подальше хочется отойти. Говорят, что переносят всякие болезни. Говорят, что губят кусты. С корнем выедают траву, обнажая голый песок.

Кони и овцы ломают ноги, проваливаясь в норы песчанок. И очень уж их много: у каждой норки так и торчат.

«Да чтоб вы сквозь землю все провалились!» — крикнул я и топнул ногой. И песчанки мигом все… провалились! Не сквозь землю, конечно, а в свои норки. Только хвосты из норок мелькнули да взлетели фонтанчики пыли. А забавные они, все же, зверьки!

Полынка ложится спать

Летом полынка высохла, осыпалась, скрючилась и замерла. Думали уж, что погибла, а она, оказывается, словно суслик, от жары в летнюю спячку впала!

Не ест, не пьет, чуть-чуть дышит. Не растет, не зеленеет, не цветет, не зреет — спит.

А осенью, когда посвежело, когда дожди выпали, полынка проснулась. Проснулась, ожила, потянулась и зазеленела. Стала недожитое доживать, не доросшее доращивать, недозрелое дозревать. А как семена созрели — тут же их вокруг себя и посеяла.

В норку погреться

В тихие теплые вечера сцинковый геккончик все еще выходит из норки. По утрам все еще встречаю на песке его следы-звездочки. Но чем холодней вечер, тем короче гекконов след. Тем чаще он забегает в свою норку погреться, на холодные пальчики подышать, запотевшие от холода глаза языком протереть.

Корабль пустыни

Издали верблюд похож на древнюю ладью. И даже на двухмачтовик с парусами. Ход у него плавный, размеренный: ну чем не корабль на желтых волнах?

Когда-то только парусники бороздили синие волны морей и

только верблюды одолевали желтые волны пустынь. И непривычных пассажиров при этом укачивало до морской болезни.

Усталые птицы при перелетах над морем опускались на корабли. И при перелетах через пустыню птицы иногда опускаются на верблюдов: на спины, на седла, на вьюки. Встречаются осенью караваны, прямо усыпанные ласточками. Правда, в море ласточки на кораблях отдыхают, а на верблюдах они охотятся. Тысячи мух летят за караваном, десятки ласточек кружат вокруг. Прямо как дельфины вокруг настоящего корабля в настоящем море.

Так корабли пустыни и моря помогают птицам одолеть море песка и пустыню воды.

Травяной островок

Равнина как поле заборонованное. Глазу не на чем споткнуться. Разве что на крохотном травяном островке, веселом пятнышке среди серой унылости, оазисе жизни среди глухой пустоты.

Поселился в траве на островке лентяй рябок, веселая каменка-плясунья, суетливый серый жаворонок и важный серый сорокопут. Живут пока дружно — словно робинзоны-островитяне.

Прогревание животов

Все позавтракали, пообедали и поужинали — теперь животы греют. Всяк свой живот греет по-своему. Ящурка животом на

горячий песок и лапки в стороны. Лежит, дремлет. Чуть песок под нею остынет — дальше переползет.

Агама вскарабкалась на куст и выставила живот на закатное солнышко. Такырная круглоголовка греет живот горячим камнем, как грелкой! Только не грелку на живот, а живот на грелку. А удавчик зарылся в песок с головой. Принимает горячую песочную ванну. Прогревает сразу и живот и бока, и спину. Подогревает свой аппетит.

Красотка и красава

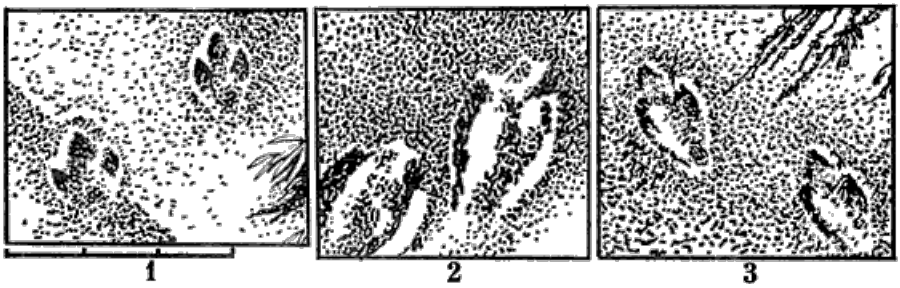
Редкое событие: встретились на бархане красава и красотка! Красава прилетел на зимовку из лесотундры, а красотка еще не успела улететь из пустыни в далекую Индию.

Дрофа-красотка ловит на песке сонных кобылок, свиристель-красава клюет на кусте ягоды.

Каждый своим делом занят — и внимания друг на друга не обратили. А ведь диковина: житель Арктики с жительницей тропиков встретился!

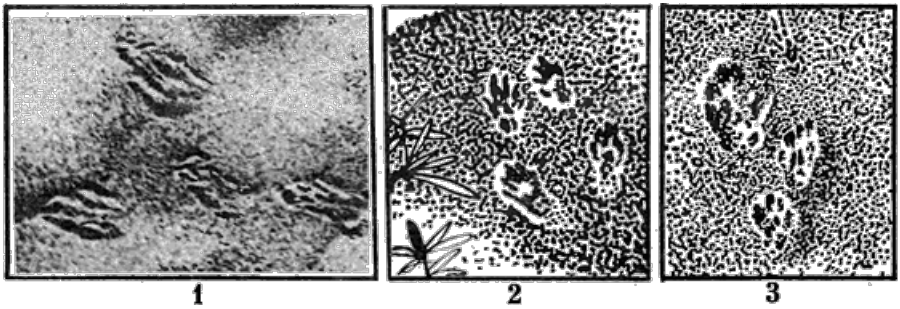
НА ЖЕЛТОЙ ТРОПЕ

Следы тушканчиков



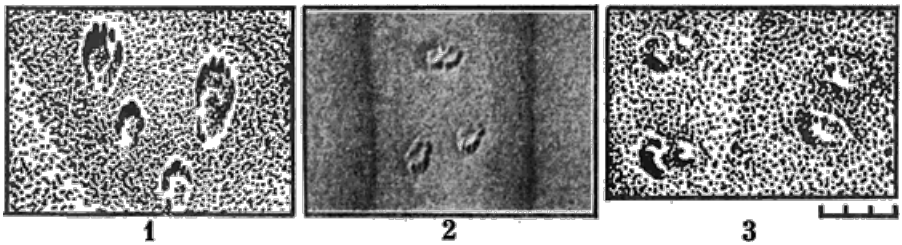
1. Следы тушканчика толстохвостого. 2. Следы земляного зайчика. 3. Следы малого тушканчика.

Следы сусликов



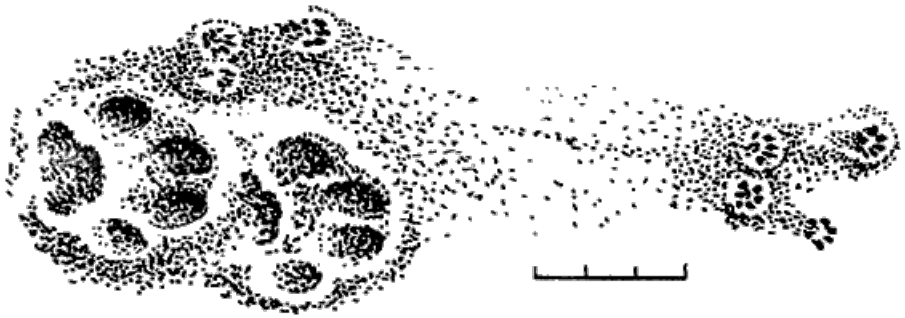
1. Следы тонкопалого суслика. 2. Следы малого суслика. 3. Следы желтого суслика.

Следы песчанок



1. Следы большой песчанки. 2. Следы песчанки полуденной. 3. Следы тамарисковой песчанки.

Кошки-мышки



Следы на песке домашней кошки. Следы на песке домашней мышки.

Какая черепаха

Если измерить ширину черепашьего следа, то можно точно узнать, какого роста была черепаха. Раздели ширину следа на три и полученную треть прибавь к ширине. Если ширина следа 3 сантиметра, то длина щитка черепахи будет 4 сантиметра, если ширина следа 15 сантиметров — длина черепахи 20.

День за днем

5 ноября. Не видно больше хлопотливых следочков ушастого ежика. На всю зиму спать завалился.

7 ноября. Опадают семена и веточки у саксаулов.

10 ноября. Перестала рыть слепушонка, угомонилась на зиму.

15 ноября. Майны начали посещать свалки, скотные дворы и помойки. Роются там вместе с галками и воронами. В холодные ночи ночуют в скотных дворах и под застрехами крыш.

20 ноября. На пятнышках первого снега засуетились снежные блошки. Протянешь руку, а они поджимают лапки, валятся набок и притворяются мертвыми.

Ветер метет барханы

Осенний ветер барханы метет. Сухие травинки и стебли над песком летят, семена и зерна по песку скачут. Скачут, ползут, катятся — пока не застрянут в обвалившейся норке суслика или песчанки. Вот застряло одно семечко, вот второе, вот третье. И уже целая горстка скопилась: готов для кого-то продуктовый склад.

Знают об этих «ветряных» складах и столовых песчанки, тушканчики, птицы. Ну-ка попробуй в холод еду по зернышку собирать! А тут выскочил наскоро из норы, пробежал накоротке до столовой, быстренько набил животок и назад в норку.

Спят под свист ветра в теплых норках тушканчики и песчанки.

А ветер за них работает, барханы метет, семена и зерна для них собирает.

Хвост-сачок

Кто обед свой зубами ловит, кто клювом, кто когтями. А удавчик так всем телом, узлом на своем «обеде» завязывается. А ночница — летучая мышь — ловит жуков… хвостом! Хвост у нее с перепонкой, как утиная лапка. Вот она им, словно сачком, и ловит на лету насекомых. А уж потом, как из авоськи, вынимает зубами.

На солнышке

Парочка песчанок вылезла греться. Намерзлись за ночь в холодной норе, теперь блаженствуют. Одна врастяжку лежит на теплом песке — лапки растопыркой в четыре стороны.

Вторая сидит столбиком, жмурится. То один бок солнцу подставит, то другой. То спиной повернется, то животом. То потянется, то зевнет. Вот мыться затеяла: кулаками глаза протирает, пальцами щеки трет и мнет. Наклонилась и коготками, словно гребенкой, шерстку на животе расчесывает. Усы расправляет. Тут у нее подмышкой зачесалось, всей пятерней начала шаркать. Потом на задних лапках подошла к лежебоке, наклонилась, легонько за ухом почесала, пальчиками шерстку на спине разгребла — блох, что ли, у соседки ищет? Лежебока потянулась, изогнувшись в спине, сладко зевнула и ткнула подругу губами в губы — поцеловала, что ли?

Так я их и оставил за этим мирным занятием.

Мышь-робинзон

Много диковинных зверьков можно встретить в пустыне: тушканчиков, слепушонок, дикобразов. Белого ежика, пятнистую землеройку. А мы мышь встретили — рыжую! А положено мыши быть серой.

Гадали, вспоминали, расспрашивали: нет, никто такой мышки раньше не видел. Может, неизвестная науке мышь?

Но оказалось — известная-переизвестная! Самая

обыкновенная домовая мышка, что ворует в домах корки и объедает свечи. Видно, завезли их когда-то вместе с юртой в пустыню кочевники, сами уехали, а мыши одичали и расплодились. На сотни километров вокруг ни одного дома, а домовых мышей сколько угодно! И так они сжились с пустыней, что даже в песочный цвет перекрасились — сразу и не узнаешь!

Великий посев

Катятся по степи сухие кусты перекати-поля. Гоняет их ветер, словно колеса. Подскакивают на буграх, перепрыгивают через канавы и камни.

А иногда, как свирепые псы, вдруг вцепятся друг в друга и катятся мохнатым клубком. Бывает, столько их сцепится, что кажется, катится целый стог сена.

Но чаще несутся, как резвые зайцы, наперегонки. С разгону, в вихрях пыли, перескакивают через дорогу. Целыми копнами застревают в ямах. Путаются в изгородях, как в сетях, повисают на проводах. А то смерч их подхватит, закружит, закрутит, втянет под самое облако и оттуда, из-под облаков, разбросает по всей пустыне.

А перекати-поле и рады. Нет у их семян ни летучек, ни цапучек: приходится самим родителям рассеивать детей по земле. Идет великий посев. Мчатся кусты перекати-поля и везде пристраивают своих деток.

Варан набирает вес

Из яйца варанчик вылупляется маленьким — весом в три бронзовых пятака.

Потом всю жизнь растет и набирает вес. Вырастет в 80 сантиметров — потянет на полкило. В 90 сантиметров — уже кило двести. Дальше — больше, а раз больше — то тяжелей.

В метр длины весит кило пятьсот, в сто десять сантиметров — уже два килограмма. В сто двадцать — три, а в сто двадцать пять — три двести.

Вырастает варан до полутора метров. Это уж не варан, а целый варанище.

Сколько такой весит — мне неизвестно. К такому не то что с весами, к такому и с палкой не подступиться!

Пошла Жучка в пески…

Привыкла Жучка во дворе кошек гонять. Все лето слышался ее заливистый лай на задворках. Натерпелись кошки от Жучки!

Осень пришла — Жучка пуще обнаглела. Надоели ей коты на задворках, подавай зайцев в песках!

Завернула хвост кренделем, задрала нос и затрусила в пески. И сразу там увязалась за зайцем: колокольчиком покатился ее лай по барханам.

Звенел, звенел колокольчик, да вдруг дико взвыл, завизжал, заскулил и умолк. А Жучка исчезла — как сквозь песок провалилась!

Но на самом-то деле она под облака взвилась. Летели на юг орланы. Кружили в небе, как черные махровые полотенца. Только белые хвосты блестели на солнце. Заметил орлан Жучку и упал с неба. Только ветер свистел и шипел в крыльях. Свесил тяжелые лапищи, сграбастал Жучку за шиворот, встряхнул хорошенько и поволок по песку. На радость всем кошкам и зайцам.

Вот так: пошла Жучка за зайцем, да и сама не вернулась. Пески — это тебе не задворки!

Охотничий дом

Дом заядлого охотника сразу узнаешь, всегда он украшен трофеями — рогами, шкурами, чучелами. Мы нашли гнездо — птичий дом! — в котором тоже жил заядлый охотник.

В гнезде расстелены коврики из заячьих и сусличьих шкурок. Лежит засушенная голова ящера варана. Под гнездом «пепельницы» из черепашьих щитков, сухие птичьи ноги и головы, черные джейраньи рожки.

И хоть самого хозяина дома не было, мы сразу поняли, что жил тут летом знаменитый охотник — орел беркут.

Земляная крыса

Земляные крысы-незокии пакостят тихой сапой. Сперва сделают под дом подкоп. Потом просверлят все глиняные стены и

пол. Прогрызут крышу и потолок. Снаружи посмотришь — дом как дом, а изнутри он весь в дырках, словно головка сыра. На пол шагнешь — по щиколотку провалишься, о стену обопрешься — по локоть увязнешь. И с потолка за шиворот сыплется. А налетит вихрь — рухнет дом, и останется от него только куча мусора.

Гости из тайги

Из хвойной тайги прилетели в пустыню на зиму золотоголовые корольки и хохлатые свиристели. Из смешанных лесов прилетели дрозды певчие и чернозобые. Из лесов лиственных прилетела мухоловочка-белошейка. Прилетели ворóны черные и серые. Видно, в лесах-то зимой хуже еще, чем в пустыне!

Тропинка гостей

Много разных тропок натоптано у поселений песчанок. От норы к норе, от нор к траве. От норы к норе — это как у нас от двери до двери. От норы к траве — это как от двери до огорода. Но есть еще особые тропки: от поселения к поселению. Как у людей от деревни к деревне. По этим тропинкам песчанки бегают друг к другу в гости: новости разузнать, друг на друга полюбоваться, а то и подраться. Ну в точности, как и у нас!

Пир на весь мир

Пир на падали всегда начинается с драки: уж больно много всегда гостей за одним столом! Ворóны, сороки, вóроны. Орлы, коршуны, канюки. Сипы, стервятники, грифы. Пируют в две смены: днем птицы, а ночью звери: лисы, шакалы, коты. И все торопятся: не прозевать бы! Пируют в тесноте и обиде. Карканье, стрекотанье, клекот — вместо застольных песен. Клювы, когти, зубы — вместо ножей и вилок. А вместо застольных бесед — драка. Пируют так, что только перья летят!

Скоро от падали остаются рожки да ножки. А от гостей пух да перья. Ветер потом кружит их над местом пира как праздничные конфетти.

Сам карусель

Средь золотых тростников у озерка красная осоковая поляна. Осоку ночью ожег мороз, и она стала красной. Иду на зорьке по колена в красной траве, вслушиваюсь и всматриваюсь. Слышу — звякнула под ногой льдинка, вижу — из-под сапога выстрелили веером белые стрелки-трещинки.

И вдруг взрыв — хвостатая рубиновая ракета!

Сзади вторая — кричащая, сверкающая, стремительная! Фазаны!

Я крутнулся, повел за фазаном ружье и уж было догнал стволами его дрожащий на лету хвост, — фазан исчез за ветлой.

Взрыв слева — круть влево! Но вижу только стволы ружья и не вижу фазана. Взрыв справа — кручусь вправо, вижу фазана, но

не вижу ружья. Взрыв — в глазах двоится: два фазана, четыре ствола!

И пошло: взрыв сзади, спереди, слева, справа, рядом, дальше, ближе! Кручусь, кручусь ошалело — карусель да и только.

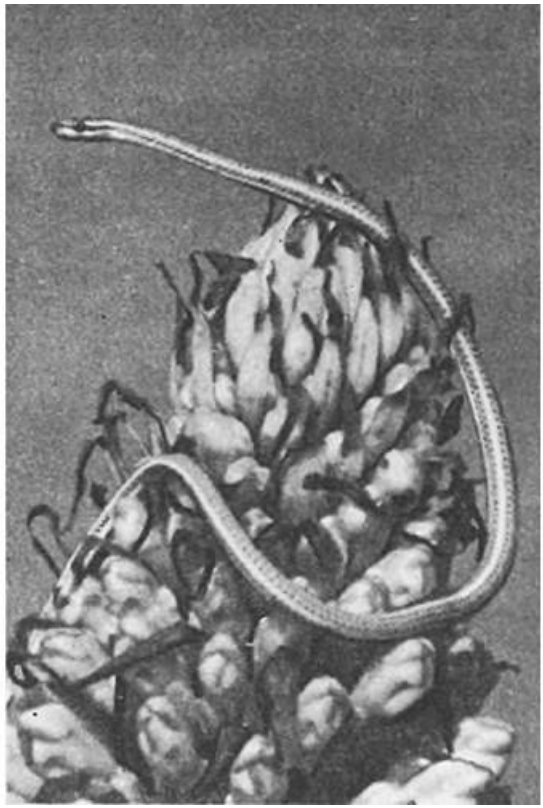
Ружья больше не вижу. Вижу только сверкающих птиц, перо которых вобрало в себя весь блеск солнца и все жаркие краски юга. Вижу их синие рогатые головки, отчаянно косящие глаза, бешено бьющие крылья, роскошные длинные хвосты, вибрирующие от ветра.

Дюжина жар-птиц на пылающей полянке!

Голова кругом!

Франты

Чешуйчатые франты пустыни — змеи, ящерицы — меняют за лето четыре одежки. А одежка у них не чета нашей: прочная, ноская. Не мнется, не пачкается — чешуйка к чешуйке. Но все равно: чуть костюм станет несвежим или на локотках протрется — сейчас же его целиком долой. А под ним уже готов новый! Прочный, красивый, блестящий. Чешуйка к чешуйке. Носи да форси.



Сон

Сонное белое небо. Сонный голый такыр с тихими сонными лужами. Вокруг каждой лужи спят птицы.

Утки лежнем лежат, уткнув носы в перья. На одной ножке стоят кулики и сонно смотрят на свое отражение. Сидят рябки, уложив клювы на зоб.

Ни звука, ни движения. Сонное царство птиц, околдованных усталостью, измученных перелетом.

Телеграфный лес

Тянутся через пустыню телеграфные линии. Если взять да и сдвинуть все столбы вместе — получится густой телеграфный лес.

Чем телеграфный столб не дерево? Чем перекладины на нем не сучки? Чем провода не ветки?

Коршуны, пустельги, сизоворонки, щурки, сорокопуты приспособили столбы под наблюдательные вышки. С высоты им все вокруг хорошо видно.

Пустынные во́роны, пустельги, коршуны строят на столбах гнезда. Столб — «дерево» высокое и надежное, это вам не хилая песчаная акация или разлапистый саксаул.

Дятлы пустыни превратили столбы в свои барабаны: лихие барабаны получились из звонких столбов.

В жару в тени столбов, словно в тени стволов, прячутся от солнца жаворонки, каменки. А удоды, пустельги и сорокопуты прячутся в тени изоляторов — словно в тени ветвей.

На закате все птицы телеграфного леса любят на проводах посидеть: отдохнуть, перышки перебрать, жаркое солнце проводить за барханы.

Есть у этого столбового леса и свой лесной шум. Весной ветер поскуливает в проводах, летом щурки звонят клювами — оббивают о провода жестких саранчуков, осенью позванивает о

провода град.

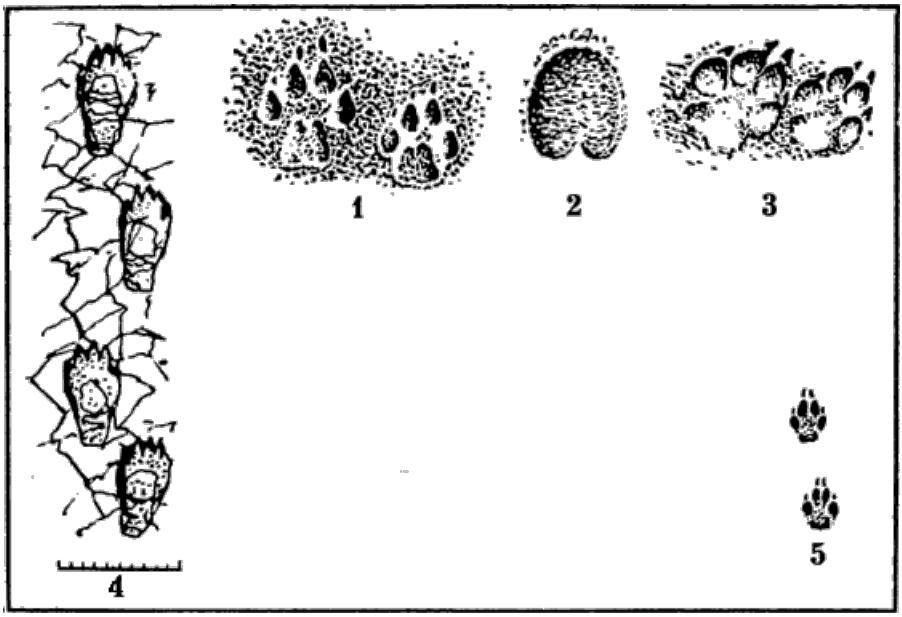
Верблюжий гребешок

Кто-то расчешет кудлатую верблюжью голову? Все-то на ней перепуталось, переплелось да слиплось. Озирается верблюд, нет ли поблизости хоть какого-нибудь столба с перекладиной? Глядь, а чесальщики сами к нему летят! Уселись на голову и за дело. Клювами и коготками расчесывают спутанные прядки, репей на затылке выдирают, колючки на челке выщипывают, за ушами что-то ищут. Верблюд от удовольствия даже глаза прижмурил.

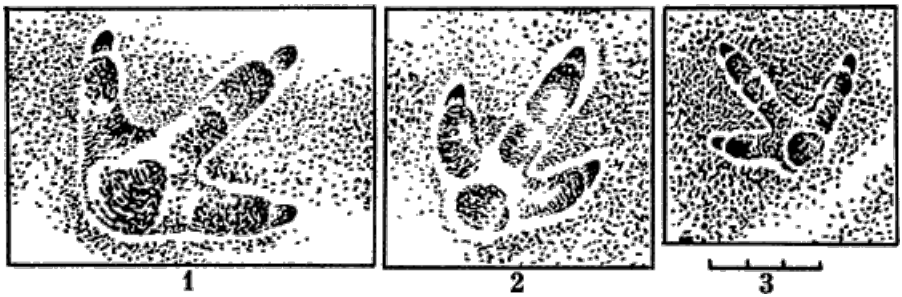
А скворцы торопятся, а скворцы стараются. Все обшарили, расчесали, выклевали, вычистили и улетели. Стоит верблюд, причесанный по последней верблюжьей моде.

НА ЖЕЛТОЙ ТРОПЕ

Следы очень редких зверей



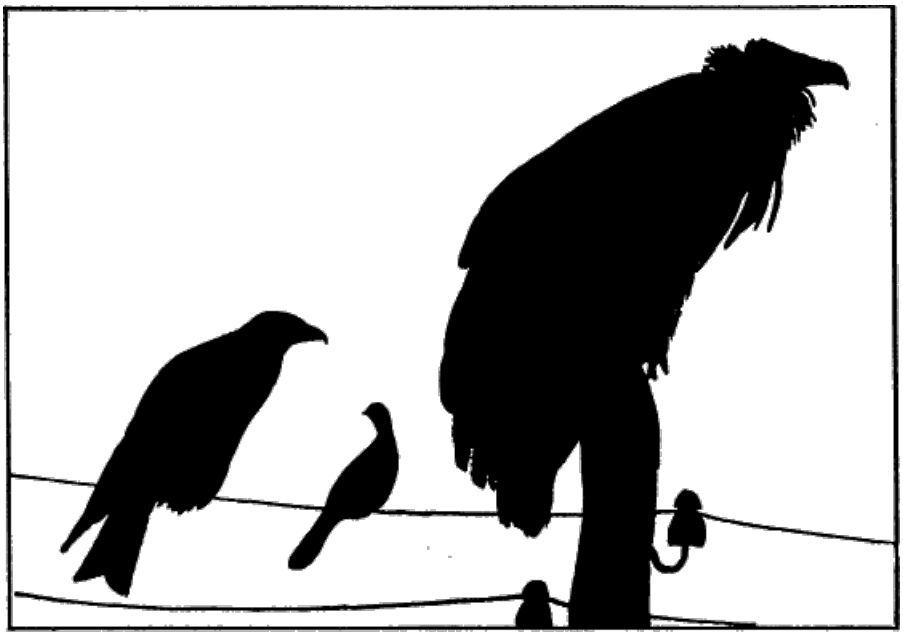
1. Это след гепарда. 2. А это след дикого осла кулана. 3. След полосатой гиены. 4. Рядом с гепардами, куланами и гиенами живет совсем редкий зверь — медоед. Вот его след. 5. Но самый редкий зверек пустыни — маленькая с огромными ушами афганская лисичка. Она так редка, что даже следа ее еще никто на воле не зарисовал. Пришлось рисовать его в зоопарке.



1. След дрофы-дудака. 2. След дрофы-красотки. 3. След стрепета.

Следы этих больших птиц чаще встречаются весной или осенью.

Силуэты на проводах



На проводах сидят горлинка, черный коршун, а на столб взгромоздился огромный бурый гриф.

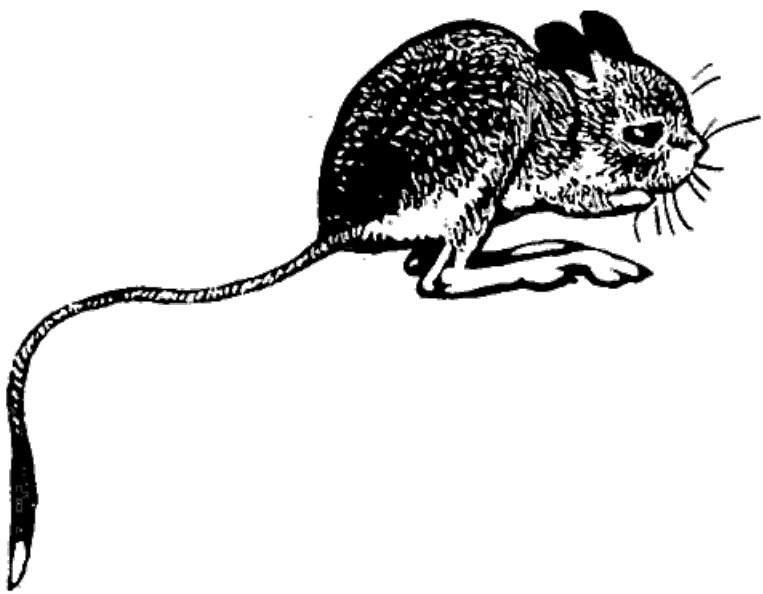
Странный попался след! Если бы были ежи ростом с собаку и если бы эти ежи катались по пескам, свернувшись в клубок, то тогда бы и получился вот такой странный след. Но таких ежей нигде нет!

Такой след оставляет не зверь, не птица, а… растение. Удивительное растение, которое бегает. Знаменитое перекати-поле.

НЕВИДИМКИ ПЕСКОВ

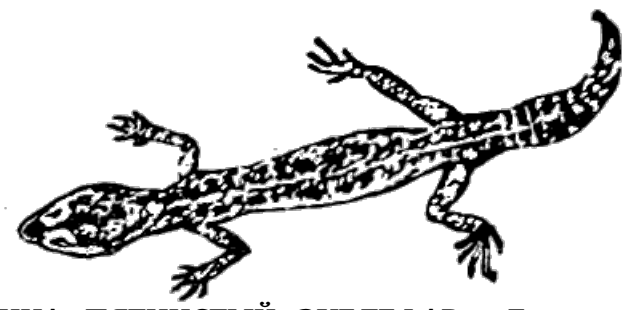
РЫЖЕВАТАЯ ПИЩУХА. «Биология почти не изучена». Живет в пустынных горах южной Туркмении. Другие пищухи там не живут, поэтому спутать ее нельзя. Всякое сообщение о ней очень интересно.

СЕЛЕВИНИЯ. «Редкий зверек, подробности жизни которого еще почти неизвестны: все сведения о селевинии представляют интерес». Похожа селевиния и на полевку и на соню. Живет в пустыне у озера Балхаш. И больше на всей земле ее нигде нет.



ТУШКАНЧИК БОБРИНСКОГО. «Очень редкий зверек. Данных о питании и размножении нет». Живет на щебнистых пустынных берегах Аму-Дарьи. Живет-то живет, а вот как — неизвестно.

ТУШКАНЧИК ВИНОГРАДОВА. «Строение нор и биология неизвестны». Выходит, что известен ученым только его внешний вид. И еще выходит, что всякое наблюдение над этим тушканчиком будет ценно. Даже можете сделать научное открытие. Да и без науки разве не интересно разузнать о том, о ком никто ничего не знает?

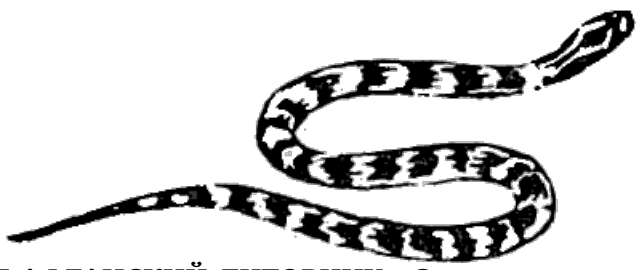


ЯЩЕРИЦА ПЯТНИСТЫЙ ЭУБЛЕФАР. «Данных об образе жизни из Туркмении нет». Значит, и вообще данных нет, потому что за все время ящерица эта у нас была поймана только дважды, и оба раза в предгорьях Южной Туркмении. Юннаты Ашхабада, попробуйте найти эту ящерицу. Вы ее сразу узнаете, у нее очень толстый и неуклюжий хвост.

УДАВЧИК СТРОЙНЫЙ. «Экология неизвестна». Находили этого редкого удавчика в горах Копет-Дага. А может, он живет и в других горах, и в пустыне? Лежат в банках заспиртованные удавчики, а где и как живут — никто не знает.

ЗМЕЯ ЗЕРИНГЕ. «Экология неизвестна». До сих пор поймана всего одна змея недалеко от Ашхабада. О жизни ее никто ничего не знает.

ЗМЕЯ ВОЛКОЗУБ. «Экология в СССР почти неизвестна». «Образ жизни ночной, день проводит в укрытии. Других данных нет». Так отзываются о волкозубе ученые. А встретить его можно у Ашхабада, Мары, Чарджоу, Ташкента.



ЗМЕЯ АФГАНСКИЙ ЛИТОРИНХ. «Экология этого вида почти неизвестна». «Образ жизни весьма плохо известен». Юннаты Мары и Теджена, слово за вами. Змея эта безопасная и живет в ваших краях.

ЗМЕЯ БОЙГА. «Экология бойги в СССР не изучена». Ловили бойгу не раз, но о жизни ее мало что узнали. Змею эту легко

узнать: у нее очень темная голова, будто бы змея окунула голову в тушь.

Кто чего может?

МОХНОНОГИЙ ТУШКАНЧИК может за 15 минут выкопать в песке нору длиной в полтора метра, да еще с запасным полуметровым выходом.

БАРСУК может съесть самую ядовитую змею, и у него даже живот не заболит.

ВАРАН может легко проглотить колючего ежонка и бронированную черепашку.

ПУСТЫННЫЙ УДАВЧИК без труда «тонет» в таком крупном песке, что, будь он ростом с огромного тропического удава, он не задумываясь «нырял» бы в булыжную мостовую.

КРАСНОХВОСТЫЕ ПЕСЧАНКИ могут высоко прыгать вверх и на лету скусывать колоски у пшеницы.

ДЛИННОИГЛЫЙ ЕЖ, когда сердится, может визжать как поросенок.

Хитрецы

«Живет в песках зверек Биб-биб. Ой-бой, до чего хитрый зверь! Летом траву косит и сено сушит. На зиму запасает. Разложит у своей норы на горячий песок и сушит. И встряхивает, и переворачивает, и в кучку складывает. А чтобы ветер сено не раздул, прикалывает его к земле рогульками. Настрижет на кустах рогулек и приколет сено со всех сторон: никакой ветер не сдует!

А когда сено высохнет — тащит в нору, в норе у него сеновал есть. Ой-бой, до чего хитрый!

Есть еще и другой Биб-биб, чуть поменьше, но еще хитрей! Он

даже зерно на зиму запасает, с полей ворует. Соберутся гуртом на поле и давай скусывать колоски. Скусывают и стаскивают в общую кучу. Потом самые длиннохвостые подбегают к куче и ложатся на живот. А все другие начинают их нагружать, складывать колоски на спину. Как караванщики верблюдов грузят! Только вместо веревки груз увязывают своим же хвостом. Задирают хвост к голове, колоски им к спине прижимают, а кончик хвоста берут в зубы. И растаскивают целыми возами по норам!

В норах особые комнаты — зернохранилища. Зимой живут — не унывают».

Верные сторожа

«Есть орел морской, он рыбу ловит, в пески залетает редко. Есть орел беркут. Он в горах живет и в песках бывает — самый известный у нас орел. Наши охотники приучают его для охоты. И живет у нас еще один орел, малоизвестный, его даже охотники не все знают. Он поменьше морского и беркута, и ловит не рыб и не зайцев, а змей. Сам змей ест, орлиху змеями кормит и орлят.

У змеиных орлов всегда только один орленок. Зато уж берегут они его изо всех сил. С воздуха никто к гнезду не подступится — сразу прогонят. А с земли… Ну, а с земли и тем более никто не сунется. С земли у них охраняют верные сторожа. Да такие, что сам обойдешь и другим закажешь. Я раз от них без оглядки бежал. Лет десять назад это было, а и теперь мороз по спине.

Пас я овец, — я их всю жизнь пасу. И был у меня подпасок, бедовый такой мальчишка, джигит. Вот забыл только, как его звали. Прибегает он раз и кричит:

— Беркут змею по воздуху несет!

Ну, я сразу понял: не беркут это, говорю, это змеиный орел. В гнездо змею потащил.

Пристал ко мне мальчишка: пойдем да посмотрим, какое такое у змеиного орла гнездо? А мне и самому интересно. Пошли к роще, куда улетел орел. Пришли, видим — гнездо на туранге. Над гнездом орел кружит, в когтях змея болтается, как веревка. Подпасок мой, бедовый, бегом к туранге и полез! Вскарабкался чуть не под самое гнездо, да вдруг как заорет! „Ты чего?“ — кричу снизу. А он заикается, ничего не понять.

Я присмотрелся и даже попятился. Под самым гнездом висят

на сухом суку две змеищи, головами качают и жала высовывают! Уползти, видно, не могут — орел спины им перешиб. А укусить могут — живые ведь! Орлы нарочно их повесили, чтобы, значит, никто к их птенцу забраться не мог. Чтобы в их отсутствие единственное дитя было под охраной. Вот змеи и охраняют: извиваются и шипят.

„Слезай, — кричу, — прыгай!“ Подпасок руки разжал да плюх о землю, словно бурдюк.

А я словно окаменел: стою и смотрю. А орел прямо надо мною повис, крыльями пошевелил, когти разжал, да и бросил змею на мою голову! Я вдогон за подпаском — не посмотрел даже, куда змея шлепнулась. Потом мы рощу эту долго стороной обходили.

Больше я никогда змеиного орла не встречал. Редкий это орел. Много их не разводится, хоть и надежная у них охрана».

Петушок

Приглянулся мне петушок для плова. Говорю хозяйке:

— Продайте мне во-о-он того шустрого.

— Да я вам его и так отдам! — отвечает хозяйка.

— Ну что вы… — стесняюсь я.

— Берите, берите! Только…

— Что «только»?

— Только не знаю, можно ли его есть.

— А почему же нельзя? — удивился я.

— Да он у нас особый. Проглоченный.

И рассказала про петушка историю. В саманном сарайчике устроила курица гнездо. Нанесла яиц, села высиживать. Вот уж и цыплята стали в яичках попискивать, а тут заползла в сарай кобра. Курица поклевать выбежала, а она давай яйца глотать! Пока курица ее увидела и крик подняла, она два яйца проглотила. Тут на крик прибежали, увидели кобру, стукнули палкой по голове. Из двух проглоченных яиц одно оказалось целым. Его пометили и снова под курицу положили. Вылупился из яйца цыпленок, совсем такой же, конечно, как и другие. И петушок из него вырос обыкновенный. А хозяйка все на него косится: как-никак, а в животе у кобры был.

— Берите, берите! — говорит хозяйка. — Только…

Поймали мы петушка, но плов делать не стали. Может, и смешно это и даже глупо, но что тут поделаешь?

Так и жил проглоченный петушок у нашей палатки. По ночам кукарекал. Хрипло, как и все молодые петушки.

ЖИВЫЕ ЦЕПОЧКИ

Работа кипит

На поле стрекочет комбайн. На стрекот слетаются пустельги, луни, чеглоки, даже орлы. Кружатся и перелетают за комбайном, как у нас грачи за трактором. В густой-то пшенице ничего им не видно, а на скошенном поле все как на ладони. Все позади комбайна: пустельги хватают саранчу, кобылок, жуков, луни — мышей и полевок, а орлы — сусликов. И только одни чеглоки обгоняют комбайн: хватают вылетающих перед ним из пшеницы прожорливых воробьев.

Комбайн убирает пшеницу, хищники очищают поле от вредителей-зерноедов. Работа кипит.

Вор у вора украл

Краснохвостые песчанки наворовали зерна и набили им свои подземные кладовые. Но как-то пронюхали про их кладовые дикие кабаны. Спустились с гор, разрыли рылами землю и слопали все запасы. А запасы были не малые: по пяти пудов на нору!

Охота

Страшные случаи на змеиной охоте

(Рассказы ловцов змей)

Утренний лов кончался, поймал я немного, а ноги в камнях набил до невозможности. И как только увидел среди камней травяную полянку, сразу же на ней растянулся, накрыл лицо кепкой от солнца и задремал.

Проснулся я, наверное, оттого, что трудно стало дышать: кепка нагрелась на солнце и стала странно тяжелой. В полусне я протянул руку, чтобы сбросить кепку с лица, но рука вдруг наткнулась не на мягкую кепку, а на упругое тело змеи! Я отдернул руку и быстро вскочил. Кепка упала, и с ней упал большой пятнистый щитомордник — змея очень ядовитая. Он сипло шипел, и кончик хвоста у него злобно дрожал.

Видно, обоим нам приглянулась эта травяная полянка и обоим хотелось вздремнуть. И моя мягкая теплая кепка показалась щитомордннку очень удобной лежанкой.

Щитомордника я посадил в мешок: зверь на ловца прибежал! И зарубил себе на носу — впредь быть осмотрительней и осторожней!

Лов был удачным, я заполнил змеями все мешочки. Солнце здорово припекало, я уже направился к дому, как вдруг на уступе лёссового обрыва у чьей-то норы увидел краснополосого полоза. Узнал я его по розовой полоске на теле, ошибиться было нельзя. Полоз этот не часто встречается, и нужно было его поймать.

Пока я сбрасывал с плеч рюкзак, полоз заполз в нору. Не раздумывая, я запустил туда руку по самое плечо. Краснополосый полоз, как и все полозы, совершенно не ядовит.

В глубине норы я нащупал змеиное тело, без церемоний схватил его рукой и выволок змею наружу. Но это был не полоз, а ядовитая гюрза! И я держал ее за середину тела!

Я успел отшвырнуть змею — она тяжело плюхнулась в пыль и зашипела, словно проколотая автомобильная шина.

В таких случаях всегда пугаешься задним числом. Сердце мое заколотилось, и я сразу вспотел. Я проклинал себя за глупую выходку: как я не подумал, что в норе может оказаться и другая змея! Я так расстроился, что не стал выуживать из норы полоза. Но гюрзу все же придавил рогулькой и упрятал в мешок.

Змей за свою жизнь я поймал много: каких только не приходилось видеть! И коротеньких — с червяка! — слепозмеек, и длинных, как бельевая веревка, полозов; и тоненьких — в карандаш! — змеек-стрелок, и толстенных, как колбаса, гюрз. Уж чем-чем, а видом змеи меня не удивишь, и тем более не напугаешь.

И все же я испугался! Встретил раз такое, чего и предположить-то раньше не мог. Как сейчас помню, перевернул я каменную плиту, а под ней — до сих пор спина холодеет! — змея двухголовая! Тело на конце раздваивается рогулькой, и на каждом конце рогульки голова! Две пасти шипят, два раздвоенных языка дрожат, четыре глаза блестят. Меня так и передернуло. Отскочил назад, как ошпаренный, даже толком не разглядел, что за змея. Большая, полоз, наверное.

Потом мне говорили, что это очень редкий случай, ученые спасибо бы мне за такую змею сказали, но тогда не мог я с собой совладать, сильно перепугался, хоть и насмотрелся на разных змей досыта и для меня они не диковина.

Как бы ты хорошо ни знал змей — всегда они могут такое выкинуть, чего и придумать нельзя! Видишь палец — он у меня не гнется. Гюрза «ударила». А ведь до этого сколько лет проработал без происшествий.

«Доили» мы змей — брали у змей яд. Дело знакомое и привычное. Берешь правой рукой змею за шею, а левой, когда змея разинет пасть, подставляешь под ядовитые зубы стеклянную чашечку. Помощник надежно держит змею за хвост. Все проверено, предусмотрено, ничего случиться не может. И все же случилось…

Надежно держал гюрзу за шею. Ни вперед ей не вывернуться, ни назад. Сейчас разинет пасть, выставит ядовитые клыки, я подставлю под них чашечку и начну «доить» — слегка надавливать на ядовитые железы на голове. Но дойка не началась. Гюрза дернулась и выскользнула вперед из своей собственной кожи, как из чулка! Оказывается, она вот-вот должна была перелинять. Кто мог это предвидеть!

Зубы ее кольнули меня в палец, и мне показалось, что палец мой окунули в клокочущий кипяток. Только через месяц вышел я из больницы. А палец не сгибается до сих пор.

Золотые слова

Глаза ворона на ранах верблюда.

Зайца на арбе не догонишь.

Кто попал в солончак — выйдет соленым.

Камнем сыча или сычом о камень — сычу все равно.

Как бы змея ни извивалась, а в нору вползет выпрямившись.

Когда караван поворачивает назад — хромые оказываются впереди.

Зима

Зимы в пустыне случаются разные. Бывают такие, как и у нас, — и снег и мороз. А то совсем зимы не бывает — ни снега и ни мороза. Бывают зимы засушливые: ни капли дождя, ни снежинки снега. Но чаще зима то наступает, то отступает.

То выбелит снег барханы, то ветер снег сдует. То мороз скует мокрый песок, то солнце его нагреет. То ясно, то мутно, то бело, то серо, то холодно, то тепло.

И случаются удивительные деньки: желтые заглаженные пески и белые, мохнатые от инея саксаулы!

День за днем

5 декабря. В теплые дни изредка встречаются свежие следы удавчика, эфы, змеи-стрелки. Значит, не все еще спрятались и уснули.

9 декабря. Исчезли следы гребнепалого тушканчика.

Уснул.

10 декабря. На редкость теплый день. Выползал погреться на солнышке полоз.

12 декабря. Летали кобылки. Встретил днем ночного жука-медляка. Выполз погреться и побродить по солнышку.

15 декабря. Вылезал из норы дикобраз. Обгладывал кору на кустиках и выкапывал клубеньки из песка.

20 декабря. Кончились теплые дни. Выпал снег, задул ветер — и пустыня вымерла.

22 декабря. У сайгаков начались отчаянные бои-турниры.

„ДЛИННОЕ УХО“

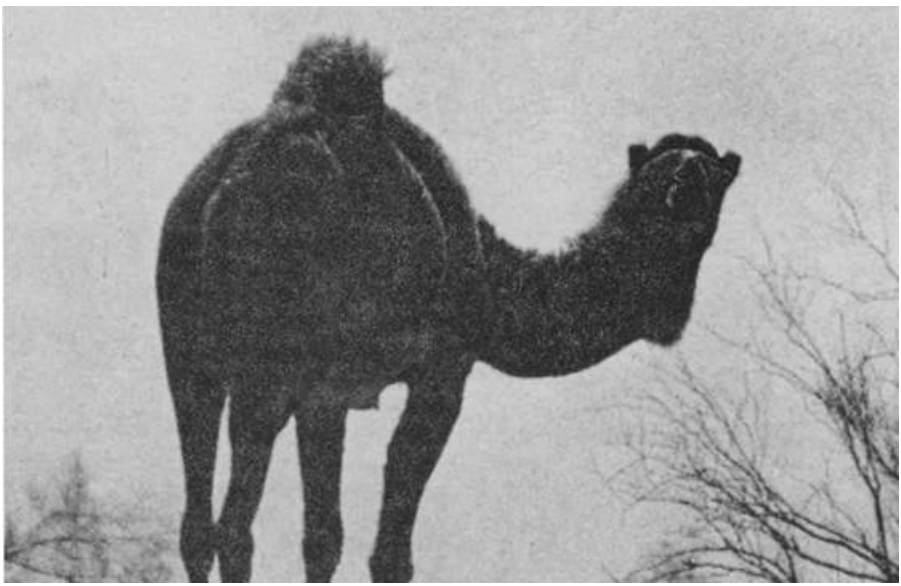
Бегом от мороза

Холодно, холодно — хоть нос из норы не высовывай! Но и в норе на голодное брюхо не усидишь. И вот тушканчики и песчанки научились от мороза бегом удирать. Выскочат из норы — и ходу! С бугорка на бугорок, от куста к кустику — бегом, бегом, пока мороз не догнал да за уши не схватил! А как начнет догонять, вот-вот за хвост схватит, тогда с ходу головой в теплую нору. Посидят в норе, дух переведут, отогреются и снова наружу — за семенами и ветками. Так всю ночь и бегают с морозом наперегонки.

Верблюжий запас

Никто в пустыню без воды и носа не сунет. Шофер воду с собой в канистрах везет. Турист во фляге несет. Уж на что верблюд к жаре привычен, но и он воду с собой тащит. Вода у верблюда в горбах. Сорок литров воды на спине — недельный запас! Горбы верблюда — это и рюкзаки с едой, и бурдюки с водой.

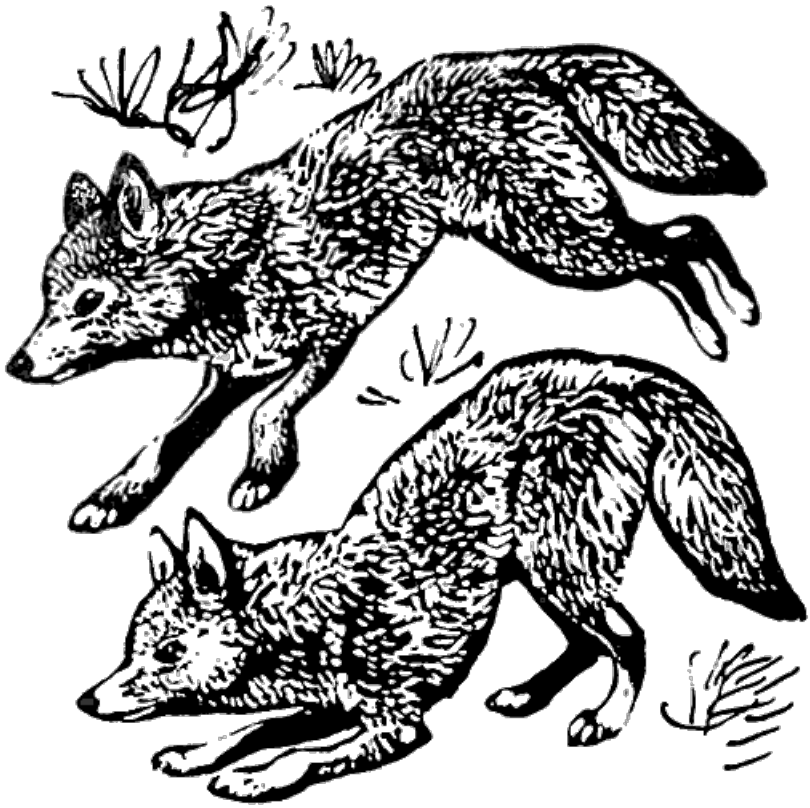
Когда верблюд долго не ест и не пьет, горбы обвисают, как пустые мешки. Значит, кончились у верблюда запасы, пора его снова кормить и поить досыта.



Уснувшие обеды

Ночью грянул мороз — корсак даже в норе прозяб. Вылез продрогший, голодный, носом повел — а живым и не пахнет! Все корсаковы завтраки, обеды и ужины уже застыли и… впали в спячку!

Летом корсаков после обеда в сон клонило, а теперь их обеды стало клонить в сон. Тушканчики, суслики, ежики, змеи, ящерицы, хомяки, насекомыши — все от мороза спрятались и уснули. Зима их словно в холодильник заперла. До самой весны!



А корсакам теперь не до сна: попробуй-ка усни на голодное брюхо!

Тронулись корсаки из северных пустынь в южные: как перелетные птицы. Туда, где еще тепло, где их обеды и ужины еще весело бегают и летают.

Общежитие под землей

На зимовку под землю сползлись змеи, ящерицы, жабы, жуки, мокрицы, осы, скорпионы, даже песчаные тараканы и травяные клопы!

Глубже всех заползла в нору змея эфа, ближе к выходу свились в клубок и закопались в пыль ящерицы мабуи. В отнорках, на стенках, в тупичках и ямках сидят зеленые жабы, жуки-чернотелки, ногатые пауки, клешнятые скорпионы, полосатые осы и клопы.

Зимуют мирно, никто никого не обижает, все сонные и

неподвижные, впавшие в забытье. Наверху день сменяется ночью, холод теплом, тишина бурей. А под землей всегда тишина, всегда ночь, всегда прохладно и сонно. И только весной, когда просочится снаружи тепло, обитатели подземного общежития проснутся и поползут к выходу. Тогда конец зимовки и конец дружбе.

Грачи прилетели

— Грачи прилетели, весна пришла! — говорят у нас.
— Грачи прилетели, осень пришла! — говорят в пустыне.
— Грачи улетели, осень на дворе! — говорят у нас.
— Грачи улетели, весна на дворе! — говорят в пустыне.

Песчанки затопили печи

Ранним морозным утром над деревней песчанок струится парок. Парок курится из норок, как дым из деревенских труб. Наверное, тепло у них там под землей!

Я шагаю через деревню, дую на занемевшие пальцы. А хитрые песчанки все по хатам сидят. Печки, наверное, топят. Да надо мной посмеиваются.

Белая чернотелка

Чернотелка и вдруг… белая! Все у нее как у обычной чернотелки — большого черного жука! Такой же панцирь, лапки, усики, Только цвет снежно-белый! Очень красивый жук.

Но, странное дело, черных чернотелок я встречаю живых, а белых — только мертвых! Где же живые прячутся? Да нигде: белых чернотелок живых не бывает. Весь секрет в солнце: каждую умершую чернотелку оно превращает в белотелку! Такое уж тут солнце: белые камни делает черными, а черные панцири мертвых жуков — белыми.

Гекконница

Скворечники для скворцов, синичники — для синиц, ну а для гекконов — гекконницы. Гекконница — длинный ящичек с щелью внизу. Вешают его там, где живут гекконы. Чаще всего на каменных и глинобитных стенах. Особенно если на стене светит лампочка. Ночью на свет лампочки слетаются бабочки, комары, москиты, и гекконы их ловко хватают. У лампочки им и тепло и сытно. А если рядом еще и укрытие — гекконница — то лучшего и не надо!

Заживо погребенные

В лабиринты подземных слепушонкиных ходов сползлись вялые осенние змеи щитомордники. В глухом теплом отнорке они устроились зимовать. Перепуганная до смерти слепушонка чутко прислушивалась и принюхивалась, обходя стороной отнорок с незваными гостями.

А когда змеи успокоились и уснули, слепушонка наковыряла со стенок норы земли, сгребла ее в кучу и, толкая землю лбом, заткнула отнорок со змеями, словно бутылку пробкой. Замуровала страшных жильцов и лбом землю утрамбовала.

Пешком по солончаку

Равнина с белыми пятнами. Но это не пятна снега, хоть на дворе и зима. Это белые пятна соли.

Дремлет на солончаке стадо ленивых верблюдов. Они смотрят презрительно, свысока, брезгливо оттопырив ворсистые губы. Вокруг стада щебет и суета. С шумом взлетают и тотчас же опускаются стайки черных птиц. Садятся на верблюжьи горбы и спины, ловко шныряют у верблюжьих ног. Это обыкновенные наши скворцы. У нас они так же ловко катались на лошадях и коровах. Сюда они прилетели зимовать зиму.

А вот и местные жители — серые и хохлатые жаворонки. В сухих пучках солянок и полыней выискивают семена.

Еще гость севера — каменка-попутчик. Пронеслась над землей, покачиваясь как на волнах, взблескивая ярко-белым хвостиком.

И опять птицы-туземцы — чернобрюхие рябки.

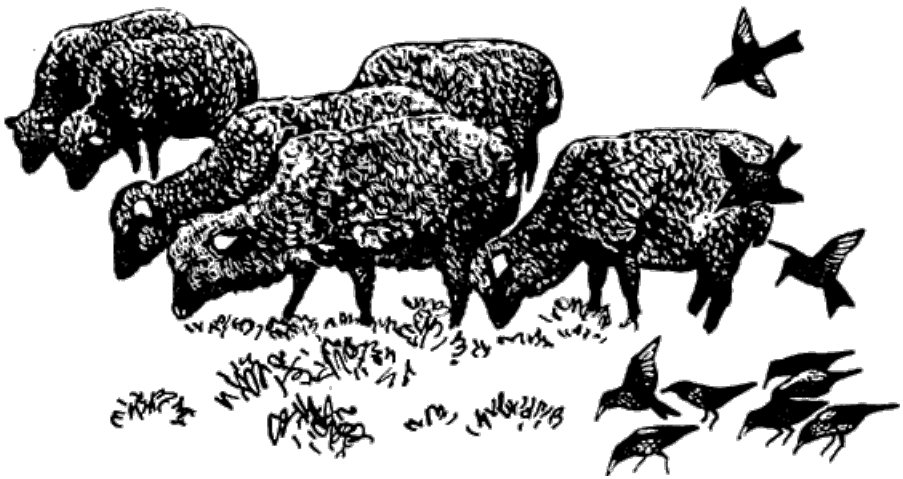
Бегут неуклюже на лапках-коротышках — словно на животах ползут. И вдруг разом взлетели, затрепетали быстрыми узкими крыльями и унеслись.

Идем, идем, а никого больше не видно. Греет солнце, холодит ветерок. Похрустывает под ногами соляная корочка.

По глинистой пустыне

Равнина рыже-серая, плоская, с серо-рыжими колючими кочками. Первыми на ней опять встречаем скворцов: но теперь они уже у овечьей отары. Куда отара овец — туда и скворцы. Так и пасутся вместе.

Вот еще наши земляки: стая грачей бродит вразвалку. Блестят черные крылья, блестят белые лысины у носов. Серые вороны пролетели торопливо: наверное, спешат к кишлаку.



Мелькая белым и черным, как-то расхлябанно пролетели чибисы: эти, конечно, к воде торопятся.

Плавно взмахивая широкими крыльями, чуть не касаясь животом земли, пролетел лунь. Повыше, тряся крылышками, висит в воздухе пустельга. Вдруг упала вниз, всполошив стайку серых жаворонков, и опять затряслась на одном месте, как подвешенная на резинке.

Еще выше кружит ястребок-перепелятник: то парит на широких крылышках, то быстро-быстро ими мельтешит. А совсем высоко, в самом небе, висит орел.

На столбе нахохлился канюк-курганник: будто дремлет, а сам зорко за всем следит.

С быстрым шорохом крыльев пронеслись рябки белобрюхие, похожие на голубков. Смотрим им вслед, прикрыв от солнца глаза ладонью.

По барханам

С бархана на бархан, то вверх, то вниз, как с волны на волну. На гребнях кусты саксаула опушены густым инеем: как белая пена на желтых волнах.

Идем, идем, а ни следа, ни встречи. Наконец-то в кустике кандыма суетливое цокотание, возня, мелькают черные хвостики — все торчком! Старые знакомые — скотоцерки, или вертлявые славки.

На саксауле, роняя иней, копошатся серенькие синицы.

На сухой акации сидят два пустынных воробья — тоже серенькие. А по гребню дальнего бархана пробежала и скрылась серая саксаульная сойка.

Пусты пески, пусто небо.

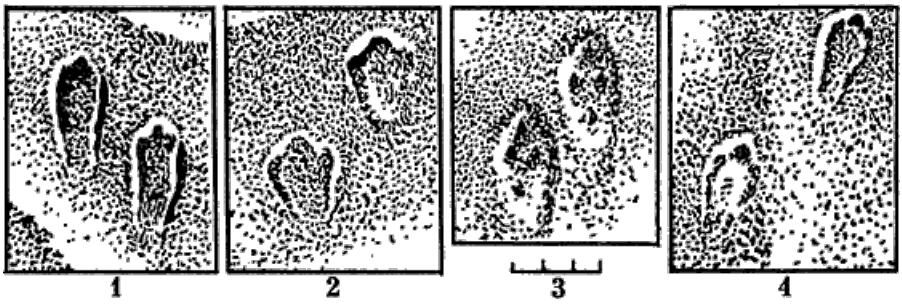
Майна на печке

В самые сердитые холода прилетает к дому и стучит в стекло наш летний выкормыш, майна: скорее впустите! Мы открываем форточку, майна сразу впархивает в нее и садится на печку, прижимаясь боком к трубе. За окном мороз, в трубе ветер воет, а майна сидит у теплой трубы и дремлет. Или негромко поет-посвистывает. Или одним глазом на стол посматривает: не выставили ли ей угощение?

НА ЖЕЛТОЙ ТРОПЕ

Зимой следов в пустыне мало. Жуки, пауки, ящерицы, змеи, черепахи, суслики спрятались и уснули. Пролетные птицы пролетели, перелетные улетели. Правда, прилетели зимующие, но их совсем мало.

Следы тушканчиков



1. Следы гребнепалого тушканчика. 2. Следы мохноногого тушканчика. 3. Следы тушканчика Северцова. 4. Следы емуранчика.

Следы редких зверей

1. Следы пустынного волка. 2. Следы дикобраза. Будто ребенок пробежал босиком. 3. Следы барсука.

День за днем

2 января. Середина зимы, а тепло! Зацвел гусиный лук.

5 января. Встретил жуков-чернотелок. Видел муравьев. Песчаный тарантул вылезал из норки, наследил песчаный таракан.

8 января. Встречаются на песке следы мохноногого тушканчика, тонкопалого суслика и песчанок. Значит, они и зимой бодрствуют.

9 января. Днем +25°! По-весеннему пели вертлявые славки. У норы грелась кобра. Толклись комарики и бегали по песку клещи. У нор свистели песчанки. Утром выползали погреться сетчатые ящурки, а вечером вылетели размять крылышки летучие мыши.

10 января. Лисички-караганки бегают свадебными стайками.

11 января. По вечерам начал кричать сыч: по весне соскучился!

13 января. Резко похолодало. У поселка на обрыве встречена горная птичка-стенолаз.

15 января. Мороз. Майны садятся на овец и верблюдов погреть в шерсти лапки. Заодно что-то в шерсти выискивают. На чердаках замерзло много летучих мышей.

20 января. Потеплело. В песках заворсилась зелененькая осочка.

22 января. Тепло обмануло горлинку, и она снесла яички.

23 января. А ночной мороз их заморозил. А цветам холод не страшен. Цветут подснежники, фиалки, какие-то фиолетовые колокольчики.

24 января. Лысый барсук-медоед вылезал из своей норы, рыскал по холмам и выкапывал из земли спящих черепах.

27 января. Стали слышны ночные концерты диких котов. Воют на барханах так же противно, как их домашние родичи на городских крышах.

„ДЛИННОЕ УХО“

Они знали

День с утра был теплый и солнечный. По стенам ползали мухи, из норки выползла сетчатая ящурка, а вертлявые славки в кустах даже пели. Но с полдня они вдруг притихли, посерьезнели и спать на ночь забрались… под землю, в норку песчанки! И не напрасно: ночью ударил мороз, саксаульник замохнатился белым

инеем. Плохо бы пришлось славкам, если бы они заранее о морозе не знали! Ящурки, вон, не успели спрятаться и замерзли.

Холодно

Нагрянули снега, ударили морозы. Ночью, говорят, было до 30°! Утром у дома подняли замерзшую горлинку и двух воробьев. А за поселком в снегу нашли трех замерзших жаворонков. Они спали в снеговых лунках, да так и не проснулись.

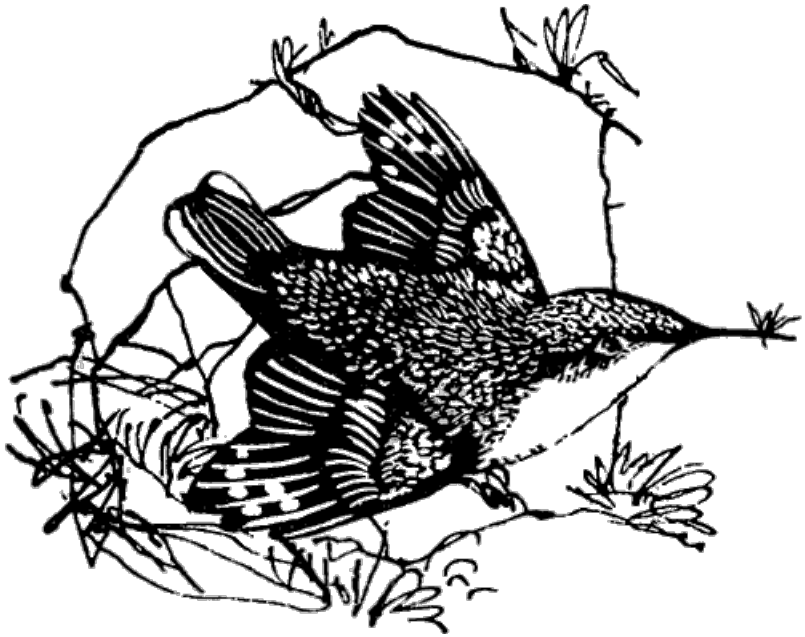
По следам видно, что какие-то птички тоже ночевали в снеговых лунках, но не в одиночку, а целой компанией. Эти все уцелели: в тесноте-то теплей.

Даже вертлявые славки притихли и присмирели. Сидят в глубине куста, тесно прижавшись друг к другу. И из клювиков пар: словно сидят и покуривают.

Гости с гор

Первые гости с далеких гор! Зимой, конечно, и в пустыне не сладко, но все же полегче, чем на заснеженных кручах. В поселке появился стенолаз и, как ему и положено, стал ловко ползать по глиняным стенам, совать свой длинный нос во все щели. Поубавил в щелях зимующих мух, пауков и жуков. Залетал, говорят, даже в окна и двери и ловил в комнатах мух и тараканов.

В саксаульнике видели горную горихвостку с рыжей спиной. А над кошарой долго кружил стервятник. Падали не нашел и расклевал потерянный детский ботиночек из сыромятной кожи.



Гости из тундры

То тут, то там стали встречаться чабанам и охотникам чудные нездешние птицы. Видели сову белую с желтыми, как у кошки, глазами. Сидела неподвижно на земле у норок песчанок. Видели рогатого жаворонка с двумя рожками-хохолками. Видели стайку белых воробьев.

Все это зимние гости из далекой тундры. Не каждый год долетают они до пустыни, только особо злая зима загоняет их так далеко от родины. Странно видеть белую полярную сову, белых полярных пуночек, похожих на воробьев, и рогатых тундровых жаворонков там, где летом жили тропические дрофы-красотки, бульдуруки и сказочные фламинго. Это все равно, что в джунглях столкнуться с белым медведем!

Тамарисковая песчанка

Песчанка на зиму хорошо устроилась. Нора у ней к гнезду длинная, с крутыми поворотами — чтоб ветер не задувал и тепло

не уходило. Пол и стены в гнезде утеплены сеном и шерстью, мягкими тряпочками. Рядом, в особом отнорке, уборная. Вот если бы еще и кладовую с запасом — можно бы из норы и нос не высовывать. Но ни кладовой, ни запасов у той песчанки нет. Хочешь не хочешь, а нос высовывай, вылезай на снег и мороз, разыскивай веточки и семена. Чтобы не закоченеть на снегу, носится песчанка сломя голову да с разгона то головой в сугроб, то кувырком с горки. Роет без передышки: снег ли, песок ли, глину. Помойку проверила, под кустом ямок нарыла, на снегу былинки погрызла. А на обратном пути не забыла клок шерсти схватить — чтоб после трудов на морозе на мягком в норе поспать. Отдохнуть, набраться новых сил для новой вылазки.

Глубокий снег

Выпал глубокий снег. Желтые барханы сразу превратились в белые сугробы. Непривычно идти по пустыне на… лыжах! Непривычно читать строчки следов не на песке, а на снегу. И непривычные события происходят вокруг.

Песчанки не очень-то испугались снега. Холодней у них под землей не стало. Даже теплей: ветер в норы не задувает, ночной мороз не забирается. И еды стало больше: самые вкусные веточки саксаула теперь прямо с сугроба можно достать. Не надо по корявым сучкам карабкаться, стоит только на задние лапки встать.

А раз сыт, то и тепло, а раз тепло, то и снег не страшен.

Тут и там на светлом снегу желтые кучки песка. Это песчанки прочищали выходы из своих нор: по молодому снежку попрыгать, саксауловые веточки позубрить.

А вот для джейранов глубокий снег — беда. Трава сухая под снегом, а разрывать снег — «копытить» — они не умеют. Кусты в

пустыне далеко друг от друга, а ходить по снегу джейраны не могут. Не держит их снег, протыкают его их острые, как копья, копытца до самой земли. Приходится грудью снег пробивать. Наст режет грудь и бока, ноги в снегу как спутанные. Хорошо еще, если волков близко нет.

Бредут по снегу измученные джейраны. И в черных глазах их, как слезы, блестит белый снег.

На берегу

Над пустынным берегом Каспия, словно патрульные самолеты, пролетают орланы и коршуны. А по берегу, как патрульный мотоциклист, пробежит то волк, то лиса. Нет, не выброшенную волнами рыбу ищут сейчас эти клюватые и зубастые хищные «патрули». Ищут они птиц, вымазанных мазутом.

Все море у берега в радужной нефтяной пленке. И перья от нее у водяных птиц пачкаются и слипаются. Обессиленные птицы спасаются от страшного разноцветного моря на берегу и… попадают в страшные зубы и когти.

Старые и молодые

Старые змеи щитомордники, зимовавшие не одну зиму, и этой осенью заползли на зимовку глубоко в землю. За ними увязались и первогодки, но не все. Иные глупые первогодки зазимовали в летней норе, совсем мелкой. В первой же сильный

мороз они все там замерзли. А в зимней норе все уцелели: ни мороз, ни ветер не смогли к ним пробраться.

Ночной вор

Все прячутся от холодов кто куда. Дикий степной кот в старую дикобразью нору забился. От мороза и снега спрятался, но от голода и в норе не укрыться. Хорошо песчанкам и сусликам — у них в норах запасы. Хорошо змеям, ежам и ящерицам — спят в норах до весны без забот. А дикому коту плохо: есть хочется, а еда вся попряталась.

Ночью подошел кот к человеческому жилью. Людей не видно — в теплых домах спят. Собак не слышно — в теплых конурах сидят. Куры в теплых курятниках дремлют. Все вокруг тихо-тихо…

И вдруг все зашумело! Заорали, заметались, забились куры. Залаяли, загремели цепями собаки. Затопали, закричали, захлопали дверью люди. Но кот был уже далеко. На снегу остались только его следы да белые куриные перышки.

Нос с глазами

Снег укрыл землю. Но корсаков нос словно сквозь снег видит! В поле корсак заячью лапку разрыл — осенние орлиные недоедки. В кустах птичьи яйца выкопал — сам их еще весной туда спрятал. А на задворках бараний череп вытащил из-под снега, копыто лошадиное вырыл, козлиный рог раскопал. А еще чьи-то рваные сапоги, кожаную рукавицу, сыромятный ремень, консервную банку.

Весь снег на задворках за ночь изрыл. Ничего не укрылось от его глазастого носа. Что погрыз, что лизнул, что просто понюхал. Голод не тетка, привередничать не приходится. Зимой и копыто старое — счастье.

Заячьи носогрейки

Морозище, даже зайцы продрогли. Может, даже уши себе отморозили. Не помогли ни теплые заячьи шубки, ни шустрые заячьи ноги. И вот залегли зайцы в бурьян, призадумались, закурили заячьи носогрейки. Тут и там над бурьянами светятся трепетные дымки. Против солнца так и попыхивают.

Это зайцы свои носогрейки раскуривают.

Где дымок — там и заяц. Лапки под себя поджал, уши на спину уложил, из носа колечки пускает. Думает.

Зимняя змея

Пришло известие, что человека укусила змея. Это в январе-то, посредине зимы!

Может, он дома в террариуме змей держал? Нет, пишут, укусила в поле. Может, он нору с зимующими змеями раскопал? Да нет, не копал. Шел, говорят, нагнулся, хотел камешек яркий поднять, а тут змея его за палец — цап! Палец вздулся и посинел: ядовитый щитомордник ударил.

Оказалось, выдался в январе на редкость теплый и солнечный день.

Щитомордник в норе почуял тепло и выполз погреться. А тут ему руку чуть ли не в нос ткнули — он и «клюнул».

Такое, конечно, только в пустыне и может случиться! Да и то редко.

Зимний гриб

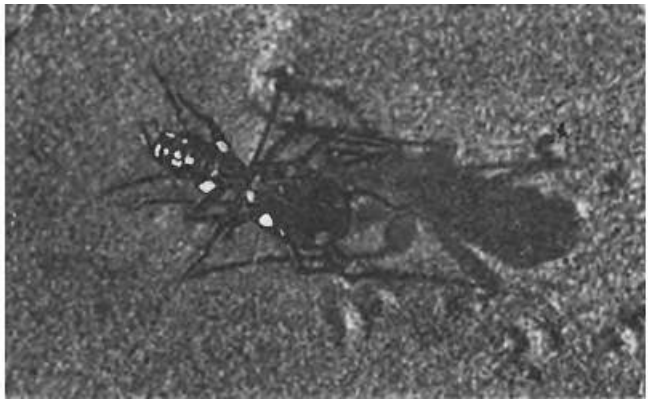
Зима, а на окне мотылек! Новый год, а за окном дождь грибной: веселый, искристый, частый!

Песок на барханах сырой и плотный. Саксаул мокрый и блестящий. А под саксаулом на песке — грибы! Самые настоящие: свеженькие, молоденькие, чистенькие. Ножки, шляпки — все как положено. Даже запах грибной.

А где-то сейчас глухая зима. Вьюга, метелица, гололед. А у нас в пустыне дождик грибной. Грибы новогодние, свеженькие. Грибы подсаксаульнички.

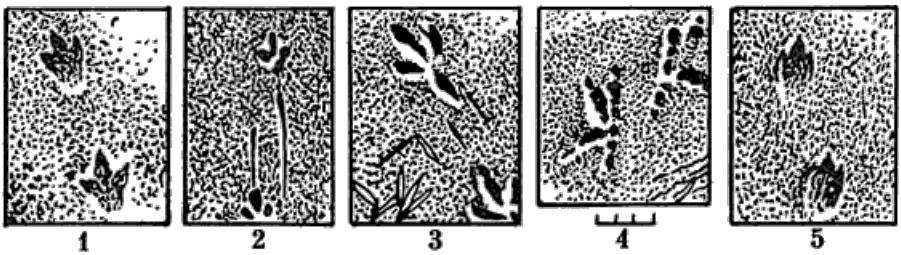
Как весной

Из-под снега выползают на солнышко насекомыши: слоники и плоскотелки, паучки и цикадки, черные мухи и черные комарики, клопики и даже клещики. Снег холодит им живот, но солнце припекает черную спинку. И от этого насекомышам и не холодно, и не жарко. Не холодно, как зимой, и не жарко, как летом. Им сейчас тепло и весело — как весной!



НА ЖЕЛТОЙ ТРОПЕ

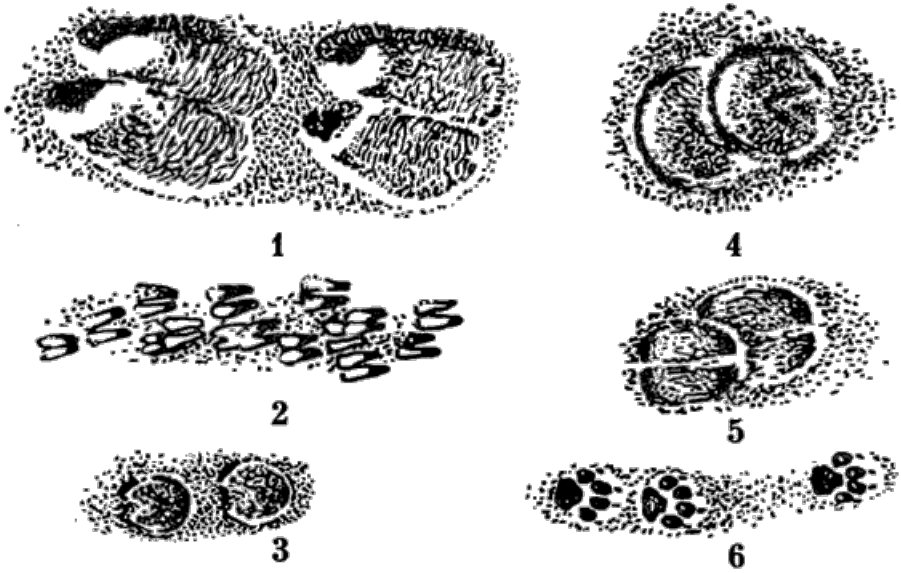
Птичьи следы



1. След рябка. 2. След хохлатого жаворонка. 3. След майны. 4. След сыча. 5. Следы саджи.

Эти следы приводят к жилью

Если заблудишься в пустыне — ищи следы человека или домашних животных. Их следы непременно приведут к жилью. След человека знает каждый, а следы домашних животных выглядят так.



1. След верблюда. 2. Следы овец. 3. След ишака. 4. След лошади. 5. След коровы. 6. След собаки.

День за днем

2 февраля. В глухих пустынных предгорьях стали слышны жуткие крики. Это запели весенние «песни» гиены.

9 февраля. Прозвенела первая песенка пустынного вьюрка.

10 февраля. Родились зайчата-песчаники. Зайчики-февральчики! Мы их спугнули, а они попрятались от нас… в норы.

12 февраля. Хохлатые жаворонки подняли хохолки! Всю зиму они вели себя скромно и хохолки не поднимали. А сейчас взлетают на высокие заметные камни, кусты и коряжки: лихо посвистывают, растопыривают крылышки, задирают друг друга. И торчком хохолки!

13 февраля. В подземном гнезде слепушонки родились слепушата.

15 февраля. По вечерам распевает весенние «песни» сыч.

17 февраля. Заиграл на барабане пустынный дятел.

20 февраля. Воробьи тащат соломинки и травинки: строят гнезда.

23 февраля. В волчьем логове волчата: толстые, слепые, курносые.

24 февраля. Кабаны копали носами землю, выкапывали жуков и личинок, клубни и корни. Один кабан нечаянно выковырнул спящую в земле черепаху. Черепаха медленно ползет, жмурится от солнца, ищет новое укрытие.

26 февраля. Вертлявая славка отложила ранние яички. Но ночной мороз их заморозил.

27 февраля. Встречена первая самка агамы. Самцы еще спят.

„ДЛИННОЕ УХО“

В саксаульнике

Песок в саксаульнике чуть припудрен снежком.

В голых жестких ветках посвистывает ветерок. Порхают редкие белые снежинки — словно белые мотыльки.

Чаще всех попадаются на глаза вертлявые славки: то тут, то там их суетливые компании. Слышен озабоченный цокоток, мелькают беспокойные черные хвостики.

Слышно попискивание серых синиц. А то послышится тихий стук: это долбит белокрылый дятел. Прошуршит по сухой осочке заяц-толай. Крикнет в небе черный пустынный ворон. И опять тишина — только ледяной ветер засвистывает в ветвях.

В кишлаке

Обитатели пустыни жмутся сейчас к жилью. Из саксаульника залетают пустынные дятлы, пустынные вьюрки, серые пустынные синицы, вертлявые славки. Ночью приходит дикий кот и ворует кур. Из песков прилетают пустынные и саксаульные воробьи, саксаульные сойки. Они ловко воруют зерно у кур. На задворках держатся хохлатые жаворонки, вороны. Тут же и постоянные обитатели поселка: полевые и домовые воробьи, горлинки, голуби, майны. У человеческого жилья всегда найдется, чем червячка заморить и где от мороза и ветра спрятаться.

Беда

Ползимы качали теплые волны Каспия у пустынного

восточного берега уток, лысух, чаек. И вдруг взъярилась на волнах злая пена, обрушился из туч мокрый липучий снег. Птицы вымокли и отяжелели. С трудом, кто лётом, кто плавом, добрались до берега, выбрались на песок и угнездились, поджав под себя голые замерзшие лапки и уткнув голые носы в перья. А ночью со звезд опустился мороз.

Но утром по всему берегу, все так же спокойно сидели птицы. Сидят и людей не боятся. Рыбак тронул ближнюю утку ногой, а она, как чурбачок, мертво перевалилась вверх лапками…

Сидят птицы: чирки, нырки, лысухи.

У всех лапки поджаты, у всех носы спрятаны в перья. И кажется, что они спят. А они все мертвые, все замерзли.

За каменной стеной

Солнце нагрело камни, торчащие из снега, и камни дымятся. Словно крыши домов, утонувших в сугробах.

Под одной такой «крышей» компания разомлевших муравьев. Из темной и холодной глубины выползли они под теплый камень погреться.

Ноги затекшие поразмять, пошевелить усиками. А на другой «крыше», словно воробьи или галки, расселись мухи. Подставили солнцу спины.

За камнем-стеной целая рота клопов-солдатиков. Тут их зимняя «казарма», тут они зиму зимуют.

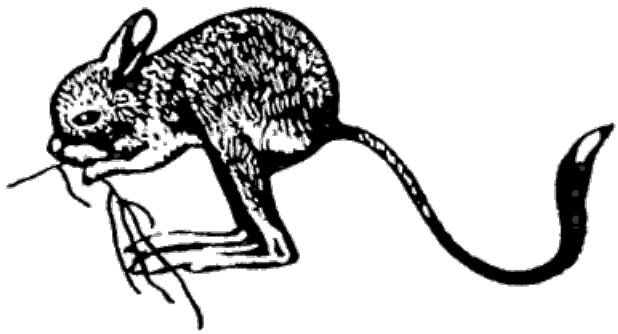
Снег кругом и мороз. А за нагретым камнем тепло. Ни дождь, ни снег не попадает, ни ветер не задувает.

Так и живут беззаботно, как за каменной стеной.

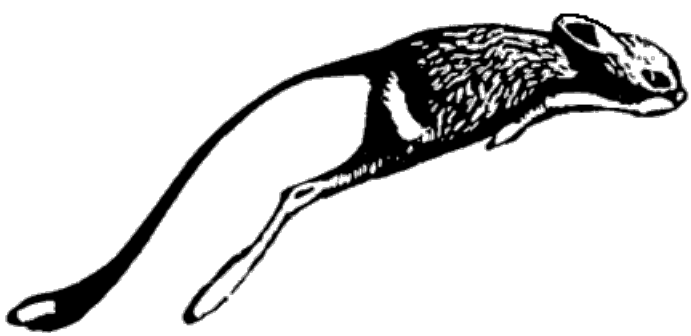
Зачем тушканчику хвост?

У тушканчика хвост в три раза длинней тела. И уж наверное, не напрасно он у него такой длинный. Без длинного хвоста ему не прожить. Хвост у него на все руки!

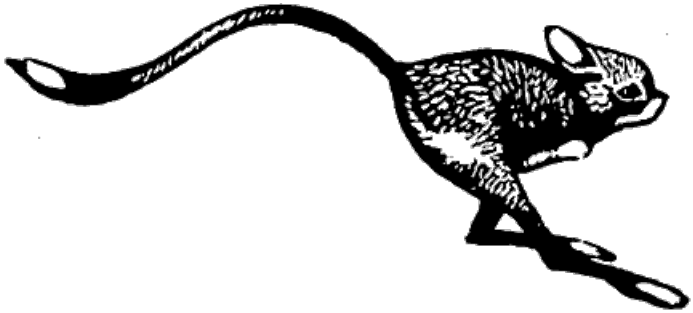
Вот сидит тушканчик на задних лапках. Передними веточку держит, чтоб удобнее было огладывать. А сам на хвост опирается, как кенгуру. Тут хвост у него — *подпорочка*.



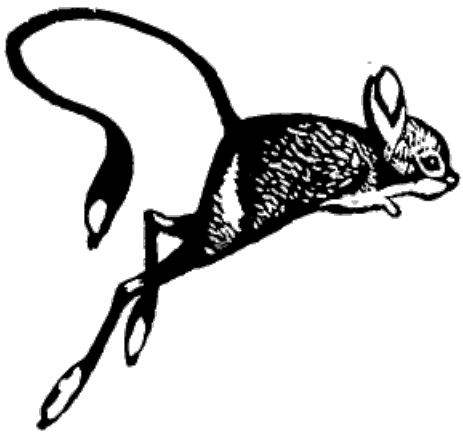
Прыгает тушканчик тоже на задних лапках, передние коротышки прижимает к груди. Хвостик помогает ему при первом прыжке от земли оттолкнуться. Хвостик — *толкач*.



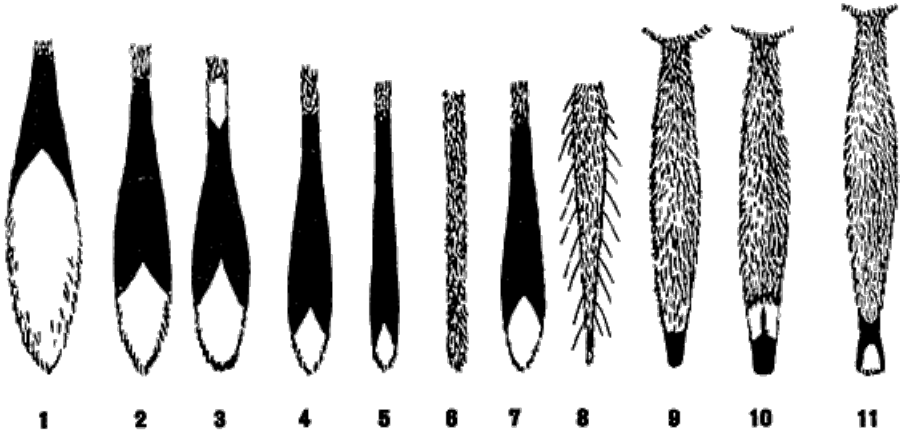
На двух ногах скакать совсем не то, что на четырех: того и гляди растянешься. И опять выручает хвост: помогает сохранять на бегу равновесие. Хвост — *балансир*.



И это еще не все! На конце тушканчикова хвоста белая кисточка. В темноте это *указатель*: я тут, вот он я! Скачет тушканчик по ночным пескам, мелькает кисточка, как белый флажок, а друзья за ним. А если враг увяжется, то взмахнет тушканчик белым флажком влево, а сам прыгнет вправо. Так что хвост у него еще и *обманщик*.



Видно тушканчика по хвосту



1 — земляного зайца; 2 — тушканчика Северцова; 3 — тушканчика-прыгуна; 4 — малого тушканчика; 5 — тарбаганчика; 6 — емуранчика; 7 — мохноногого тушканчика; 8 — жирнохвостого карликового тушканчика; 9 — приаральского тушканчика; 10 — тушканчика Виноградова; 11 — тушканчика Житкова.

Кошка и мышка

Кошки, конечно, любят мышей. Но попробуй найди на барханах мышь!

Вот барханный кот и ловит всех, кто рядом с ним живет. Зверьков: зайцев, песчанок, сусликов. Птиц: дятлов, воробьев, саксаульных соек и скотоцерок. Гадов: полозов, ящериц и гекконов. Насекомых: чернотелок, фаланг и скорпионов.

Ну, а если где мышь подвернется — и ее не упустит. Все-таки кот он, хоть и барханный.

Большой и маленький

Самый большой дикий зверь в пустыне — кулан, дикий осел. Ростом почти с лошадь. А самый маленький — карликовая землеройка. Длиной со спичку, весом с копейку; в одном следе кулана может спрятаться целая дюжина землероек.

Джейраньи зеркальца

Джейраны издали кажутся белыми. Словно несется в степи стайка солнечных зайчиков. Это взблескивает атласное пятнышко на задних ногах — джейраньи «зеркальца». Они такие яркие, такие атласные, такие белые, что хоть глаза жмурь. По этому блеску джейраны и находят друг друга в пустынной безбрежности.

Лягут джейраны — зеркальце под себя спрячут. Побегут — выставляют напоказ: за мной, друзья, — вот он я! Джейраны бегут — словно птицы летят. Лишь на миг ударяют о землю копытцами и снова взлетают на воздух. Так скачет по воде ловко брошенный плоский камешек: только вместо водяных кругов-блинчиков завиваются из-под джейраньих копыт смерчики пыли.

Птичьей вереницей мчатся джейраны. В рожках-лирах ветер поет. Черные хвостики торчат дыбом. И каждый задний смотрится в «зеркальце» впереди бегущего.

Жаворонки и воробьи

В пустыне живут не только пустынные воробьи и пустынные жаворонки. Живут воробьи домовые и полевые, саксаульные и каменные и даже испанские! И жаворонки: хохлатые и рогатые, степные и полевые, серые и малые, белокрылые и двупятнистые.

Изо всех птичьих сил оживляют они немые просторы певучим чириканьем и чирикающим пением.

Песочные часы

На кустах висят «песочные часы» — старые птичьи гнезда, доверху насыпанные песком. Гнезда, известно, птицы вьют, а песок в них насыпает ветер. Если гнездо совсем старое, дырявое, — песок из него потихонечку высыпается. Время течет медленно. А если гнездо нынешнее, крепкое, — песок совсем не струится. Время словно остановилось…

Ветер то и дело насыпает в гнезда песок. Гнезда-часы отсчитывают время пустыни.

Не бесследно

В черных каменистых пустынях находят странные белые следы. То тут, то там светлеют овалы: в одиночку, парами, группкой. Чабаны говорят, что это древние лежки джейранов. Следам этим… полсотни лет! Теперь тут джейранов давно уже нет, всех охотники выбили. Но когда-то, полвека назад, джейраны тут жили. Перед сном разгребали они копытами черные камешки, выравнивали свою лежку. Камешки переворачивались белым незагорелым донышком вверх, и лежка белела издали. И вот

давным-давно исчезли джейраны, а лежки их все белеют.

И за полвека перевернутые камешки не почернели.

Остались от джейранов одни следы.

Змеиное логово

Пегая землеройка, шмыгая хоботком и перебирая голыми лапками, весело бежала по тоннельчику — подземному коридору. Вдруг впереди что-то зашевелилось и тягуче зашуршало. Землеройка так и обмерла. Впереди шевелились змеи. Это было зимнее логово эф: они сползлись в него на зимовку с разных мест.

Встревоженные змеи подняли плоские головы, стали злобно кусать воздух, и желтый яд потек по губам. Землеройка в ужасе кинулась к выходу.

Жизнь сквозь сон

В июне выгорает трава и черепахи ложатся спать. Спят без просыпу девять месяцев. Остальные три месяца они тоже спят, но уже с «просыпом». Просыпаются для еды на 9 часов в сутки.

Выходит, за год черепаха бодрствует всего 800 часов: остальные 8000 часов спит.

Человек за 60 лет проспит 20 лет. Черепаха за 60 лет проспит

55. Хоть и долго черепаха живет, да, кроме снов, мало что видит.

Грустное письмо

«Страшные навалились в феврале морозы и ветры: давненько такого у нас не было! А показалось солнце — еще хуже. Днем снег таял, ночью мороз сковывал его ледяной броней. Теперь и самый бешеный ветер не сможет снег унести и открыть сухую траву. Остались сайгаки без еды и укрытия. Ветер валит с ног, трескается от мороза земля. Жаворонки замерзали целыми стаями. Они залетали в дома, набивались в овечьи кошары. Сплошь покрыли своими трупиками разбросанные вокруг кошар клочки сена. За теми самыми столбами, в тени которых летом жаворонки спасались от невыносимой жары, сейчас прятались они от ураганного ветра. Но от мороза не спрячешься за столбом: так и лежат мертвым рядком в ветровой тени столбов. Сайгакам и вовсе некуда укрыться. Голодные, истощенные, с запавшими боками, по колено в снегу стояли они неподвижно, опустив головы и прижавшись друг к другу. Пар от дыхания метался над стадом, шерсть на спинах обледенела. Все стадо медленно затягивал сверху тусклый ледяной панцирь из снега и льда. Сайгаки замерзли стоя. Страшно было смотреть на большое мертвое стадо, стоящее на ногах, как живое…».

Солнце пригрело

Проглянуло солнце, выползли из нор погреться те, кто зимовал не очень глубоко под землей. Видели на припеке стрелу-змею: сейчас она не такая быстрая, как летом. Видели сетчатую ящурку: распласталась на теплом песке.

Видели змею — черноголовую бойгу.

А на плоском, как лежанка, нагретом камне нежилась полосатая ящурка.

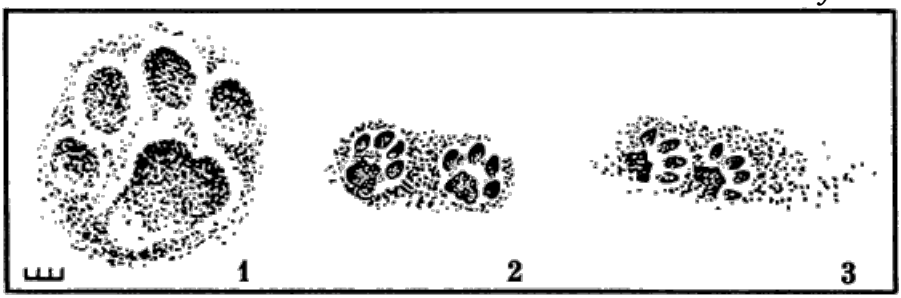
Перевернули камень — под ним слепозмейка. Слепозмейка не любит света, но, как все, любит тепло. Вот и устроилась под нагретым камнем.

Ящурка на лежанке, а слепозмейка под ней.

НА ЖЕЛТОЙ ТРОПЕ

Следы очень редких зверей

Находка следов этих «кошек» — большая для следопыта удача.

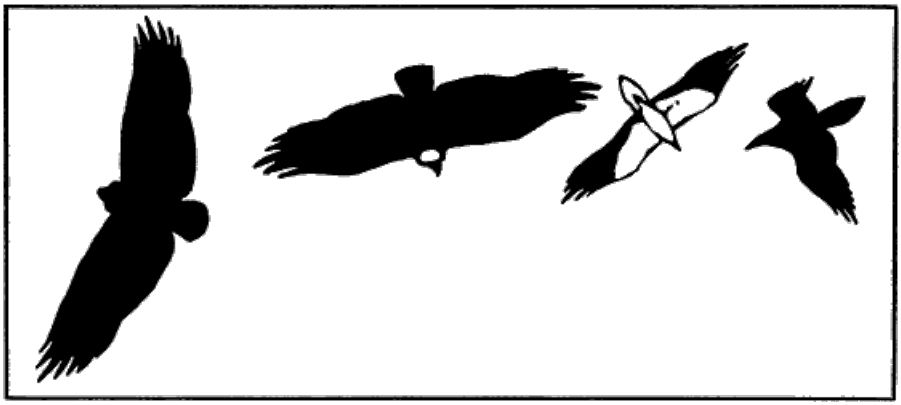


1. Это след тигра. Еще совсем недавно такие следы встречались у озера Балхаш, по берегам рек Или, Сыр-Дарья, Аму-Дарья.

2. След каракала пустынной рыси.

3. След дикой кошки-манула.

Силуэты на облаках



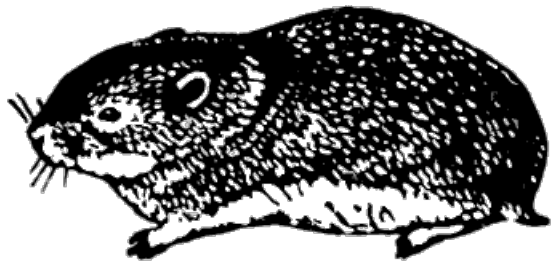
Пусто зимнее небо. Изредка проплывает в сторону гор огромный бурый гриф. Или сип белоголовый закружит над каменистым ущельем. А то стервятник повиснет над кишлаком, высматривая поживу. Или пролетит ворон, шумя крыльями.

НЕВИДИМКИ ПЕСКОВ

ДЛИННОИГЛЫЙ ЕЖ. «Биология изучена недостаточно». Живет длинноиглый еж в южной Туркмении. От ушастого пустынного ежа, который может встречаться вместе с ним, отличается длинными иглами, лысинкой на голове и очень быстрым бегом. За лысинку называют его еще лысым ежом. Бегает лысый еж в сумерках и ночью. Испуганный и рассерженный, повизгивает, как поросенок. Другие же ежи могут только пыхтеть.

Цвет его изменчивый: от грязно-серого до чисто-белого. Все наблюдения над ним очень ценны.

МАЛАЯ БЕЛОЗУБКА. «Биология изучена недостаточно». Крохотный зверек, похожий на нашу землеройку. Живет от Каспия до Балхаша. Встречается даже в домах, садах и огородах. И все же о жизни ее очень мало известно. А ведь юннатам такой «зверь» по силам.

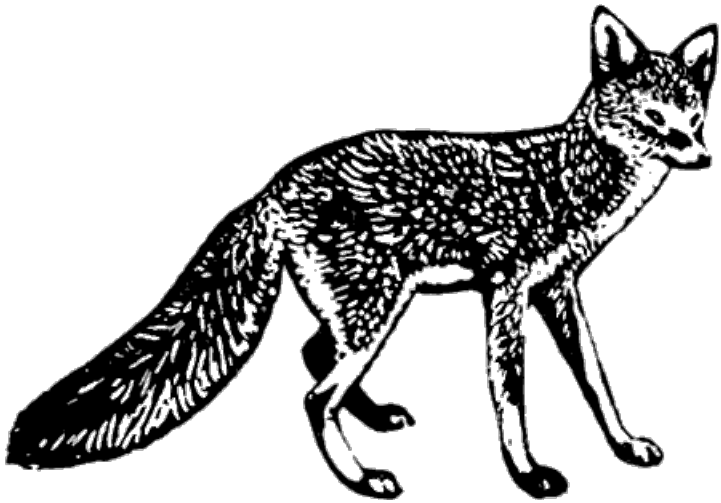


ЖЕЛТАЯ ПЕСТРУШКА. «Все сведения о желтой пеструшке представляют большой интерес».

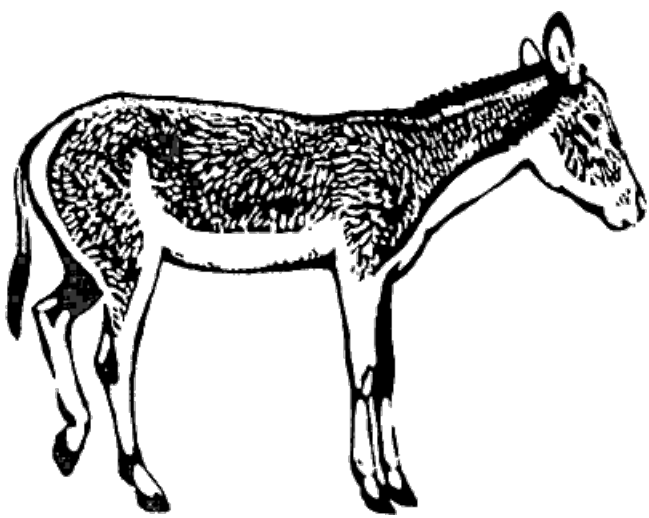
Сто лет назад желтая пеструшка была самым многочисленным зверьком в пустынях у Аральского моря и у озера Балхаш. Но потом она вдруг исчезла, как сквозь землю провалилась. И в последнее десятилетие ни один исследователь ее не нашел, несмотря на упорные поиски. И все-таки она где-то сохранилась! В погадках пернатых хищников нет-нет да и найдут ее свежие косточки. Где-то живет этот таинственный зверек, только вот где и как — никому неизвестно.

ПУТОРАК. «Биология изучена недостаточно».

Путорак — самая красивая наша землеройка — серебристо-серая с серебристо-белым. А лапки-ручки нежно-розовые. Все время шмыгает носиком-хоботком — вынюхивает добычу. А уж поесть любит: жуков и личинок за ночь загрызает десятками.



АФГАНСКАЯ ЛИСИЦА. Это маленькая пустынная лисичка с очень большими ушами. Охотники изредка встречают ее в южной Туркмении. Ученые о ней пишут так: «Данных по биологии нет. Всякая достоверная находка и сведения по биологии этого зверя представляет большой интерес».



КУЛАН. Часто кулана называют диким ослом. Когда-то табуны куланов носились по всем пустыням нашего юга. Сейчас, как память о них, остались только названия гор да родников, где они обитали: Кулан-даг, Кулан-булак… Скотоводы заняли родники и лишили куланов водопоя. Охотники за целебным куланьим мясом уничтожали их у редких незанятых родников. Сохранились куланы лишь в Бадхызском заповеднике да на острове Барса-Кельмес, куда их специально завезли. Куланы исчезли, но нет-нет да и дойдет вдруг слух, что будто бы кто-то их где-то увидел. Может, и взаправду они еще где-нибудь

сохранились, кроме Бадхыза и Барса-Кельмеса?

Кто чего может?

Крошечный **МОХНОНОГИЙ ТУШКАНЧИК** может прыгнуть на два метра. Это в 17 раз длинней его туловища. Если бы джейран прыгал так же резво, он за один прыжок пролетал бы 20 метров.

ДРОФА-КРАСОТКА может быстро вилять на бегу, кидаясь из стороны в сторону. За это ее прозвали «вихляем».

ЖЕЛТЫЙ СУСЛИК может девять месяцев в году не пить и не есть.

ЗМЕЯ ЩИТОМОРДНИК может проглотить добычу вдвое тяжелее собственного веса.

ЗМЕЙКА-СТРЕЛКА, проглоченная большой змеей, иногда ухитряется развернуться в ее желудке и выползти из пасти наружу.

ВАРАНЫ, САКСАУЛЬНЫЕ СОЙКИ, ТОНКОПАЛЫЕ СУСЛИКИ И ПЕСЧАНКИ могут всю жизнь не пить воду.

САЙГАКИ могут пить воду соленую.

ДИКОБРАЗ умеет насаживать врагов на свои колючки. Сперва удирает со всех ног, а враг — волк, каракал, собака — гонится за ним. Потом дикобраз с ходу останавливается и растопыривает колючки. Враг с разгону тычется в них мордой и лапами, словно в колючий куст.

ГРЕБНЕПАЛЫЙ ТУШКАНЧИК может, словно белка, прыгнуть на высоту в 1 метр, повиснуть на нижних веточках акации или саксаула и даже лазать по веткам, огрызая свежие побеги.

ПОЛОСАТАЯ ЯЩЕРКА может ловко лазать по кустам и перепрыгивать с ветки на ветку, как птичка.

Стрелок

«Живет у нас зверь, похож на черного донгусёнка, на кабанчика, только не щетиной утыкан, а пестрыми длинными иглами. Никто с ним не справится: ни волк, ни собака, потому что иголками своими он стреляет, как стрелами.

Раз я караулил бахчу. Под утро вдруг как взвоет моя собака, как завизжит! Я вскочил, схватил палку — что, думаю, с ней такое? Бежит она к костру — вся утыкана стрелами! Из лап, из морды, из груди торчат. Это ее этот зверь обстрелял!

Схватил я фонарь и к нему. Загнал в угол каменного забора, замахнулся палкой, а он как взъерошится, как затрясется, как колючками загремит, как зубами заскрипит! И вжик одна стрела в меня, вжик вторая! Еще, гляди, и глаза выколет!

Я отскочил, а он съежился и в дыру: только по кустам зашумело.

У собаки я до утра стрелы из шкуры вытаскивал. Одна стрела ухо насквозь проткнула, другая губу, третья лапу. И в шкуре еще с дюжину позавязло.

Утром пришел я на то место, где он в меня стрелял, а там, в углу забора, целый пучок стрел валяется. Хорошо, что я отскочил вовремя, а то бы он и меня этими стрелами с ног до головы утыкал!»

Дулта

«— Ты дулту знаешь? Нет? Ее мало кто знает. Она только по ночам ходит, днем прячется. Может, в зверинце видел? Ростом с волка, головатая такая, полосы на боках? А кричит — не то плачет, не то смеется.

— Может, гиена?

— Во, во — гиена! Вспомнил, русские ее так называют. Загнали мы раз эту гиену в нору. Не сами, конечно, собаки загнали. Ты наших пастушьих собак знаешь, они ни волка, ни барса не испугаются. Кинулись они за дултой, а мы за ними. И давай у норы нарочно топать, стрелять, кричать. Хотели дулту посильней напугать, чтоб она из норы не выскочила. Потом завалили вход камнями, забрали собак, чтоб не мешали, и пошли домой за лопатами. Решили дулту живьем поймать и продать в зверинец. Зверь это редкий, его сразу купят.

Пришли к норе и стали копать. Намучились мы с этой норой! В глине вымазались, о колючие кусты ободрались, руки и ноги о камни побили. Вдруг видим — торчит из отнорка хвост!

Потянули за хвост, а дулта-то, гиена эта самая — дохлая! Лежит на боку, глаза закрыты, язык высунут. Пихнул ее ногой — не шевелится. Мертвяк мертвяком! Вот так припугнули — до смерти! Пропали все наши труды — кому она нужна дохлая!

Оттащил я ее за хвост и бросил. Сели мы в сторонке на камни, отдыхаем, покуриваем. Сидим и удивляемся: неужели и в самом деле от страха околела?

Покурили, остыли, глядь — а дулты-то и нет! Туда, сюда — нет нигде! Удрала! Нарочно дохлой прикинулась, чтобы нас обмануть! И обманула!»

Верное средство

«Летом я живу в степи, пасу овец. Где овцы — там и я. А овцы там, где вода да трава. Овцы выбирают для меня стоянку.

Раз завели они меня в такое скорпионье место, хоть бросай все и уходи! И кошму стелил, и аркан волосяной раскладывал — не помогает. Заползают в постель, в одежду, в чувяки. В котле скребутся, в пиалах возятся, даже в спичечных коробках царапаются. Полотенце возьмешь, а в нем скорпион. Бояться стал: ни сесть, ни лечь, ни в руки чего взять! И если бы не прохожий старик аксакал, так бы то место и бросил, хоть и жалко было. Вода в булаке холодная, дрова саксауловые как порох, трава шелковая. „Возьми, — говорит старик, — богомола и брось к себе в юрту“. Я послушался — а что было делать? Да не одного, а с полдюжины разбросал в юрте, чтоб вернее. И поверишь, не прошло и недели — ни одного скорпиона не осталось! Нарочно все перетряхнул, во все щели заглянул — хоть бы один! Вот спасибо аксакалу — спокойно спать стал».

Человек-инкубатор

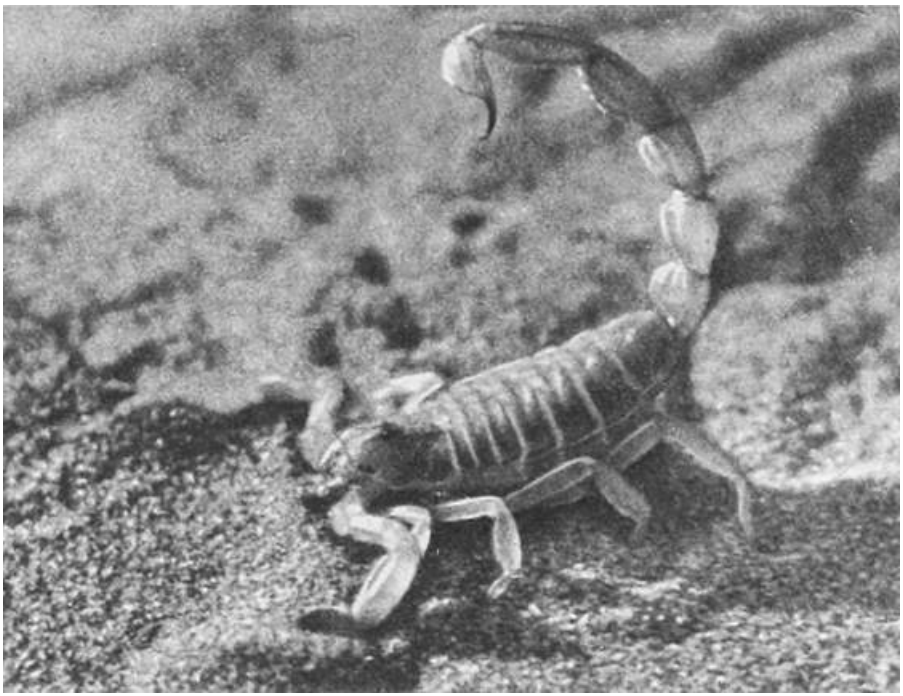
«Один мой знакомый беркутчи — так мы называем охотника с беркутом — охотится не только с беркутом, но и с соколом. Орлов он сам выращивает и вынашивает. А соколов даже сам и… высиживает!

Берет из соколиного гнезда не птенцов, а яйца. Соколы из года в год гнездятся в одном и том же гнезде. Чтоб соколы не

бросили гнездо, берет он из него не все яйца, а половину. Осторожно заворачивает их в теплую и мягкую верблюжью шерсть, потом в широкий платок, и платком этим подпоясывается. Так и носит соколиные яйца у себя на животе, пока из них не выведутся соколята. И тогда уж он их выкармливает и вынашивает. Верные и преданные, говорит, вырастают охотники».

Самоубийца

«Говорят, что фаланги и скорпионы на кошму будто бы не заползают; еще как заползают! Когда поймаем на кошме скорпиона, делаем так: кольцом раскладываем на земле горячие угли, а в середину сажаем клешнятого. Он сейчас же начинает бегать по кругу и размахивать длинным хвостом с ядовитой колючкой. Но куда бы ни сунулся — везде угли. Спасения нет. И тогда скорпион с горя убивает сам себя. Ткнет ядовитым шипом в голову — и готово!»



К рассказам «у ночного костра»

(Пояснения зоолога)

Люди, много времени проводящие среди природы, — лесники, пастухи, пасечники, охотники, — любят поговорить у костерка. От них можно услышать много удивительных историй о жизни диких животных. Натуралист не станет отмахиваться от таких рассказов, какими бы неправдоподобными они ни казались. Часто, очень часто в основе их лежит точное наблюдение… Но нельзя, конечно, и все принимать на веру. Ведь наблюдать — это не значит просто что-то увидеть. Надо еще увиденное понять и правильно истолковать. А это совсем не просто. Часто два человека видят одно и то же, а выводы делают совсем разные. Случайный городской человек, увидев, скажем, варана среди стада коз, вряд ли станет искать между ними какую-то связь. Пастух же сделает это непременно, так как он, постоянно следя за стадом, привык видеть, что все дикие животные, появляющиеся у стада, так или иначе с ним связаны, всем им что-то от стада нужно. Волки пытаются украсть козленка, орлы нападают на козлят и ягнят, галки выщипывают у овец линючую шерсть для гнезд, трясогузки ловят на овцах мух. Значит, и варан — раз уж появился в стаде! — тоже чего-то хочет. Чего же он может хотеть? Козленка ему не унести, шерсть и мухи ему не нужны, значит, скорее всего, он высасывает молоко! Вон и выполз прямо из-под лежащей козы, и брюхо раздуто! Если бы не твердое убеждение пастуха, что никто просто так у стада не появляется, то, может быть, он бы и заметил, что выполз варан из норы песчанки, на которой лежала коза, и что брюхо у него раздулось не от молока, а от проглоченной песчанки — хозяйки норы. Но пастух убежден в своем, и поэтому он старается не досмотреть, а додумать. И вывод свой основывает не на фактах, а на предположениях. Так, скорее всего, обстоит дело с широко распространенным в Туркмении представлением, что вараны высасывают молоко коз. Их там называют ичкимер, то есть «сосущий коз». Вспомните белорусских крестьян: они убеждены, что ужи высасывают молоко у коров. И тоже только потому, что часто встречали ужей в коровниках (куда те заползали для откладки яиц!) и у лежащих на пастбище коров (где ужи, а там их много, просто грелись на солнце!). Мысль о молоке приходит еще и потому, что крестьяне давно заметили, что ужи молоко любят, нередко заползают в дома и пьют молоко из крынок или из блюдечка, поставленного

для кошки. Кстати, и вараны в неволе от молока не отказываются. Но вот высасывать молоко ни варан, ни уж совершенно не могут.

Этим же, видимо, объясняются и рассказы о тушканчиках, высасывающих коров. Ведь назвали же у нас одну сумеречную птицу козодоем только за то, что она любит порхать вечером над стадом, идущим в деревню! Козодой ловит вспугнутых стадом ночных насекомых, а пастухам кажется, что он хочет их коз высосать.

Рассмотрим все рассказы по порядку.

Дикобраз, стреляющий иглами, словно стрелами. О стреляющих дикобразах можно услышать везде, где он только живет: в Индии, Афганистане, в Иране и у нас. И тем не менее дикобраз иглами не стреляет! Испытанный прием защиты дикобраза — вдруг остановиться на полном бегу и растопырить колючки. Преследователь с разгона натыкается на колючки, и они втыкаются ему в голову, в пасть, в лапы и плечи. От неожиданности и боли волк или собака резко дергаются назад и выдирают из дикобраза иглы, которые слабо держатся в его коже. Такие утыканные иглами-стрелами звери и породили легенду о стреляющем дикобразе. К тому же иногда, когда дикобраз резко поворачивается, иглы его, упираясь в камни, спружинивают и вылетают. Вот еще один пример того, что наблюдать и просто смотреть — не одно и то же.

Неправдоподобен рассказ о гиене, которая притворяется мертвой. Правда, жизнь гиен так мало изучена, что могут быть всякие неожиданности. Однажды я выстрелил по гиене и, как мне показалось, убил ее наповал. Но на убитом звере мы не нашли ни единой царапины. Убитую гиену бросили в кузов и поехали дальше. А на следующей стоянке вдруг увидели, что гиена жива и выглядывает из кузова! Тогда мы посчитали, что одна из картечин оглушила гиену и она на время «потеряла сознание».

Могут ли богомолы, словно кошки мышей, вылавливать в жилье скорпионов? Если вы специально напустите богомола на скорпиона, он, возможно, его и убьет. Но все дело в том, что богомол охотится днем, а скорпионы бегают ночью! В природе — и в юрте тоже! — они практически не встречаются. Правда, говорят, что мыши покидают дом, в котором поселился ежик: боятся его запаха. Возможно, и тут что-либо подобное.

Но это только догадка.

Малоправдоподобен и рассказ о богомоле — стороже птичьих гнезд. Делали опыт: сажали вместе богомола и ящерицу. Богомол действительно выкалывал у ящерицы глаза. Возможно, он может сделать это и со змеей. Блеск глаз он, видимо, принимает за блеск любимых им мух и жучков. Но очень сомнительно и даже

невероятно, чтобы птицы специально приносили богомола на гнездо, когда их птенцам угрожала змея. Если уж богомол справляется со змеей, то почему же он не защищается от ласточки, которая его бесцеремонно хватает и куда-то несет? Да и в желудках змей часто находили проглоченных богомолов.

Человек склонен жизнь животных объяснять со своей, человеческой точки зрения. Это называется очеловечиванием, или антропоморфизмом. Кто-то когда-то увидел на сучке под гнездом орла-змееяда полуживую змею. Если бы он был внимательным наблюдателем и проследил за змееядами, он скоро бы понял, что змея эта — дело случая. Случайно орел ее не добил, случайно она сползла с гнезда и, обессиленная, повисла на первом же сучке. Впечатлительный и поверхностный наблюдатель, пораженный увиденным, сразу же все объяснил по-своему: орел специально повесил змею под гнездом, чтобы она охраняла его птенца! Рассказ этого очевидца, конечно же, поразил воображение слушателей, всем надолго запомнился и передавался из уст в уста.

Трудно сказать, на чем основаны рассказы о том, что песчанки «пришпиливают» свои стожки к земле. Ни мне, ни моим знакомым натуралистам никогда не приходилось видеть ничего подобного. Также никогда я не видел, чтобы песчанки грузили колоски на спину и уносили их с поля, прижав сверху своим хвостом. Это напоминает рассказы о нашем ежике, который будто бы накалывает на колючки яблоки и уносит их в свою нору. Никогда наш ежик такого не делает и вообще ничего на зиму не запасает. Тут, видимо, опять проявляется та же склонность к очеловечиванию: а я бы, будь я ежиком или песчанкой, делал бы так — ведь так быстрей и удобней!

В рассказе о змее-гюрзе, приманивающей языком птиц в дупло, заключена полуправда.

Правда, что гюрза нередко заползает на деревья и в дупла. Могла она, высунувшись из дупла, показывать язык, как делают это все змеи. Правда, что гюрзы часто ловят на деревьях птиц: они так хорошо затаиваются, что птицы нередко садятся змее на спину, а то и на голову. Могли видеть, как птица вырывалась из пасти неловкой змеи (птица бьется, отчаянно кричит, перья летят — такое надолго запоминается!), отлетала в сторону, но тут же падала на землю, сраженная ядом. И гюрза не спешила к своей добыче, а оставалась лежать на сучке или в дупле. На самом же деле гюрза не может найти птицу, вырвавшуюся из ее пасти. Ядовитые змеи находят жертву свою по запаху следа, — а какой же след может быть у улетевшей птицы?

Все эти разрозненные наблюдения пастух или охотник по-

своему связал воедино, и получилась картина продуманной охоты хитрой змеи: прячется в дупло, высовывает из дупла язык (извивающийся червячок, порхающее насекомое!), кусает обманутую птицу, бросает ее под дерево в запас и ждет новую жертву. А уж потом, ночью, поедает всех сразу!

Широко распространены рассказы о скорпионе-самоубийце. Многие делали опыты и видели своими глазами, как скорпион, окруженный огнем или горячими углями, кончал жизнь самоубийством, ударяя себя в голову ядовитым шипом хвоста. Но натуралисты — дотошный народ: им мало просто увидеть, надо еще и проверить. Проверили, и оказалось, что ядовитый шип не может пробить хитиновую броню на скорпионе, а если бы и пробил, то и тогда скорпиону ничего бы не стало, так как собственный яд для него совершенно безвреден! А погибает скорпион не от яда, а от ожога.

Любопытен рассказ о «змеином» петушке. Крупная кобра действительно может проглотить мелкие куриные яйца, и если ее тотчас убить, а яйца вернуть наседке, то курица, конечно, может высидеть из них цыплят.

О таком случае, видимо, и было рассказано. Случай редкий, но, в общем, правдоподобный.

Большинство рассказов, услышанных у ночного костра, неправдоподобны. И тем не менее они интересны. И не только потому, что в основе многих из них лежат верные наблюдения, только неверно понятые, но и потому еще, что из них узнаешь распространенные представления местных жителей о животных, с которыми им приходится сталкиваться в процессе полевых работ. Это своеобразный «биологический фольклор», для любителей природы, краеведов. Он не менее интересен, чем местные поверья, приметы, пословицы. И, как всякий фольклор, не менее важен.

ЖИВЫЕ ЦЕПОЧКИ

Наследники

Летел ворон, каркал особым голосом. Корсак услыхал, насторожил уши, задрал мордочку вверх и потрусил за ним. Наткнулся на теплый корсаков след хорек-солонгой, принюхался, что-то понял и поскакал вдогон. А по следу солонгоя давно уже

ласка бежала. Так и торопятся вереницей один за другим: впереди ворон по воздуху, позади ласка по земле. Ласка надеется на добычу сильного хорька-солонгоя, солонгой на остатки со стола быстрого корсака, а корсак надеется на глазастого ворона. И только опустился ворон на мертвечину, а нахлебники, или, вернее, наследники, тут как тут! И корсак, и солонгой, и ласка. Все спешат сайгачьи кости помусолить. Того самого бедолаги сайгака, которого вчера волки загнали…

Гнездо и нора

Крепкое гнездо построила сорока, вывела птенцов, гнездо бросила. Поселилась в ее гнезде сизоворонка, птенцов вырастила, гнездо бросила. Занял гнездо сыч, птенцов высидел, гнездо бросил.

На четвертое лето облюбовал старое сорочье гнездо коршун. Натаскал сухих сучьев и веток: подновил, укрепил, надстроил. Сел птенцов высиживать. Воробьи не стали ждать, пока он их высидит, устроили свои гнезда в щелях коршунова гнезда.

Вывели коршуны и воробьи своих птенцов — гнездо бросили. А гнездо еще хоть куда — новых жильцов ждет!

Выкопал норку суслик, жил в норе три года. После суслика поселилась в норе пестрая перевязка. Чуточку норку расширила, год в норе прожила. После перевязки заполз в нору варан. Ничего не переделывал, свернулся в норе, уснул, зиму перезимовал. За вараном поселился корсак: нору углубил, расширил, щенят вырастил. За корсаком прожил год дикий кот-манул. За манулом шакал. А за шакалом пустынная рысь-каракал. Превратилась сусличья норка в рысье логово. Может, и до сих пор каракал в нем живет. А может, и кто другой: волк или гиена.

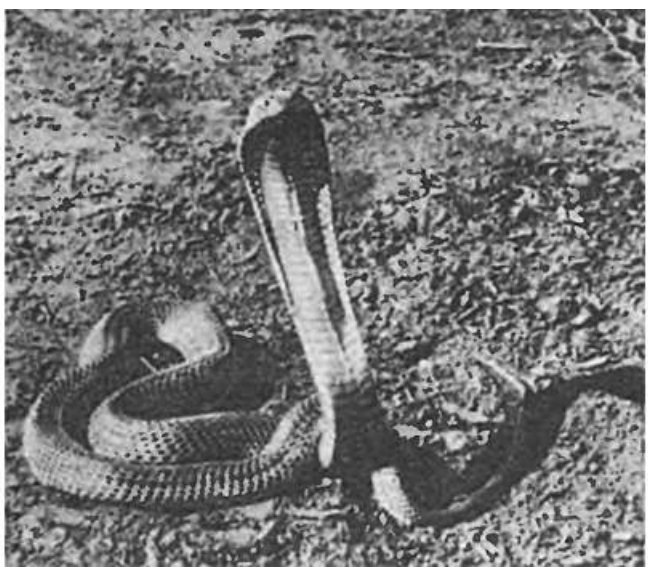
Кони и снег

Ночью глубокий снег укрыл склоны. Утром улетели от снега на равнину жаворонки и убежал корсак. Днем пригнали чабаны табун коней. Кони каменными своими копытами выбили снег до земли, дорылись до жухлой травы. К вечеру на оголенную землю

вернулись жаворонки — семена клевать. Из норок вылезли мыши — стебельки зубрить. Вернулся и корсак: на мышей и жаворонков охотиться.

Кони снег копытят, птицы и зверьки радуются.

Охота



Охота с ловчими птицами

Сильных и ловких хищников — соколов, балóбанов, крéчетов, орлов и ястребов — охотники приручают к охоте. На обученье берут птенцов из гнезда или ловят взрослых птиц. Взятых из гнезда зовут «гнездарями», а пойманных старых — «дикомытами».

Всех ловчих птиц охотники делят на каракушей — черноглазых, и сарыкушей — желтоглазых. «Черноглазые» — это соколы, а «желтоглазые» — ястребы и орлы.

«Черноглазые» никогда не хватают свою добычу, а «бьют». Падая сверху, они делают «ставку» — ударяют в спину — лапами с острыми когтями.

«Желтоглазые» же гоняются за добычей, догоняют ее и хватают, ловят «в угон». И не «бьют», а закалывают когтями.

Пойманных соколов, орлов, ястребов сначала «вынашивают» — приручают к себе. Кормят «в ползоба», так чтобы не худели и не жирели, чтоб всегда были в «струне». Кормят всегда с рук, приручают птицу к «позыву» — голосу или свисту.

У ловчих птиц особое снаряжение.

Клобучок — кожаный колпачок на головке, чтобы птица не волновалась. *Опутенки* — мягкие ремешки на «ёми» — лапы. За них охотник придерживает птицу, когда она сидит у него на руке.

Должик — крепкий ремешок с метр. Крепится к «опутенкам» и к насесту, когда птица находится дома. *Бубенцы* — серебряные колокольчики. Привязываются на лапы повыше «опутенок». По звону легче найти ловчую птицу с добычей в кустах, высокой траве или в камнях. *Рукавица* — из толстой кожи, длиною до локтя. На нее сажают хищника на охоте — чтоб не поранил когтями руку.

С соколом на уток

Верхом на коне едет охотник, на левой руке у него сидит сокол. Охотник спешит к озерку. Выезжает к нему не таясь: сейчас же с плеском и лопотом в воздух взлетают утки. Охотник срывает с сокола клобучок и подбрасывает сокола вверх.

Утиная стая длинной вереницей тянет на соседнее озеро. Сокол поднимается выше и выше.

Над степью летят утки. Над ними кружит сокол. Вдогон за птицами скачет по степи охотник.

Вдруг сокол сжался в комок и ринулся вниз. Всем телом, как камнем, ударил он первую утку, и утка закувыркалась к земле. Охотник на скаку подхватил с земли убитую птицу. А сокол опять взмыл выше стаи, опять навис над ней черной тенью и снова ринулся вниз. Свист полусогнутых крыльев, удар, летучее облачко ярких перьев: сокол взмывает вверх, а утка кувыркается вниз.

Утка за уткой падают на землю.

Сокол так разохотился, что с лету отшибает утиные головы, а то и крылья. Охотник еле успевает следить за ним да подбирать добычу.

Сокол бьет уток не грудью — так только казалось! — бьет задними когтями лап. Последнюю сбитую утку — десятую! — он подхватил на лету, а вместе с ней опустился на землю. Вздыбились перья на шее сокола, грозно сверкают его глаза, сердито позвякивают бубенчики.

С беркутом на волка

Пять «беркутчей» верхом на конях выехали на охоту. Равнина чуть волнистая — впереди все до самых гор видно. Беркуты сидят перед охотниками на седлах. Ветер посвистывает в их перьях. Кони пофыркивают, да камешки цокают под копытами.

Но вот из овражка выскочил волк. Пошел на махах, поджав хвост и оглядываясь через плечо. Охотники с гиком и свистом погнали коней, орлы расправили крылья. Стелятся по равнине кони с крылатыми всадниками! Мчатся охотники не прямо за волком, а наперерез, оттесняя его от гор и оврагов.

Вот один соскакивает с коня, срывает с беркута клобук и с трудом подкидывает птицу вверх. Орел, шумя крыльями, взлетает и кругами поднимается все выше и выше. С высоты он привычно осматривает равнину — и тут замечает волка!

Накренившись на крыло, беркут делает разворот и вдруг, полусложив крылья и свесив лапы, круто падает вниз, словно пикирующий бомбардировщик! Волк задирает голову, скалит навстречу зубы и огрызается. Беркут бесстрашно обрушивается на него, левой лапой вцепляется волку в крестец, а правую поднимает и держит наготове, словно замахивается. Орел скачет на волке, размахивая крыльями для равновесия. Но вот волк с ходу бороздит землю четырьмя лапами, запрокидывает голову к беркуту, и тут беркут вцепляется свободной лапой с медвежьими когтями прямо в оскаленную, покрытую клочьями пены волчью морду. Орел рывком сводит лапы вместе, пытаясь сломать волку шею. Но волчья шея крепка. Волк крутится волчком на одном месте и вдруг падает на землю и начинает кататься. Орел разжимает когти и взлетает. Волк удирает к горам. Но беркут, набрав высоту, снова кидается на него, снова вцепляется одной лапой в спину, а другой в морду и держит волка, согнув дугой, и

долбя в голову чугунным клювом.

Вихрем налетают охотники, самый ловкий на скаку скатывается с коня и закалывает волка кинжалом.

Беркут долго не может успокоиться, переступает с лапы на лапу, широко разевает клюв, перья на шее торчат дыбом. На клюве прилипла волчья шерсть и кровь.

Охотник угощает беркута мясом, говорит ему ласковые слова. Подставляет ему рукавицу, потом сажает на седло и надевает на голову клобучок. Охотники рысью спешат домой, весело переговариваясь и посвистывая.

Золотые слова

Кто волков боится — в тростник не заходит.

Одинокая овца — волку добыча.

Неумелого змея и на верблюде укусит.

Если ветер сбил верблюда на землю, то козу ищи в небе.

Ответы к стр. 44.

1. Песчаный тарантул убил песчаную круглоголовку.
2. Ворон вытащил из подпесочного хода песчаного таракана.
3. Большая песчанка украла на поле пучок колосков и тащила их к себе в нору.
4. Удавчик задушил песчанку.
5. Тушканчик сидел на задних лапках и грыз арбуз на бахче.
6. Сорокопут убил пеночку и заклинил в развилку.

Книжка закрыта — мы снова дома. Земля солнечного огня осталась за горизонтом. Со всеми своими диковинными лесами без листьев и тени. С сугробами золотого песка. С сухими дождями и солеными дорогами.

Птицы саджи бегают там на мохнатых звериных лапках, а зверьки тушканчики скачут на тонких птичьих ножках. Там живут гиены, кобры, гепарды. Там удавы ныряют в песок, а термиты съедают столбы.

Ветер, как всегда, линует барханы в косую линейку. Разлинованные пески ждут новых «писателей» — птиц, зверей, ящериц, насекомых. Носами, лапами, животами они напишут новые увлекательные истории. Ветер сотрет их, а они снова напишут. Продолжение следует. Бесконечная и мудрая книга песков ждет новых читателей.

Оглавление

Желтый океан … 6
Голос пустыни … 6
«На трусливого и собака лает» … 7
Пойдем на бархан … 8

Весна

День за днем … 10

«**Длинное ухо**». Тает снег. Весна в песке. Туман. Такыры ожили. События на старом кладбище. Черепаха. Чернотелка. Вежливые чернотелки. Тушканчики. Таинственная птичка. События в колодце. Саксауловые дрова. Земляная белка. Упупик. Каменный воробей. Черепашата. Пыль из норы … 11

На желтой тропе. Следы редких зверьков. Следы газелей и антилоп … 22

День за днем … 23

«**Длинное ухо**». То и не то. Нахальные жильцы. Рассвет. Черная бабочка. Зайцы-садовники. Бездомный домовой сыч. На огонек. На поклон к эфе. Таинственные бугорки. Полосатик. Пустыня ночью. В деревне песчанок. Ночные голоса. Поджаренная злость. Глоток тумана. Геккон строит баню. Ящуркин нос. Свирепый скарит. Змея, которая стоит. Странный лес. События в саксаульнике. Песчаная акация. Сенокос. Вороний зонт. А ему нипочем. За орлиной спиной. У вараньей норы. Оса угощает варана. Булак. Мусорщицы. Пушистый дом. Живой фонтан. Новоселье. Палка на счастье. Рот с ушами. Сиворакша. Яркий крик … 24

На желтой тропе. На месте преступления. Следы ящериц. Записи песчаной круглоголовки. Самый короткий след … 44

С днем рождения! … 47

День за днем … 48

«**Длинное ухо**». Красные дали. В степь по… грибы! Ящеричный град. Черепаший пир. Кукушка на песке. Многоквартирное дерево. Змеи на рельсах (*рассказ обходчика*). Домик под рельсами. Утка в печке. Земляной сыч. В лисьей норе. Не подходи! Лес розово-серебристый. События в тугае. Наводнение в тугае. Лисий концерт. Заячий сон. Пыльные зайцы. Предсказатели. Пугливый сверчок. Хомяк работает головой. Джейранчик. Разбойничье логово. Ущелье каменных козлов. События в ущелье каменных козлов. Они знали! Живой ураган. Геккон со свистулькой. События на крыше. Такыр. События на такыре … 49

На желтой тропе. Перепуганный жук. Скарабей катит шар. Следы разные. Следы жуков. Силуэты на проводах … 71

С днем рождения! … 74

Невидимки песков … 75

Кто чего может? … 76

У ночного костра. Воришка. Змеиная хитрость … 77

Живые цепочки. Костер. Дорога … 78

Охота. Охота на змей. Опасно для жизни. Змея и скорпион. Следы змеиных зубов. Оружие змеелова. Страшные случаи на змеиной охоте (*рассказы ловцов змей*). Про черепах … 79

Золотые слова … 88

Лето

День за днем … 90

«**Длинное ухо**». Варан собирает дань. Равнина цикад. Шум в норе. Жавороночья степь. Цветное пятнышко. Вкусная паутина. Хитрый удод. Бегунок. Авдотка. Птичий базар. Бабочки под землей. Поющий бархан. События на поющем бархане. Инкубатор. Зеленые зонтики. Слепушонка пьет тюльпаны. Кто спит — тот пьет. Пчелиные отбивные. Черепахи несутся. Подземный луг. Черепашья скала. События на заброшенном кладбище. События в ущелье каменных козлов. Сторожевые колокольчики. Хвост торчком. Всем по капельке. Кумушки. Гнездище. Голоса змей (*рассказ змеелова*). Красный каньон. События в красном каньоне … 91

На желтой тропе. Плавающие в песке. Сетчатая ящурка на охоте. Ежик и черепаха. Гусеница и таракан … 110

С днем рождения! … 112

День за днем … 113

«**Длинное ухо**». Соленый иней. События у колодца. Жара. Жаркие пляски. Обугленные хвостики. Соленая дорога. Держи ноги в… холоде! Сокол в засаде. Белые платочки. Сойка в телогрейке. 45 градусов в тени. Жареная саранча. Волчий колодец. Зверь за ловцами бежит. Где тень? Крикливый хвост. А ему хоть бы что! События на такыре. Синяя борода. Наперегонки. События в садах. Джейраньи чаши. Волшебное зеркальце. Тарантулий посев. «Проклинающая солнце». Розовая равнина. Примета. Краснокрылы … 113

На желтой тропе. По следу удава. Следы неожиданные … 129

С днем рождения! … 130

День за днем … 131

«**Длинное ухо**». Слезопойки. Хитрецы. Ежик бегает ночью. Разноцветные склоны. Кобра купается. Змея в очках. Кобра и божьи коровки. Сколько земли? Кому жарче? Сколько саранчи? Зверек, которого никто не знал. Ручной зверек. Селевиния на охоте. Чим-чим и биб-биб. Завтрак в постель. Песочное одеяльце. События на крыше. Сайгачьи дожди. Мышиные дыни. Опасный обед. Непьющие. Вкусный столб. Ржавый нос. Потерянные

воротнички. Неряха. Барахольщик (*рассказ зоолога*). События на бахче … 132

На желтой тропе. Птичьи следы. Следы зверьков. Силуэты на проводах. Силуэты на барханах. Силуэты на небе … 145

Осень

День за днем … 158

«**Длинное ухо**». Забот полон рот. Хвост за голову. Рубаху съел. Круглоголовка падает в обморок. Вкусные камешки. Радужное настроение. Тени ночного неба. В кяризе. Тревожные барабаны. Пустынный загар. Кровопийцы. Глаза на песке … 158

На желтой тропе. Следы безногих. По следам саксаульной сойки. Следы жуков. Силуэты на облаках … 165

День за днем … 167

«**Длинное ухо**». На узкой дорожке. Ящерка и круглоголовка. Лунная струйка. Напудренная куропатка. Белая смерть. И жук — мясо! Бегут кусты перекати-поля. В солонке. На чужих крыльях. Сквозь землю. Полынка ложится спать. В норку погреться. Корабль пустыни. Травяной островок. Прогревание животов. Красотка и красава … 168

На желтой тропе. Следы тушканчиков. Следы сусликов. Следы песчанок. Кошки — мышки. Какая черепаха … 176

День за днем … 178

«**Длинное ухо**». Ветер метет барханы. Хвост-сачок. На солнышке. Мышь-робинзон. Великий посев. Варан набирает вес. Пошла Жучка в пески… Охотничий дом. Земляная крыса. Гости из тайги. Тропинка гостей. Пир на весь мир. Сам карусель. Франты. Сон. Телеграфный лес. Верблюжий гребешок … 178

На желтой тропе. Следы очень редких зверей. Силуэты на проводах … 186

Невидимки песков … 188

Кто чего может? … 189

У ночного костра. Хитрецы. Верные сторожа. Петушок … 190

Живые цепочки. Работа кипит. Вор у вора украл … 192

Охота. Страшные случаи на змеиной охоте (*рассказы ловцов змей*) … 193

Золотые слова … 196

Зима

День за днем … 198

«**Длинное ухо**». Бегом от мороза. Верблюжий запас. Уснувшие обеды. Общежитие под землей. Грачи прилетели. Песчанки затопили печи. Белая чернотелка. Гекконница. Заживо погребенные. Пешком по солончаку. По глинистой пустыне. По барханам. Майна на печке … 198

На желтой тропе. Следы тушканчиков. Следы редких зверей … 204

День за днем … 205

«**Длинное ухо**». Они знали. Холодно. Гости с гор. Гости из тундры. Тамарисковая песчанка. Глубокий снег. На берегу. Старые и молодые. Ночной вор. Нос с глазами. Заячьи носогрейки. Зимняя змея. Зимний гриб. Как весной … 206

На желтой тропе. Птичьи следы. Эти следы приводят к жилью … 211

День за днем … 212

«**Длинное ухо**». В саксаульнике. В кишлаке. Беда. За каменной стеной. Зачем тушканчику хвост? Видно тушканчика по хвосту. Кошка и мышка. Большой и маленький. Джейраньи зеркальца. Жаворонки и воробьи. Песочные часы. Не бесследно. Змеиное логово. Жизнь сквозь сон. Грустное письмо. Солнце пригрело … 213

На желтой тропе. Следы очень редких зверей. Силуэты на облаках … 220

Невидимки песков … 220

Кто чего может? … 222

У ночного костра. Стрелок. Дулта. Верное средство. Человек-инкубатор. Самоубийца … 223

К рассказам «**У ночного костра**» (*пояснения зоолога*) … 226

Живые цепочки. Наследники. Гнездо и нора. Кони и снег … 229

Охота. Охота с ловчими птицами. С соколом на уток. С беркутом на волка … 231

Золотые слова … 233